

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/13675990>

Призрак Гермионы

Направленность: Гет

Автор: MBelinskaya (<https://ficbook.net/authors/1222308>)

Беты (редакторы): Anya Brodie (<https://ficbook.net/authors/3153859>)

Гаммы: Ghottass (<https://ficbook.net/authors/2636685>)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер», Гарри Поттер (кроссовер)

Пэйринг и персонажи: Гермиона Грейнджер/Драко Малfoy, Блейз Забини/Пэнси Паркинсон, Теодор Нотт

Рейтинг: NC-17

Размер: 191 страница

Количество частей: 18

Статус: завершён

Метки: пытки, Предательство, Сексизм, Убийства, Психологическое насилие, Серая мораль, Погребение заживо, ООС, Романтика, Ангст, Драма, Фэнтези, Мистика, Психология, Дарк, Hurt/Comfort, Жестокость, Смерть второстепенных персонажей, ПостХог, Фастберн

Описание:

Несмотря на ужасающие события, трупы и сражения, Гермиона верила в победу. Ещё не сломленная часть неё, державшаяся за друзей и Орден, надеялась на лучшее. Это стало единственным, что заставляло открывать глаза по утрам, собираться на поиски неизвестного крестража и подбадривать изничтоженных Рона и Гарри.

Примечания:

Некоторые каноничные события изменены:

- Сириус Блэк жив.
- Северус Снейп погиб в 1999 году при других обстоятельствах.
- Битвы за Хогвартс не было.
- Присутствуют сцены, влияющие на события и отсутствующие в каноне.
- Метки будут добавляться в процессе выпуска глав.

— Соавтор является художником, которому нужен доступ к тексту для последующей печатной версии, просьба не беспокоить.

Трейлер фанфика <https://www.youtube.com/watch?v=K4hn7OaiWnk>

Посвящение:

Оля очень давно хотела, чтобы я написала Дарк. И хоть он вышел не таким, какой хотела она, я всё равно посвящаю эту работу прежде всего ей.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора / переводчика

Оглавление

Оглавление	2
Глава 1 «Ценность победы»	3
Примечание к части	15
Глава 2 «Меня не выбирают»	16
Примечание к части	31
Глава 3 «С этого всё началось»	32
Примечание к части	43
Глава 4 «Добро или зло»	44
Примечание к части	54
Глава 5 «Последний патронус»	55
Примечание к части	64
Глава 6 «Первое правило величия»	65
Примечание к части	76
Глава 7 «Отмщение»	77
Примечание к части	88
Глава 8 «Домовики – это о преданности»	89
Примечание к части	100
Глава 9 «История о потерянных книгах»	101
Примечание к части	117
Глава 10 «Апогей спасения»	118
Примечание к части	128
Глава 11 «Предпочтительное насилие»	129
Примечание к части	141
Глава 12 «Безразличные мужчины»	142
Примечание к части	153
Глава 13 «Семейная идиллия»	154
Примечание к части	165
Глава 14 «Важность в обыденности»	166
Примечание к части	174
Глава 15 «Старая подруга»	175
Примечание к части	186
Глава 16 «Два слова»	187
Эпилог	198
Примечание к части	200
Сноски:	202

Глава 1 «Ценность победы»

Август 1999 год, Великобритания

Гермиона не помнила, когда они в последний раз нормально ели, пили, разговаривали. Слово «нормально» в принципе покинуло их общество за минувшие годы. Его вытеснили война, бесконечные смерти и ощущение, словно так продлится оставшаяся вечность. На смену явилась приставка «вынужденно», которую подставляли к каждому болезненному решению. Она никогда не предвещала хорошего, а просто заставляла довольствоваться меньшим.

Таким образом.

Гарри *вынужден* жить как на пороховой бочке, потому что на него надеялся весь волшебный мир. Рон *вынужден* мириться с засевшей в сознании тревогой, потому что вся его семья уже завтра может оказаться мёртвой. Орден *вынужден* сражаться, потому что вариант «сдаться» уже не рассматривался. Пожиратели *вынуждены* биться насмерть, потому что их не примут с неудачей. Для них лучше умереть на поле боя, чем от руки своего господина.

Эта история, ставшая погибелью для всех, не предвещала счастливый конец. *Война никогда не заканчивалась хорошо.* Она забирала привычный мир, близких друзей, любящую семью, любые чувства и каждую эмоцию, а после этого уничтожала душу. Лишала способности ощущать настоящее и оставляла только единственное, подкреплённое месяцами погонь и расправ желание, *чтобы всё скорее закончилось.*

Уже не важно, как, с каким исходом и количеством жертв, только бы всё прекратилось. Гермионе хотелось проснуться в кровати на мягком матрасе, вдохнуть аромат постельного белья и взглянуть в окно, не боясь летящего заклинания. Все желания, мотивы и воля медленно сходили на нет, утягивая в пустоту бесцветной жизни, где уже погребло счастье и теперь умирало спокойствие.

Но, несмотря на ужасающие события, трупы и сражения, Гермиона верила в победу. Ещё не сломленная часть неё, державшаяся за друзей и Орден, надеялась на лучшее. Это стало единственным, что заставляло открывать глаза по утрам, собираться на поиски неизвестного крестража и подбадривать изничтоженных Рона и Гарри.

Гермиона всегда улыбалась, пыталась шутить и вселять в них уверенность, даже когда сама её теряла.

«Ты опора, Гермиона, ты должна быть с ними».

Это были слова Сириуса. Он часто напоминал, что у неё есть долг и обязанности. Причём не только перед друзьями, ставшими для неё своеобразной поддержкой, но и перед Орденом, давшим славу. Вероятно, Сириус считал, что вселяет в неё уверенность, но для Гермионы это становилось страхом. Опасением, что, если остановится, её оставят. И если раньше ей было куда идти, то сейчас семья потеряла свою актуальность.

Порой Гермиона даже ловила себя на мысли, что идёт на бой такой же, как и Пожиратели. *С желанием умереть или победить.* Но в те же моменты она разубеждала себя в праведности подобных идей. Гермиона старалась считать, что все её действия обусловлены дружбой и любовью.

— Гермиона, ты идёшь?

Голос Гарри заставил её вздрогнуть и оглянуться.

Он стоял у входа в палатку, опираясь рукой о деревянный стол.

Давно отросшая щетина, взъерошенные волосы и измученный взгляд. Казалось, в ярко-зелёной радужке, где Гермиона часто находила тень поддержки, не осталось ничего, кроме усталости. И если даже Гарри — человек, который их ведёт, — уже не мог скрывать угнетённое состояние, то стоило ли пытаться ей?

Да, стоило. Потому что Гермиона опора.

Так говорил Сириус.

— Конечно, — она тепло улыбнулась и встала со скамьи, убирая вещи в бездонную сумку.

Гарри подошёл, помогая ей складывать книги и записи. В этом действии не было ничего великого или важного, но отчего-то оно приносило лёгкое дуновение спокойствия.

Монотонность превращалась в спасение от дурных мыслей.

— Как Рон? — спросила она, укладывая последний фолиант.

— Сегодня получил сову от Молли, — Гарри практически улыбнулся. — Все живы.

Гермиона кивнула и поспешила на улицу. Оказавшись на свежем воздухе, она заметила лежавшего на земле Рона и склонила голову набок, засматриваясь его неприкрытой радостью.

Рыжие волосы переливались в свете закатного солнца, ресницы трепетали, а губы вытянулись в довольную улыбку.

На мгновение Гермиона вспомнила приятный привкус прошлого.

Она прикрыла глаза, вдохнула насыщенный и яркий аромат цветов, прислушалась к пению птиц и почувствовала на лице ветер. Непередаваемое ощущение лёгкости поселилось в ней на несколько секунд. Словно нет войны, мира на краю гибели и смертей. Они недалеко от Норы, выбрались погулять летним вечером.

— Энтони сказал, что они движутся с Востока, — тяжело выдохнув, произнёс Гарри. — Если пойдём сейчас, то успеем добраться до тринадцатого и переждать.

— Умеешь же ты поднять настроение, — недовольно буркнул Рон, вставая с травы. — Нет бы «Рон, Гермиона, давайте трансгрессируем в тот бар на окраине. Поедим, поспим и после отправимся в путь».

Гермиона усмехнулась, покачав головой, а Гарри хитро улыбнулся и подошёл к Рону, отдавая куртку.

— Рон, давай будем следовать плану, и тогда вечером я дам тебе двойную порцию каши, — с этими словами Гарри похлопал друга по плечу и двинулся по указанному маршруту.

— Однажды меня перестанут преследовать шутки про еду, — Рон закатил глаза, набрасывая верхнюю одежду.

— Это он ещё не вспомнил об украденной на первом курсе сосиске, — засмеялась Гермиона.

— Кстати о сосисках, я тут видел такого кабана...

— Пошли уже, — крикнула Гермиона, ускоряя шаг.

Рон быстро нагнал Гарри, и через пару минут они уже перешёптывались, почти забыв об идущей сзади Гермионе. Поджав губы, она опустила голову, стараясь смотреть под ноги и не обращать внимания на собственную отрешённость. Гарри и Рону всегда было комфортнее вместе, она это знала и со временем перестала равняться с ними, чтобы вступить в беседу.

Потому что это выглядело глупо. Зачастую Гарри и Рон говорили о квиддиче, не особо важном для Гермионы, о Джинни и Лаванде, любовные дела с которыми её не интересовали, о новых заклинаниях, подсказанных Аластором Грюмом на индивидуальных занятиях. Практически ни одна тема не соприкасалась с той, что Гермиона могла поддержать. Отчего её реплики звучали как попытка привлечь внимание.

Со временем она перестала бежать за поездом, который невозможно догнать.

Через несколько километров пути идти стало сложнее. Земля будто затягивала их, ветки постоянно мешали, а ноги тяжелели. Свежего воздуха, несмотря на практически ушедшее солнце, не хватало, невероятная и несвойственная для местности духота заставляла их чаще останавливаться, чтобы передохнуть. В один из привалов Рон и вовсе рухнул у одного из деревьев и снял с себя куртку, пытаясь обмахиваться ею.

— Неужели мы так увлеклись, что оказались в Испании? — усмехнулся Рон.

Гарри и Гермиона переглянулись, подавив смешки.

Опустившись на землю, Гермиона откинула голову на дерево, смотря вверх. Темнеющее небо напоминало, что скоро к духоте и тяжести добавится желание поспать. А кроны деревьев доказывали: они прошли только половину пути.

И это странно.

Прежде чем идти, она хорошо изучила местность. И по всем расчётам, они уже должны были ощутить на себе защитную магию тринадцатого штаба. Но в итоге прошли лишь часть заданного маршрута.

Это пугало Гермиону. Убеждение, что их запутывали и изнуряли специально, с каждой секундой всё прочнее обосновывалось в голове.

Неужели ловушка?

При мысли о засаде тело отозвалось режущей болью. Гермиона физически ощущала нежелание быть пойманной и уж тем более драться. *Не сейчас, не в этом состоянии.*

В разуме завертелись список вещей в сумке и формулировка скрывающего заклинания. Гермиона уже потянулась к палочке, когда услышала:

— Экспеллиармус.

Голосом не Гарри или Рона...

Древко вылетело из её рук, и Гермиона сразу же бросилась за ним, но уже в следующую секунду была остановлена заклинанием. Тугие путы обхватили её запястья и ноги, заставив рухнуть на землю, а последующие возгласы друзей убедили, что те не успели защититься. Последнее, что Гермиона увидела, это ботинки и подол мантии.

Чёрного цвета.

***

Когда сознание начало возвращаться к Гермионе, первой она ощутила головную боль, следом ноющие от узлов запястья, а после леденеющую под собой землю.

Ловушка.

Поняв собственное положение, Гермиона не рискнула открыть глаза сразу, а попыталась прислушаться к окружающему её пространству. Слуха касались свист ветра, тяжелое дыхание, шелест травы под ногами и треск дерева, истязаемого огнём. Ароматы дыма, земли и сандала вводили в замешательство, а лёгкое тепло обдавало кожу.

Они оставались в лесу, и рядом горел огонь.

Гермиона открыла глаза и сразу заметила ботинки и подол мантии незнакомца, стоявшего немного поодаль от неё. Его лица она не видела, но, скользя взглядом снизу вверх, готовилась определить по палочке. Ту он держал в правой руке, перекатывая между пальцами. В свете огня Гермиона смогла вспомнить древко. А следом, подняв голову и отметив светлые волосы, узнать и хозяина.

Кровь в жилах похолодела, а разум пустился рисовать картины не лучшего будущего. Гермиона попыталась шевельнуться, но путы лишь крепче стиснулись

вокруг запястий, лежавших на коленях, и заставили болезненный стон сорваться с её губ.

— Не старайся, Грейнджер, — бросил Малфой, даже не поворачиваясь. — Чем больше сопротивляешься, тем туже они сжимаются.

Сказав это, он развернулся к ней лицом и издевательски ухмыльнулся, смотря прямо в глаза.

— Авторская разработка. Уверен, такая ценительница инноваций, как ты, оценила, — добавил он и присел, проводя палочкой сбоку от неё.

Повернув голову, Гермиона увидела связанных Гарри и Рона, сидящих недалеко от неё. Они были без сознания, но, как только древко показалось перед их носами, очнулись. Первые пару секунд Гарри пытался рассмотреть волшебника перед собой, а когда осознал всё, свёл брови к переносице и попробовал выбраться, на что Малфой рассмеялся.

— Люблю эту гриффиндорскую черту, — отметил Малфой, внимательно смотря на Гарри. — Никакой стратегии или плана, грубая сила. Так держать, Поттер.

— Пошёл ты, Малфой, — выплюнул Рон.

В это же мгновение Гарри и Рон попытались выбраться, но оковы стянулись настолько туго, что послышался хруст костей. Настолько отчётливый и резкий, что Гермиона будто сама ощутила всю боль Гарри, стиснувшего зубы.

— Не надо, — крикнула она. — Чем больше сопротивляешься, тем туже они сжимаются.

— Пять очков Гриффиндору, — улыбнулся Малфой, а после положил руку на грудь в районе сердца. — Снейп бы в гробу перевернулся, услышав это от меня.

— Любопытно, что ты вспомнил единственного, кто из вас перешёл на верную сторону, — огрызнулся Гарри, с ненавистью смотря на Малфоя.

От воспоминаний о Снейпе в груди Гермионы болезненно закололо, и она стиснула зубы, пытаясь совладать с тяжёлыми воспоминаниями о безвременной кончине преподавателя. На мгновение она заметила, что и Малфой на пару секунд переменялся в лице, но тут же вернул издевательскую улыбку и посмотрел на Гарри.

— Жаль, что напрасно, — пожал плечами Малфой. — Скоро ты окажешься в руках Тёмного Лорда, тем самым обесценив каждую жертву во имя тебя.

Малфой поднялся на ноги, поправил одежду и подошёл к дереву. Взяв около него мешок, Малфой вытащил из него небольшую статуэтку, вокруг которой показались железные крючки. Понимание в голову Гермионы просочилось быстрее, чем Рон или Гарри успели осознать происходящее и ожидаемое.

— Малфой, нет! — закричала она, заставляя всех оглянуться.

Гермиона ещё не знала, какими аргументами, обещаниями или фактами

убедит Малфоя остановиться, но понимала, что это необходимо. Они не могли попасться так просто, не после всего, что пережили, прошли и вынесли. Их история не закончится на ловушке в лесу и смерти. Гермиона была готова на всё, чтобы это предотвратить.

В Малфое ведь должно было остаться хорошее? Да, он никогда не являлся лучшим другом или соратником Гарри, всегда стоял по ту сторону каждой битвы или сражения, но всё же? Гермиона помнила последний курс Хогвартса, где он метался, не желая исполнять план. В её памяти хорошо отпечатался его истерзанный взгляд, и именно он сейчас заставлял её верить.

Малфоя можно убедить.

Снейп оказался на их стороне. Пока все считали его предателем, он строил планы по спасению Гарри, зная все секреты Дамблдора. Снейп боролся за Орден, за Гарри, за них всех не хуже Макгонагалл или Слизнорта, хотя всю свою жизнь Гермиона считала иначе.

Люди меняли сторону под гнѐтом обстоятельств — тот, кто когда-то был тьмой, способен стать светом. *Она в это верила.* И сейчас вспоминала каждую деталь, за которую могла зацепиться в Малфое. От убийства его родителей Тѐмным Лордом до изничтоженного взгляда на протяжении последнего курса.

Гермиона намеревалась использовать всё, чтобы уговорить Малфоя их отпустить. Тем более иного выхода у них не было.

— Тебе же не нравится правление Тѐмного Лорда, — уверенно говорила Гермиона, стараясь убедить и себя одновременно. — Неужели ты хочешь, чтобы он победил? Если есть шанс это изменить.

Она переходила на шѐпот, смотря в ледяные глаза некогда однокурсника. В нём она всегда видела лишь зло и оскорбление и сейчас не могла поверить, что умоляет его помочь им. Одна её часть — прошлая, горделивая — никогда бы не опустилась до этого, но сейчас она знала слишком много смерти, страданий и боли, чтобы вернуться к этому.

Гермиона не гнушалась молить, когда впереди виднелась пустота.

— Мы защитим тебя, когда победим, — обещала она. — Расскажем, что ты спас нас, отдадим воспоминания, всё, Драко!

Гермиона заметила, как от его имени он рвано втянул воздух. Именно этот жест дал ей зелёный свет.

— Но прошу тебя, не делай этого. Спаси жизнь Гарри, чтобы он спас наши судьбы. Ты же хочешь поражения Лорда не меньше нас, — продолжала убеждать она. — Я допрашивала Пожирателей смерти, я знаю, как он с вами обходится, знаю, как наказывает, — она сделала паузу, чувствуя, что в глазах застыли слѐзы. — Я знаю, что он убил Люциуса и Нарциссу. Знаю, Драко.

Последняя фраза стала самой большой ошибкой. Малфой изменился в лице и посмотрел на неё так, что она ощутила холод, рассеивающийся по груди. Словами о родителях Гермиона хотела разбудить в Малфое то живое, что от него осталось, но, кажется, произвела обратный эффект, сделав больно...

— Пожалуйста, помоги нам, — это была её последняя попытка достучаться до него.

Обеспокоенные взгляды Рона и Гарри устремились на Гермиону в то же мгновение, когда Малфой медленно подошёл к ней, присев рядом. Он всматривался в её лицо, внимательно, твёрдо, словно копался в воспоминаниях. Причём настолько невесомо, что она этого не чувствовала.

Малфой потянулся к ней и крепко сжал подбородок пальцами, посылая по телу волны лёгкой боли. Малфой был напряжён, его глаза леденели, а ровное дыхание обдавало её лицо едва заметным теплом. Гермиона поймала себя на мысли, что дрожит.

— Меня всегда раздражало твое желание жить, — произнёс он, прежде чем вновь злобно ухмыльнуться. — Но да, Грейнджер, ты права. Поттер полезнее живым, чем мёртвым.

Малфой оттолкнул от себя Гермиону и поднялся на ноги. Быстрыми шагами он подошёл к Гарри и Рону, с нескрываемым удовольствием рассматривая их связанные конечности. Малфоя явно веселило текущее положение вещей, но и нечто иное она смогла уловить в его взгляде. *Он был согласен с ней*, но явно на совершенно других условиях.

— Предлагаю сделку, — произнёс Малфой, смотря на Гарри. — Её жизнь в обмен на твою. Хватит мужества на выбор?

От этих слов по позвоночнику прошёл лютый мороз, а в груди зажёгся огонь страха. Гермиона чувствовала, как температура поднимается, тело дрожит, сознание мутнеет от одной лишь мысли, что они согласятся.

Посмотрев на Малфоя, она увидела улыбку, такую яростную и злостную, что уже не верила в лучший исход.

Если они согласятся...

Гермиона мотнула головой, прогоняя от себя подобные мысли, но уже через пару секунд картина, где Малфой убивает её, подробно вырисовывалась перед ней.

Смогут ли Гарри и Рон отдать меня за победу?

Они знали, что за всё в мире нужно платить: и за поражения, и за выигрыши, даже за любовь и дружбу. Но ведь должна существовать цена, которую ты не будешь способен отдать? Гермиона надеялась стать ею. Но в её разуме, на крохотном острове недоверия, бушевала мысль: скорее нет, чем да.

— Что ты несёшь?! — закричал Рон. — Действительно считаешь, что мы отдадим тебе Гермиону?

— Конечно, нет, — произнёс Малфой, привычно растягивая слова. — Я считаю, что вам придётся сделать выбор. Не скажу, что простой.

Казалось, что Малфой играл на их нервах, пытаясь подвести к нужному ему

решению.

Неужели её смерть для него значительнее победы Лорда? Или он хочет новый мир без неё? Настолько она ему противна?

— На одной чаше весов ваша любимая Грейнджер, которая не проживёт слишком долго, оказавшись у Тёмного Лорда. Только подумайте, сколько Пожирателей мечтают вырвать её длинный язык, — говорил он, смотря в глаза Гарри. — И вместе с ней погибнете вы. Орден падёт, магическая Британия подчинится, а все неугодные умрут. Уизли, как думаешь, из головы твоей сестры получится хорошая подставка для ног?

В припадке злобы Рон рванул вперёд, и хруст его костей разнёсся по окрестности. Он сдавленно зарычал от боли, а Малфой спокойно вернул взгляд на Гарри.

— На другой драгоценная победа, Орден Феникса в зените своего тщеславия, вы все счастливые, с семьями и новой властью, которая не истребляет грязнокровок. Но всё это уже без неё, — Малфой кивнул в сторону Гермионы. — Я убью Грейнджер и буду уверен, что ни одна грязнокровка не будет достаточно сильна ближайший десяток лет.

С этими словами Малфой подошёл к Гарри, смотря на него сверху вниз.

— Что выберешь, Поттер? Твоя жизнь и её. Что ценнее? — он переходил на издевательский шёпот, и теперь Гермиона была уверена: *ему это доставляло извращённое удовольствие.*

Но искренний ужас она чувствовала не от самого предложения злополучного Малфоя, а от того, что не была уверена в ответе Гарри. Задай ей вопрос *«Гарри или она?»* пару лет назад, Гермиона бы ответила *«Гарри»*, будучи уверенной, что Гарри скажет *«она»*, но не сейчас.

Привычный мир разрушался на глазах: дорогие им люди погибали, места, ставшие домом, превращались в обломки, а те, кого она считала семьёй, находились под прицелом палочки. Гермиона никогда бы не поверила в это, но ответ на вопрос Малфоя не был для неё очевиден.

Хотелось верить, что Гарри выберет её. В груди плескалась надежда на неожиданное появление волшебников из тринадцатого штаба, не обнаруживших их на закате. Но всё это висело на крохотной нити. И, возможно, Гермиона согласилась бы на смерть, но лишь зная, что она не напрасна, что её жертва будет единственной.

Переведя взгляд на Гарри, она заметила искры боли, струящиеся из зелёных глаз. В груди защемило, руки задрожали, а с губ сорвался резкий выдох. Лицезрение метаний Гарри было для неё не легче его же выбора. Лишь с разницей, что своё он может закончить в любое время.

И Гермиона, даже зная, что её смерть будет правильнее и вернее, согласная на неё и готовая сдаться, ждала. Она ощущала отрезвляющую потребность запомнить, что он всё ещё выбирает её. Друга, соратника, того, кто так же отдал бы за неё жизнь, если того потребуют обстоятельства.

Гарри поднял взгляд на Малфоя, на что последний выгнул бровь, с упоением ожидая финала. На мгновение Гермиона задумалась, что Малфоя веселила не столько перспектива убить её, сколько наблюдение за Гарри. Малфоя будто нравилось ставить его перед выбором, способным разрушить всё в одну секунду.

— Пообещай сделать это быстро, — чётко произнёс Гарри.

— Что? Гарри, мы не можем оставить Гермиону ему! — восторженно вскрикнул Рон, на что получил новый поток боли и пронзительно закричал.

Но это стало для Гермионы лишь эхом, она не смотрела на Рона, зная, что он здесь ничего не решает. Её взгляд был устремлён на лидера, соратника, друга и просто Гарри — мальчика, которому она однажды починила очки в поезде. Передал ли он её? Хороший вопрос. Можно ли считать предательством торговлю за длительность твоего убийства?

— У нас нет выбора, Рон, — ответил Гарри. — Его нет. Или ты мечтаешь увидеть голову Джинни отдельно от тела?

Рон молчал. На мгновение он поднял взгляд на Гермиону. Ему хватило секунды, чтобы его отвести и посмотреть на Малфоя.

— Ты убудок, — сквозь зубы прошипел Рон.

— Я был бы повежливее с тем, у кого в руках твоя никчёмная жизнь, — хмыкнул Малфой и посмотрел на Гарри. — Обещаю, Поттер, она умрёт быстро.

А Гермиона просто сидела. На сырой земле, мороз от которой пробирал всё тело. Обдуваемая ледяным ветром, далеко от дома и способных помочь людей. В тёмном лесу, где сегодня закончится её жизнь. Наверное, она должна чувствовать боль, плакать, кричать, но она даже не двигалась. Её взгляд был устремлён на лица друзей, в которых отражалось сожаление.

И от этого она не ощущала **ничего**. Мозг понимал слова, но сознание словно отключилось, решив не придавать значение сказанному и сделанному. Будто все чувства, эмоции и тот поток боли, который должен был вырваться, погибли вместе с надеждой на иной выбор.

Пути спали, Гарри и Рон медленно поднялись с земли и сразу же спинами оперлись о дерево. Переломанные запястья уже не служили помощью, на что Малфой, судя по всему, и рассчитывал. Он, будто змея, прогулочным шагом приблизился к ним и кинул под ноги большую книгу.

— Наступите — окажитесь в паре миль отсюда, — отдавал инструкцию Малфой. — Там будут ваши палочки. Убирайтесь спасать свой драгоценный мир, а мне на глаза больше не попадайтесь.

С этими словами Малфой развернулся и двинулся к Гермионе. Когда он схватил её за локоть, та легко поддалась, даже не сопротивляясь, чему он лишь усмехнулся.

— Велика же ваша дружба, Грейнджер, — произнёс Малфой. — Они тебя продают, ты мирно идёшь на плаху, прямо-таки идиллия.

Малфой двинулся к злополучному мешку, утягивая её за собой, а Гермиона оглядывалась, смотря на замерших у дерева Рона и Гарри. Но те молчали, смотрели ей вслед и ничего не говорили, словно ждали, что её убьют прямо на их глазах. А она, будто привязавшееся к ним животное, всё не отрывала взгляда, пока её уводили к портключу.

— И ещё, Поттер, — крикнул Малфой, обернувшись. — Попробуешь нарушить сделку — следующей будет мелкая Уизли, и поверь, тут я не лишу вас билетов в первый ряд.

Малфой уже взял мешок с земли и обхватил пальцами фигуру, когда Гермиона услышала голос Гарри.

— Прости, — произнёс он, прежде чем её рука легла на портключ, и следом последовал лишь темнеющий вихрь.

***

Колени подкосились, когда Гермиона ощутила под ногами твёрдый пол. Машинально она ухватилась за Малфоя, отчего путы туже стиснулись вокруг её запястий, вызывая нещадную боль. Из горла вырвался глухой крик, и она рухнула, крепко стиснув зубы, на мгновение в глазах потемнело, а дышать стало тяжело. В разуме мелькнула мысль, что сейчас её убивают, и она уже готовилась к этой участи, когда Малфой крепче сжал её локоть и помог подняться.

Едва волоча ноги, она дошла до дивана, куда он её и усадил. Приятная мягкость, несвойственная для земли и досок, где она спала последние месяцы, отдалась в душе теплом. Гермиона блаженно прикрыла веки, стараясь отвлечься от угнетающей запястья боли, но через несколько секунд ощутила, что та исчезает. Мышцы всё ещё неприятно ныли, а кожу покалывало, но становилось легче.

Распахнув глаза, Гермиона встретила взглядом с Малфоем, сидевшим перед ней на коленях и снимающим верёвки. Он не пытался её ими задушить, наслать заклинание или проклятие. *Малфой быстрыми движениями пальцев освободил её.*

— Троль тебе за убийство грязнокровок, — вырвалось у неё прежде, чем она успела осознать свои слова. — Со связанной проще.

— Ты опоздала с комментариями, — ответил он, откинув от себя верёвку и поднявшись. — Минут так на пять.

Гермиона горько усмехнулась, качая головой.

— Рада, что ты испытываешь удовольствие от этой ситуации, — ответила она.

— Поговорим позже о моих удовольствиях, — произнёс Малфой и схватил её за локоть, заставляя встать на ноги. — Идём.

Быстрыми шагами он направился в один из коридоров поместья, едва ли не неся её за собой. Гермиона не знала, куда её ведут, зачем, что будут делать и

как всё закончится. Да и ей по большей части было уже безразлично. Мир для неё всё быстрее становился ничем. Лишь оболочкой, в которой она просуществует ещё незначительное количество времени, прежде чем умрёт.

Он сказал «прости». Так, будто на ногу наступил.

Гермиона мотнула головой, прогоняя мысли, способные заставить осознать случившееся. Она не хотела этого делать, желала уйти спокойно, обмануть судьбу и не проживать разрывающую душу боль.

Ощущая себя на краю гибели, Гермиона впервые бежала от себя. Не потому, что это правильно, а потому, что просто. Сейчас иного и не нужно.

Идя за Малфоем, она пыталась сосредоточиться на звуках: шагах, дыхании, голосах портретов. На чем угодно, не относящемся к событиям в лесу. Гермиона понимала: ей нужно продержаться лишь несколько минут до смерти. Это же она могла? Не погружаться в собственные мысли, чтобы наконец найти покой в безымянной могиле.

Малфой замер у одной из множества массивных дверей, шепча заклинание. Мгновение, и Гермиона увидела свет из комнаты, открывшейся перед ними. Малфой быстро вошёл внутрь, утягивая её за собой, а после толкнул на середину помещения. Послышалось закрывающее заклинание, и Гермиона осознала, что отсюда она больше не выйдет.

— Ты обещал сделать это быстро, — строго произнесла она, смотря в пустоту перед собой.

— Не терпится умереть, Грейнджер? — усмехнулся он, обходя её и вставая напротив. — Уж прости, не сегодня.

— Что значит «не сегодня»? — лишь спустя секунду она осознала, что прокричала это.

Довольная улыбка украсила бледное лицо, и Гермиона заметила искорки радости, пестрящие в его глазах. Малфой издевался, он испытывал ужасное удовольствие от её эмоций. Гермиона читала это в нём, пытаясь понять лишь одну-единственную вещь: если не сегодня, то когда? Сколько она сможет откладывать болезненные мысли?

— Слишком много мне нужно узнать от тебя, Грейнджер, — дополнил Малфой. — Прежде чем ты покинешь этот бренный мир.

Осознание тонкой нитью пролегло в разуме. Её пальцы сжались в кулаки, губы сомкнулись в тонкую линию, а взгляд ожесточился. Гермиона не планировала жить дольше этого вечера. Она не хотела боли, которая всё яснее виднелась на краю сознания, она желала всё закончить. Но он не позволял, у Малфоя были на неё особые планы.

— Ты мог допросить всех нас прямо там и убить, — медленно произнесла она, чувствуя слёзы, стоящие в глазах. — Почему? Почему ты заставил их...

— Заставил? — рассмеялся Малфой, словно поражаясь её выводам. — Тебя продали, Грейнджер. Продали, понимаешь?

Его голос становился громче с каждым словом. Малфой, чей хитрый оскал мучил последние минуты, словно злился на неё.

Он сделал шаг ближе к ней, нависая.

— Как товар в Косом переулке.

Гермиона попятилась от него, выставляя перед собой руки.

— И сделал это твой ненаглядный Орден, твои любимые дружки, — продолжал Малфой, загоня её в угол комнаты. — Не вини меня в твоём неправильном выборе союзников.

Последние слова были произнесены на расстоянии нескольких сантиметров. Она чувствовала его дыхание, оно неприятной правдой обжигало лицо и заставляло слёзы почти катиться по щекам.

Нет, они бы не поступили так. Так нужно. Это была оплата. Это спасло людей. Наверное...

— И я волен делать с тобой всё, что мне заблагорассудится, — завершил он, отшагнув. — И твоя радость, что сегодня я выбираю вытащить из тебя информацию. А дальше...

Малфой замолчал, смотря на неё. Всего несколько секунд, за которые она увидела в его взгляде гнев, замешательство и нотку надежды. Последнее вызвало в ней опасение ещё больше, чем перспектива пытки...

— Здесь не будет действовать твоя магия, — он обвёл пальцем комнату. — Сбежать тоже не пытайся, везде заклинания. Приду к тебе завтра, и мы восстановим всю пропасть нашего школьного общения.

Фраза настолько отдавала издёвкой, что у Гермионы свело зубы. Это всё походило на кошмар, от которого хотелось проснуться, но подступающая боль давала ощущение реальности.

Малфой подошёл к двери и, прежде чем открыть её и уйти, вновь посмотрел на неё, словно пытаясь впитать образ, чтобы оставить в памяти.

— Чувствуй себя как дома, Грейнджер.

И дверь закрылась, как последний путь к отступлению. Мысли стремительно начали топтать её в собственном сознании. Гермиона медленно скатилась по стене на пол, ощущая, как слёзы катятся по щекам, в горле зреет крик, а боль в сердце разрывает на части.

Теперь не сбежать от страданий.

Они её бросили, отдали Малфою, словно она ничего никогда не значила. Может быть, решение и не далось легко, но в итоге выбор был сделан не в её пользу. Гермионой пожертвовали ради целого мира и жизни драгоценного Гарри Поттера. И, возможно, она бы свыклась со своей участью, пошла бы на неё без тяжести сожаления, если бы это стало её выбором.

Гермиона всегда отдавала предпочтение другим. Гарри, Рону, школе, магическому миру, Ордену, людям... В собственной жизни она никогда не была на первом месте, но жила с пониманием, что у всех так. Да, её очередь не настала, но однажды выбор будет в её сторону, потому что другие живут по тому же принципу.

Но Гарри... Человек, в которого она верила, чьи интересы отстаивала... Она шла на бой, не думая о последствиях. А он торговался за длительность её смерти, отдавая её. Гарри знал, что она всегда выберет его, Рона, мир, да кого угодно, но не себя! И он просто согласился!

Будто бы она балласт, от которого нужно избавиться.

Перед глазами проносились годы школы, месяцы войны, дни боли, истерик и страданий, в которых она была для него опорой. Гермиона не спала ночами, терпела и принимала всё, соглашалась со всем, считая их друзьями. Но этого оказалось недостаточно, чтобы заслужить право на жизнь, она сделала слишком мало, чтобы остаться значимой в их жизни.

Какое её действие в итоге стало решающим? Почему самые близкие люди предали её?

И от чего больнее больше? От того, что они её оставили, или того, что она наивно полагала, будто они этого не сделают? Гермиона никогда не была своей, вот же ирония.

Она не являлась великим Гарри Поттером, членом чистокровной семьи или сильнейшим мракоборцем. Она умная, старательная, трудолюбивая, но это никому не нужно. Всё, чем она была, — девочкой, которая однажды зашла в нужное купе. Ничего выдающегося или привлекающего. Слишком просто.

И куда это её привело? Она сидела в красиво обставленной комнате, будучи заложницей без права на жизнь. У неё никого не осталось: ни друзей, ради которых она боролась, ни людей, кого она защищала, ни Ордена, чьи интересы выбирала. Гермиона Грейнджер, на пике своей видимой значимости, оказалась одна в углу тёмной комнаты Малfoy-мэнора. И осознавала в этом свой конец...

Примечание к части

Призрак одна из самых жестоких работ, которые мне довелось написать и даже пока её большая часть лежит в черновиках и ждёт своего часа я могу с уверенностью это сказать. Происходящее в первой главе - начало, менее болезненное и более информативное, но всё ещё беспокойное.

Надеюсь, что не всех напугала и буду с нетерпением ждать ваших отзывов. Спойлеры к новым главам, их обсуждение, а также факты о работе во время её редакции можно найти у меня в тг-канале <https://t.me/friendmalfoy>, всех жду)

Глава 2 «Меня не выбирают»

Ноябрь, 1994 год, Хогвартс

Три места в любых соревнованиях, три тура испытаний, три части экзамена, три загадки сфинкса, три брата или сестры в одной из множества историй. В жизни Гермионы было слишком много предпосылок, чтобы считать цифру «три» правильной. Поэтому её дружба с Роном и Гарри всегда казалась надёжной, взаимопоглощающей и поддерживающей. Ведь проще помирить двоих, когда их связывает кто-то третий.

Так Гермиона считала до момента, пока не стала самым близким человеком в школе для двух враждующих друзей. С тех пор политика невмешательства не работала. Попытки их помирить оборачивались скандалами, а желание поговорить по отдельности — ещё большими обидами, где в итоге она оставалась извиняющейся стороной. Гарри и Рон словно ждали минуты, когда она вновь попробует, чтобы вложить в свои речи и удары в стену как можно больше экспрессии.

Но, даже вопреки этому, она старалась.

Гермиона перепробовала всё: уговоры, аргументы, счастливые воспоминания, дебаты, угрозы расправы, шантаж. Но казалось, будто ничего в этой школе не может вновь заставить их говорить друг с другом, не срываясь на крик. Поэтому Гермиона, истратив свои природное обаяние и настойчивость, решила на самое простое, что могла сделать девушка, стоя между некогда друзьями.

— Гермиона, что случилось? — запыхавшийся Гарри положил ладонь на кору дерева, пытаясь перевести дыхание.

— Я здесь, Гермиона! Джинни сказала, что это срочно! — закричал Рон, подбегая ближе к ним.

Мгновение. Гарри и Рон встретились взглядами. И в эту минуту Гермиона ощутила, будто бы стояла под прицелом двух палочек. Мысль о дурости затеи пронеслась в голове, но было уже слишком поздно, чтобы делать шаг назад.

Гарри сжал зубы, мышцы его лица напряглись, а пальцы крепче обхватили ручку сумки. Рон хмыкнул и вздёрнул подбородок вверх, осматривая Гарри. Не будь здесь Гермионы, возможно, они бы уже бросили друг в друга пару Непростительных.

— Ребята, так больше продолжаться не может, — медленно сказала она, бросая взгляд с Гарри на Рона. — Я понимаю, что у вас сейчас разлад, но стоит...

— Это твоя идея? — спросил Рон, смотря на Гарри. — Сначала имя в кубке, а теперь и Гермиону подговорил привести меня сюда.

— Я уже сотню раз повторял, что не клал имя в кубок, — сквозь зубы прорычал Гарри. — И Гермиону я не просил, а вот ты, возможно, постоянно её используешь.

— Я?

— Хватит! — Гермиона сделала шаг вперёд, прерывая их зрительный контакт. — Мы никогда не придём к миру, если будем продолжать ссориться.

Но они уже её не слушали, колкости одна за одной срывались с их губ, а голоса переходили на крик. Будто бы два движимых Империиусом заключённых, они высказывали друг другу наболевшее за несколько лет. В ход шло всё: косые взгляды, тайны, сплетни. Что Гарри, что Рон — оба не гнушались использовать былое доверие, чтобы ударить побольнее.

Вера Гермионы в лучшее гасла с каждым словом.

И тут она заметила Малфоя. Он стоял немного поодаль от них, внимательно наблюдая за сложившейся перепалкой. На его лице играла улыбка, а взгляд сосредоточенно бродил от Рона к Гарри, пока не остановился на ней. *Гермиона ощутила укол стыда.* Она просто стояла между друзьями, безуспешно пытаясь говорить, пока Малфой наслаждался их ссорой.

— Прекратите! — слишком громко произнесла она, отчего весь двор Хогвартса замолк, уставившись на них.

Рон и Гарри же будто этого не замечали, лишь прерывисто дышали, сверля друг друга злобыми взглядами. Пока один из них не обратился к ней:

— Гермиона, кто тебя просил? — выругался Гарри. — Зачем ты нас позвала? Помирить? Ты же видишь: мы не хотим этого! Для чего пробовать заново и заново?

— Потому что Джинни таскается со всеми, у неё нет времени на Гермиону, — грубее ответил Рон. — Если у тебя нет других друзей и тебе одиноко, то заройся в свою книжку и не трогай нас!

Сердце болезненно кольнуло, жар прильнул к лицу, опаляя сознание, а услышанное мгновенно заполнило мысли. Даже не посмотрев ей в глаза, Рон прошёл вперёд и, специально задев Гарри плечом, двинулся прочь из двора Хогвартса, расталкивая по пути других. Гермиона провожала Уизли взглядом, всё ещё с болью воспринимая его слова.

— Хоть в чём-то он прав, — развёл руками Гарри, привлекая её внимание. — Для разнообразия попробуй не лезть в наши дела больше недели. Ты не миссис Уизли, чтобы учить нас, как надо, а как нет.

И Гарри ушёл, оставляя её совершенно одну среди свидетелей очередного провала. *Это было не неприятно, а очень больно.* В ответ на попытку помирить она услышала, что просто одинока. Не потому, что она друг, не потому, что волновалась и переживала, а потому, что чувствовала себя никчёмной.

Так они трактовали её действия? Так они видели её?

Ком застрял в горле, а пальцы крепче сжали корешок книги, чтобы не задрожать. Подняв взгляд, Гермиона вновь увидела Малфоя. На его лице уже не было улыбки или интереса. *А в глазах... Может быть, ей показалось, но там мелькнуло сожаление.*

И в тот момент Гермиона почувствовала опустошение. Её друзья — те, с кем она прошла слишком много испытаний для своих лет, — напомнили ей об одиночестве.

А она просто желала помочь.

Гермиона видела, как им тяжело, плохо друг без друга, и всего лишь хотела всё вернуть. А в итоге осталась одна среди кучи насмешек, с неудавшейся попыткой примирения и их словами, громко звучащими в голове.

Они отдавали болью и неприятной правдой.

Август, 1999 год, Малфой-мэнор

Когда реальность загоняет в угол, из которого нет спасения ни во снах, ни в грёзах, ни в вере в лучшее, следует отдаваться ей. Пока человек борется с демонами, грызущими изувеченную душу, они кусают глубже, не желая быть брошенными. Порой их нужно впустить, позволить пройти по болезненному сознанию пожаром, лишь тогда они успокоятся.

Как бы мир ни убеждал в обратном, существовала боль, которую просто нужно прожить.

Воспоминания одолевали Гермиону с разных сторон, избивая розгами оттенка неприкрытого сожаления. Теперь все слова, сказанные раньше, поступки, события, ссоры — всё показывалось со стороны давно забытой, но самой логичной. Гермиона просто никому не нужна.

В один момент она поняла: разум играл с ней в прятки, нарочно закрывая неприятные выводы и болезненные сцены в шкафах сознания. Заботясь о ней, мозг забывал плохое, прятал в долгий ящик и не собирался показывать, делая вид, словно ничего не произошло.

Зачем лишний негатив? Почему его необходимо помнить? Часть людей считала, что человеку такое не нужно, поэтому они знали лишь яркое, прекрасное и удивительное. Но попытка избавиться от боли спровоцировала спрятанное вернуться с удвоенной силой. Не только мстя за то, что его забыли, но и истязая за каждое мгновение, когда человек верил, что всё хорошо.

Одна часть сознания, помнящая лишь хорошее, веселилась и радовалась с друзьями, любила, верила, была готова умереть за них. А вторая, испытавшая каждый оттенок разочарования и сожаления, била по стенам комнаты без окон и дверей, умоляя одуматься. Первая не желала слышать вторую, отчего последняя стекленела и становилась особенно жестока.

Пожалуй, единственное, что Гермиона не изучала с огромным усердием, — собственная боль. Раз за разом, после каждого отторжения, ссоры и обиды, Гермиона возвращалась. Давала вторые, пятые, десятые шансы и верила, что это заключительный случай.

Какой срок годности прощения, если его попросят вновь? Иногда несколько дней, порой пара недель, последний раз был месяц. Гермиона целых тридцать дней не ощущала себя лишней, чужой и ненужной.

И она радовалась, пыталась совладать с собой во имя общей цели. Гермиона считала, будто делает это не только ради себя, но и ради друзей. Тех, кого называла семьёй, и тех, кто отдал её Малфой, признав свою жизнь важнее. Дружба стала односторонней под угрозой жизни или она всегда была такой, только с небольшими проблесками заботы?

Сколько раз они предпочитали её кому-то? По пальцам скольких рук можно пересчитать вещи, что были важнее Гермионы? Квиддич? Она не любила на него ходить, но её заставляли, потому что для других это важно. *Для них, не для неё.* Библиотека? Гермионе нравилось там находиться, а всем остальным нет, и разве побеждали её интересы? Нет, выигрывало мнение большинства.

Оно всегда было первым, но Гермиона не понимала этого, найдившись в меньшинстве. Ей, чтобы доказать свою правоту, приходилось аргументировать, идти на хитрости и уловки. Но почему друг должен так поступать? Почему хоть раз её слов не было достаточно? *Почему её не выбрали?*

Рон всегда просил её о помощи, Гарри нет, но свои задания выполнял настолько неумело, что это приравнивалось к просьбам Рона. Ни одного аргумента, угрозы или скрытого шантажа, а она уже готова помочь, потому что верила в их дружбу.

Причём в одностороннюю.

Можно ли было сказать, что Гермиона — удобная привычка? Да. «Золотое трио» — звучало превосходно до момента, пока не оказался в нём. Лишь там Гермиона чувствовала, что она не важная деталь механизма дружбы, а окно в подземельях. Да, за ним интересно наблюдать, оно давало множество преимуществ. Но по факту являлось лишь частью интерьера.

Гермиона делала жизнь проще, легче, но её всегда могли заменить, и они не раз так поступали. А после было достаточно пары грустных взглядов, извинений, и Гермиона, будучи человеком одиноким и слишком верящим в людей, соглашалась. Следом шли несколько недель послушания и видимой поддержки, а после всё заново. Словно она прошла испытательный срок — и её выпустили по амнистии. Из-под стражи хорошего поведения и признаков дружбы.

В какой момент стоило перестать давать новые шансы? Она бы узнала, не заплатив за последний собственной жизнью.

Скрежет металла о деревянный стол заставил её открыть глаза. Перед собой Гермиона увидела темноту. Мрачную, бесконечную и отражающую, словно она смотрела в собственное сознание, видя там млечный путь из ничего.

Дыхание перехватило от понимания, что она, всё ещё живая, в Малфой-мэноре. Дом с большими кроватями, мягкими матрасами, стенами с росписью ручной работы и огромными окнами, где не доставало разве что решёток.

— Простите, пожалуйста. Рене не хотела разбудить вас, — послышался голос впереди.

Приподнявшись на локтях, Гермиона заметила погрустневшую эльфийку, которая опустила уши, тяжело вздыхая. Боль вновь кольнула сердце, когда

могила Добби серыми красками начала вырисовываться перед глазами. Очередной друг, который просто хотел помочь им. Он тоже дал шанс, за который заплатил жизнью.

— Рене принесла мисс Гермионе завтрак, — произнесла домовая, подходя к кровати и укладывая поднос на тумбочку.

Улыбнувшись, она аккуратно налила в чашку чай, с удовольствием вдыхая его аромат. К удивлению, в отличие от всех виданных Гермионой домовиков раньше, Рене будто ощущала себя счастливой.

На ней не висела испачканная наволочка, где вместо ниток использовались узлы. Напротив, Рене была одета в пышное розовое платье идеального пошива, а из-за уха виднелся цветок.

— Обязательно покушайте и выпейте чаю. Он бодрящий, даёт силы и избавляет от душевных недугов, — наказала Рене, улыбаясь, а после щёлкнула пальцами, призывая одежду.

Светлый свитер крупной вязки лёг на постель вместе с широкими тёмными джинсами. От них веяло душистым мылом и пионами, а лёгкое тепло, струящееся от ткани, согревало даже на расстоянии нескольких сантиметров.

— Палочку у вас забрали, — растерянно произнесла Рене. — Но вы можете воспользоваться ванной, дверь в углу комнаты, или позвать меня. Я буду рада о вас позаботиться.

На мгновение Гермионе показалось, что она вновь очутилась дома. Там по утрам мама готовила завтрак, наглаживала свежестиранную одежду и была готова выслушать любое её беспокойство. На душе потеплело, возвращая её во времена, когда всё было хорошо. Но спустя минуту Гермиона ощутила отрезвляющий холод, осознав, что это прошлое.

— Спасибо, — Гермиона кивнула, нервно поджимая губы.

Ей хотелось узнать у Рене, как отсюда выбраться или сбежать, но спрашивать об этом ни в чём не повинное создание не поворачивался язык. Гермиона понимала, что могла попросить доброжелательную Рене не обо всём, ведь если та ей поможет — лишится головы.

— Прошу вас, не расстраивайтесь, — заволновалась Рене и взяла чашку, отдавая в руки Гермионы. — Я остудила чай, чтобы вы не обожглись. Выпейте, отдохните, разложите вещи.

Рене кивнула на сумку, лежащую на столе.

— Хозяин придёт вечером с вами поговорить, а после я накормлю вас вкусным ужином, — радостно сообщила Рене, а увидев на лице Гермионы горькую улыбку, добавила: — Я могу что-то ещё сделать для вас, мисс Гермиона?

— Моя просьба карается множеством пыток, — покачала головой Гермиона, делая глоток чая.

Рене нахмурилась, а после быстро заморгала, словно не понимая, о чём ей говорят.

— Рене никто не сделает больно, пока хозяин жив, — пояснила она.

Эльфийка подошла к кровати, а после легко на неё запрыгнула, усаживаясь рядом с Гермионой и поглаживая её по плечу.

— Хозяин и о вас позаботится, мисс Гермиона. Не переживайте, всё будет хорошо, — воодушевленно говорила она.

В словах Рене было столько искренности, что Гермионе стало её жаль. На мгновение она даже подумала, будто эльфийка под Империиусом, из-за чего настолько открыта и приветлива. Но блеск в глазах и абсолютное спокойствие её разубедили. Рене говорила то, во что верила, и от этого стало лишь больнее.

Гермиона видела Добби, *она знала, как* здесь относятся к эльфам, *она знала, как все* с ними обращаются, и ни за что бы не поверила, что Малфой другой.

— Зовите, если что-то потребуется, — с улыбкой ответила Рене и в эту же секунду исчезла.

Радушие и гостеприимство домовика затмевали понимание Гермионы, где она находилась и чего от неё ждали. Будто бы она не в доме врага, где из неё вытащат всю информацию, прежде чем убьют, а зашла в гости к старому другу. Это было частью плана Малфоя? Он хотел, чтобы Гермиона расслабилась здесь? Доверяла ему? Она бы не удивилась.

Слизеринцы — люди далеко не самые благородные, отчего наиболее опасные. В отличие от других факультетов, где предатели предпочитали грубую силу, тёмные артефакты и яды, эти ребята никогда не прибегали к действию напрямую. Будто змеи, они проникали в самые потаённые углы, затаивались, выжидали, строили планы. А когда ты хотел от них сбежать, осознавал — твой дом давно в их власти.

И Малфой, как змей едва ли не по крови, имел все качества, способные привести к победе. Это она усвоила ещё в Хогвартсе. В отличие от её друзей, Малфой обладал острым умом и, что самое главное, никогда не пытался показать его. Для него хорошие оценки, успехи на занятиях, уважение в лицах сподвижников и восхищение преподавателей было само собой разумеющимся. *По крови, а не по знаниям.* Он не нёсся кричать, насколько великолепен, лишь чётко указывал на это в подвернувшихся баталиях, выходя из ситуаций победителем.

К тому же Малфой был отличным стратегом и манипулятором. Сделать грязную работу чужими руками, спровоцировать, подтолкнуть, убедить — это то, чем он мог гордиться не меньше, чем *превосходно* по зельям. Ему не приходилось стоять в эпицентре битвы, зато он отлично убеждал, как это важно делать остальным. Будто названный король, наблюдающий за кровопролитием из окна самой высокой башни.

А что самое опасное — он умел ждать. Учтиво, с предвкушением скорой победы и кучей искромётных комментариев Малфой смотрел, как его планы медленно воплощаются в жизнь.

И все его качества — отвратительные и восхищающие одновременно — подписывали ей приговор не на смерть, а на долгую и мучительную пытку.

Заставить Малфой её не мог, и оставалось лишь надеяться, что он не скоро это осознает.

Вопрос в другом — что он использует первым? Легилименцию? Малфой владел ею отлично, Гермиона понимала это благодаря собственному учителю окклюменции. *Он* знал Малфоя с пелёнок и всегда указывал, что лишь подобный уровень мастерства позволит ей не умереть.

Апрель, 1998 год, штаб номер пять

— Мисс Грейнджер, — раздражённо произнёс Снейп, опускаясь на стул, — если бы я знал, что в окклюменции вы так же бездарны, как в таланте молчать...

— То у вас бы всё равно не осталось выбора, — отрывисто ответила Гермиона, не сумев сдержать потока злости из собственного сердца. — Давайте сделаем перерыв.

Она тяжело выдохнула и поднялась на ноги, осматривая хижину в поисках кувшина. Подойдя к нему, Гермиона налила себе воды в стакан и залпом его опустошила, блаженно прикрывая глаза. Механические действия после нескольких часов издевательств над сознанием были подобны глотку свежего воздуха в духоте. Хотелось замереть в желанной неге на пару минут, чтобы забыть каждое постыдное воспоминание, не сумевшее ускользнуть от внимания Снейпа.

Если бы она могла, уже ушла бы прочь, чтобы помочь Гарри формировать оставшиеся штабы, но нет. Гермиона и сама понимала, что так было нужно. Эти занятия должны — *нет, обязаны* — сделать её сильнее перед лицом врага. Поэтому вопросы «заниматься или не заниматься?», «терпеть или не терпеть?» не стояли. Это важно, нужно и необходимо.

Развернувшись, она села обратно на стул и наклонила голову вправо и влево, слыша характерный хруст, а после открыла глаза, вновь посмотрев на Снейпа. Он же будто забыл о ней. Его взгляд был устремлён в одну точку на полотне палатки.

Иногда у Снейпа такое бывало. Гермиона списывала это на распутье, перед которым он каждый день стоял.

В отличие от всех, Снейп играл на две стороны, и некоторые до сих пор не могли понять, за какую искренне. Он носил Тёмную метку, являлся директором Хогвартса, на его руках была кровь Дамблдора. Но при этом он предоставлял Грюму всю информацию о Пожирателях смерти, ходах Тёмного Лорда, его планах и обстановке в рядах. Снейпу доверяли и в Ордене Феникса, и среди подданных Реддла. Но его истинный мотив не был понятен, кажется, даже ему.

Окружённый невероятным потоком людей, но при этом всецело одинокий — они были похожи. Вокруг Гермионы тоже были друзья, соратники, те, с кем она многое прошла бок о бок. И казалось, они должны быть уверены друг в друге, но Гермиона никогда подобного не испытывала.

Гермиона была готова отдать жизнь за Гарри и Рона, но не сказала бы, что они ответят ей тем же. Точно так же и о Снейпе, борющемся за давно мёртвое. Он мог сделать всё ради чёртового мира, но никто с обеих сторон не был готов на всё для него. Поэтому он вызвался учить её?

— Покажите ещё раз? — выдохнув, спросила Гермиона.

Взгляд тёмных глаз коснулся её лица, и Снейп кивнул, поднимаясь на ноги. Не отходя от собственного душевного траура, он с некой жалостью посмотрел на неё.

Сердце пропустило несколько болезненных ударов.

Снейп нервно облизнул губы, прежде чем ответить:

— Начинайте.

Гермиона положила руки на колени, вобрала в лёгкие побольше воздуха и устремила взгляд на него, произнося заветное:

— *Легилименс.*

Уже готовая встретиться с осязаемой преградой, Гермиона нырнула в его сознание. Она почувствовала колючий укол в разум, прежде чем это увидеть.

Перед ней рисовалось сегодняшнее утро в штабе, где Снейп зашёл в один из домиков и застал картину, которую они оба предпочли бы забыть.

Практически обнажённая Браун, прижатая телом Рона к шершавой стене, обнимала его за шею, оставляя мелкие поцелуи на подбородке. Тошнота подкатила к горлу.

— А теперь скажи: я или Грейнджер? — требовала Браун, обдавая дыханием лицо Рона.

— Ты, Лаванда, только ты, — блаженно говорил Рон, смотря в её глаза. — Она мне не нужна...

— Молодые люди, я вам не мешаю? — строгий голос Снейпа заставил их едва ли не закричать.

Лаванда отвернулась к стене, пытаясь ладонями прикрыть грудь, когда Рон растерянно глядел на профессора, потирая затылок.

Вот откуда жалость в глазах, казалось, чёрствого преподавателя. Поэтому он смотрел на неё сегодня так, будто она завалила все экзамены.

Рон вновь это сделал. Ещё вчера он говорил, что Лаванда ничего для него не значит, как ему важна дружба Гермионы и что после войны он останется с ней. А уже сегодня утром едва ли не трахал Лаванду, признаваясь в обратном.

Выскользнув из сознания Снейпа, Гермиона ощутила, как слёзы обжигают лицо, стекая по её щекам. В очередной раз выбрали не её, в очередной раз

близкий человек, один из немногих, кто находился рядом, предпочёл другую.

Чего стоили все слова и обещания, если в итоге она всегда оставалась в одиночестве?

— Думаю, на этом мы закончим, — ответил Снейп, удаляясь из хижины, но уже у двери, когда он схватился за ручку, Гермиона его окликнула:

— Спасибо.

Он не ответил и на последующих занятиях делал вид, будто бы ничего не произошло. За это Гермиона ему была благодарна, *за это и окклюменцию.*

Август, 1999, Малфой-мэнор

Воспоминания оттягивали её от размышлений о Малфое к собственным проблемам. Злость подкатывала к горлу волной обиды, вызывая жжение в теле и невероятное желание кричать. Она всегда прощала, заботилась, помогала, превозмогала боль, страдания, и всё ради общих целей, друзей, близких.

Гермиона верила, что *это правильно, что так должно быть.* И в глубине души мечтала, что доброта и любовь вернутся к ней взаимностью.

Получилось наоборот.

Слёзы вновь покатались по щекам, и Гермиона опустила чашку с чаем на тумбу, вставая с кровати. Вобрав в лёгкие побольше воздуха, она закрыла лицо руками, отрицательно качая головой.

Это не должно было закончиться так!

Желание забыться и покинуть этот мир становилось осязаемее. После смерти не было боли, обиды и ненависти. По ту сторону реальности жить было проще.

Открыв глаза, Гермиона посмотрела на свежую одежду.

Не испачканная землёй и кровью, чистая и свежая. Роскошь, позволить которую становилось труднее с каждым днём.

Взгляд метнулся к ванной. Смыть с себя реальность Гермиона не могла, да и едва ли журчание воды способно заглушить душевные страдания. Но соблазнительная близость тепла при полнейшей апатии и желании надрывать горло в болезненном крике победила.

Вещи она опустила на тумбу у входа и, осмотрев помещение, горько усмехнулась. Радость заставила истеричный смех сорваться с губ. *Давно она не видела места, где присутствует санитария.*

Как таковой ванны здесь не было. Посреди комнаты расположилось небольшое углубление, напоминавшее бассейн, с ведущей ко дну кафельной лестницей. По углам были установлены позолоченные краны, а по краю вырисовывалась длинная змея, пожирающая свой хвост.

Дрожь пробежала по спине.

Поджав губы, Гермиона двинулась к одному из кранов, присаживаясь рядом. Вода мгновенно хлынула вниз, стремительно заполняя собой пространство. Наблюдая за наполняющейся ванной, она вновь усмехнулась, кожей чувствуя приятное тепло.

Встав, Гермиона коснулась края футболки, снимая и сбрасывая ту на пол, за ней последовали джинсы, бельё, заколка для волос. *Процесс успокаивал.* Действия привычные и отработанные, потому спасающие от ментальных ран.

Избавившись от одежды, Гермиона опустила веки, прислушиваясь к журчанию воды и собственному дрожащему дыханию. На мгновение она задумалась, почему тело содрогалось, но тут же сосредоточилась на плиточном узоре, оттягивая провокационные мысли.

Гермиона ступила на кафельную лестницу, ведущую вниз, и шаг за шагом начала опускаться в воду, пока та тёплым покрывалом не коснулась ног. Ощувив приятную влагу, Гермиона закрыла глаза и села на одну из ступеней.

Воспоминания вновь душили.

«Она мне не нужна».

Ком образовывался в горле, унося её в прошлое с привкусом предательства.

«Если у тебя нет других друзей и тебе одиноко...»

Горячие слёзы болезненно омывали глаза, кровь прилиwała к лицу, повышая температуру тела.

«Пообещай сделать это быстро».

С губ слетел животный вскрик, а грудь сковало узлом из шипов. Дышать стало невозможно.

«Прости».

Слёзы покатались по щекам, всхлипы отскакивали от кафельных стен ванной, погружая Гермиону в пучину предательства.

Он извинился. Извинился, что предал. Они постоянно так делали. Сначала уничтожали её, заставляли покрываться кромкой боли, а после говорили заветное *«прости»* — и всё, будто бы ничего не случилось. Ситуации менялись, страдания от них возрастали, обида душила, а они всегда делали *одно и то же*.

Словно прощение было точкой, которую необходимо поставить, и неважно, что произошло.

Так они извинились и за предательство. От этого злость и обида лишь усиливались, не давая спокойно жить. Последствия их очередного выбора свалились на неё грудой тяжёлых камней, не позволяющих существовать. Она надеялась всё закончить, умерев, но у неё отобрали и эту возможность.

Коснувшись воды, Гермиона плеснула её себе в лицо, желая освежиться. Но

попытка успокоиться понесла за собой более ужасную мысль. Наполняющаяся ванна ненадолго показалась лучшим выбором, а её лестница выглядела слишком притягательно для изничтоженного человека.

Поджав губы, на которых все ещё оставался вкус слёз, Гермиона кивнула, словно убеждая себя в верности выбора.

Она завела руки за спину, касаясь ладонями кафельной плитки, и медленно опустилась. Углы ступеней впивались в кожу, глотки воздуха становились больше, но решение всё равно оставалось правильным.

Закончить всё. Стереть боль существующую и будущую.

Вода продолжала прибывать, касаясь живота Гермионы.

Перед глазами рисовались мечты и цели, которым не суждено осуществиться. Из-за них она горько улыбнулась.

Глупо думать о будущем, когда умираешь.

Но именно эти мысли позволяли сохранять спокойствие в последние минуты жизни.

После войны Гермиона хотела пойти в Министерство. Заняться новыми законами, изменить устоявшийся уклад вещей и мир, где предстоит жить.

В начале она бы дала свободу и жалование домовикам. Гермиона грезила, чтобы их деятельность превратилась в профессию, не оставив и следа от рабской идеологии. После её руки взялись бы за образование. В Хогвартсе не хватало многих предметов, требующих глубокого изучения. *Макгонагалл была бы ею довольна...*

Теплота касалась груди, расслабляя тело. Оно становилось легче, будто Гермиона очищалась от настоящего.

В каждом волшебном виде она бы выбрала лидеров. Это помогло бы решать вопросы без войн, склок и забастовок. Переговоры, дипломатия и поиск решения с лучшим исходом для всех сторон. Постепенно все бы пришли к лучшему миру, где не возродится движение Тёмного Лорда. Ни одной смерти по праву рождения. *Британия бы процветала.*

Вода касалась ключиц, оставалось немного, чтобы успеть вспомнить все детали.

Гермиона бы радовалась семьям Гарри и Рона, гуляя с их детьми в выходные. Встретила бы мужчину, из-за которого сердце трепетало, построила бы с ним будущее, семью. Она хотела дочь и сына, похожих на отца, и надеялась создать для них мир без грамма притеснения.

Но всё это осталось лишь в мечтах.

Глаза закрылись сами собой, когда влага подкатила к носу, не позволяя дышать. Тело рефлекторно пыталось податься вперёд, выползти из воды, спастись, вновь вдохнуть полной грудью, но Гермиона противилась. Будущего у

неё не было, желания жить тоже. Смерть стала единственным выходом, и пусть это произойдёт сейчас, в этой ванной, чем от рук Малфоя или очередного Пожирателя. Она хотела спокойно покинуть этот мир...

Лёгкие наполнялись водой, кислород больше не прибывал, сознание ускользало. Это был конец, всё заканчивалось...

Тяжёлые ладони на её теле, шёпот заклинания.

Резкий вдох, и она подорвалась с пола, откашливая воду. Пальцы сами опустились на шею, пока Гермиона жадно глотала воздух, закрыв глаза. Под собой она чувствовала твёрдую каменную плитку, рядом слышала прерывистое дыхание, а в душе ощущала пустоту. Никаких эмоций и воспоминаний, словно на несколько мгновений она забыла обо всём.

— Ты для этого выживала на войне, Грейнджер? — раздражённый голос Малфоя заставил её открыть глаза. — Чтобы утопиться?

Тяжело дыша, Гермиона опёрлась ладонями о пол, смотря на наполненную ванну. Та должна была стать её могилой. Мысли о последних мгновениях сразу просочились в сознание, напоминая о причинах.

— Зачем ты спас меня? — сквозь зубы произнесла она, чувствуя, как солёные слёзы вновь катятся по щекам. — Тебе недостаточно? Найди себе другую энциклопедию, а меня убей, как и хотел!

Её голос сорвался на крик, когда она ударила кулаком по плитке. *А после ещё раз, ещё раз и ещё, пока вода на полу не окрасилась в красный.* Малфой схватил её за плечо и развернул, заставляя смотреть на себя.

В его глазах Гермиона заметила ранее невиданное.

Страх.

— Приди в себя, Грейнджер, — строго произнёс он, глядя на неё. — Не уподобляйся своим односторонним друзьям. Не предавай сама себя.

Слова эхом звучали в голове, пока она наблюдала за его глазами, где лёд обволакивал беспокойство. Это напоминало, что перед ней был Малфой.

На коленях, в собственной ванной, перед обнаженной Гермионой сидел Драко Малфой. И смотрел он так, будто она пыталась забрать самое дорогое в его жизни. Это осознание скользнуло в разуме обоих.

Малфой встал и схватил со столика полотенце, бросая ей. Взяв ткань, Гермиона прикрылась и опустила голову. Малфой хмыкнул и крепко сжал палочку. Он быстро произнёс заклинание, осушая ванну и приводя её в порядок.

— Жду тебя в комнате, — сказал Малфой, убирая дровко. — И если решишь разбиться о кафель, подумай, насколько облегчишь мне жизнь.

С этими словами он ушёл. Развернулся и быстрыми шагами двинулся к выходу. Гермиона подтянула к себе полотенце и посмотрела на окровавленную ладонь со сбитыми костяшками. Ощущение боли начало возвращаться.

***

Когда Рене бадьяном коснулась её ран, Грейнджер тихо зашипела, но руку не отёрнула. Она терпеливо отвела взгляд и поджала искусанные губы. Ни уверенных движений, ни отточенных ответов, ни громких криков, угроз или напоминаний. Она словно терялась в реальности, не зная, как жить дальше. Впрочем, вероятно, так и было.

Человек, верящий в людей до глубины души и стремящийся жить до боли в костях, вдруг решил умереть. Грейнджер точно была на грани.

Он нашёл её в ванной под водой. Она практически не дышала, балансируя между жизнью и смертью.

Картина, снившаяся в кошмарах.

Страх, накрывший его в тот момент, заставил вспомнить все существующие заклинания, чтобы спасти её. И у него это получилось. Драко за руку вытащил её из могилы в момент, когда почти потерял.

Она не могла умереть. Не после кучи предательств, безразличия названных друзей и вечности на вторых ролях. Грейнджер пережила и прошла, стерпела и перенесла слишком много, чтобы так просто покинуть этот мир. Её время должно настать, и Драко отдал бы всё, чтобы быть рядом в этот момент.

Но прежде у них есть дело.

Важное, как сотворение мира, и ценное, как вера в лучшее.

— Спасибо, Рене, можешь идти, — произнёс Драко.

— Я вернусь завтра утром и посмотрю всё, — эльфийка улыбнулась и исчезла, оставляя их наедине.

С влажных волос Грейнджер стекали капли воды, грудь равномерно вздымалась, пальцы крепко обхватывали запястья, а в глазах витали вопросы. Драко подавил желание улыбнуться взгляду, возвращающему его в довоенное время. Там Грейнджер всегда смотрела так.

— Лучше бы ты дал мне умереть, — выдохнула она. — Ответов всё равно не получишь, я бесполезна.

Он ухмыльнулся и тихо рассмеялся, наблюдая за выражением её лица. Судя по всему, Грейнджер ждала угроз, пыток, длинной тирады о том, какие все вокруг грязнокровки, а он чистокровный, но нет.

— Сколько себя помню, — отметил Драко, локтями упираясь в колени и смотря на неё снизу вверх, — менялись время, события, преподаватели, но одно оставалось неизменным.

Он замолчал на несколько секунд, чтобы увидеть животный интерес в карих глазах.

— Ты всегда полезна, Грейнджер, — ответил Драко, откидываясь на спинку кресла. — Знаешь, это ужасно раздражает, но вместе с тем восхищает. Ты умудряешься даже в самой удивительной ситуации оказаться выходом.

— Например, мою жизнь можно обменять на две других? — перебила она его, скрестив руки на груди. — Ты, Малфой, талант. Так легко убедить друзей предать.

Злость волной накатила на сердце, заставляя то сжаться. Раздражение на лице Малфоя проступило раньше, чем Грейнджер успела это понять, поэтому лишь через пару секунд она довольно ухмыльнулась.

И это в нём вызывало непреодолимый гнев. Грейнджер, будучи отличницей, солдатом Ордена Феникса, членом отряда Дамблдора и создательницей кучи правил в защиту домовиков, не видела очевидных вещей. Даже сейчас её продали, обменяли на чужую жизнь, а она продолжала винить его. Человека, забравшего её из леса живой и невредимой, спасшего несколько минут назад в ванной...

Это было выше его сил, Драко не хотел, но понимал её.

Цепляясь за устоявшееся прошлое, она ненавидела, когда его разрушали. И не важно, насколько в нём было больно.

Могло показаться, будто Грейнджер нравилось быть ничем. Страдать и оставаться в тени названного героя. Но Драко всегда помнил её амбиции, желание быть лучше, сильнее, важнее. Они разыграют в Грейнджер, но позже. А сейчас ей, как и ему когда-то, нужны время и правильная мотивация, чтобы опять вдохнуть свежий воздух жизни.

— Я не заметил, что бы ты была сильно против, — с ухмылкой ответил он. — Даже решил, будто рада уйти со мной на верную смерть. Скажи, тягу к самопожертвованию у вас дополнительно преподавали?

— Замолчи! — закричала Грейнджер.

Её щёки покраснели, кулаки сжались, а дыхание участилось. Злость, которую она держала на поводке, вырывалась наружу громко. *Драко это нравилось.* Грейнджер была прекрасна, а гнев придавал ей смелости и уверенности.

Из-за занавеса потерянности выглядывала сущность, порожденная годами обид.

— Что ты знаешь о самопожертвовании, Малфой? — сквозь зубы прошипела она. — Я предложила тебе защиту, хотела поддержать тебя из-за родителей, а ты решил убить меня.

Она подскочила на ноги и стремительно подошла к нему, руками хватаясь за подлокотники и нависая над ним.

— Твоя мать была хорошим человеком, Малфой. В память о ней ты должен перейти на правильную сторону, — твердила Грейнджер, смотря в его глаза.

И хоть упоминание Нарциссы тяготило сердце, подрывая сжать крохотную шею Грейнджер, Драко сдерживался. Состояние, на котором она балансировала, сложно было назвать адекватным, и воспринимать сказанное всерьёз он не собирался. Она пыталась давить на раны, заставить его играть по своим правилам. И ради чего? Чтобы договориться о побеге? Исправить оплошность друзей?

Грейнджер верила, что Орден Феникса — её дом, за который она должна бороться, даже если её там уже похоронили. *На это было больно смотреть.*

— Позволь уточнить, — спросил Драко. — Правильная — это где ценность твоей жизни равна жизни Поттера и Уизли?

Гермиона задержала на нём взгляд всего на пару мгновений, чтобы убедиться в услышанном. А после оттолкнулась от стула и отвернулась от него, тяжело дыша. Пройдя несколько шагов, она застыла у окна, ладонями упираясь в подоконник. Её плечи содрогались, Грейнджер пыталась совладать с собственным гневом, съедающим её изнутри.

— Что ты понимаешь? Ты же никого близко к себе не подпускал, — выплюнула она, развернувшись. — Тебе ведь никто не нужен, так?

Драко встал с кресла, убрал руки в карманы брюк и медленно подошёл к ней, неотрывно смотря в глаза, где скапливались слёзы.

— Мне нужны лишь те, кто мне дорог, Грейнджер, — спокойно ответил Драко, когда она вздёрнула подбородок. — [\[1\]](#)Список короткий, но важный. Я не добавляю в него тех, кто продаст меня, когда подвернётся случай.

— Нравится мне это повторять, да? — переходя на шёпот, спросила Грейнджер.

По её щеке покатились слеза.

Драко хотел обнять её, прижать к себе, успокоить, но понимал — сейчас слишком рано. Ему нужно побыть для неё злом, чтобы однажды стать спасением.

Даже малые дети ненавидят вкус зелий, которые их лечат.

— Мне понравится, когда ты выложишь все тайны, — ответил он. — И ты это сделаешь, Грейнджер, по своей воле.

— Тебе придётся ждать *вечность*, — ответила она, обжигая его лицо дыханием.

— Если потребуется, я подожду и *вечность*.

Он сделал несколько шагов назад, наслаждаясь реакцией на двусмысленность собственной фразы, и развернулся, направляясь к выходу. Лишь в конце, когда он почти вышел за дверь, Малфой обернулся.

— Ты понравилась Рене, хотя бы ради неё не пытайся умереть.

Закрыв дверь, он ушёл, оставляя её в одиночестве.

Примечание к части

Для меня Драко здесь - человек, идущий к благой цели очень своеобразными путями. Я люблю его стратегом-манипулятором, но уже сразу готовлюсь, что больших чувств он, скорее всего, не возымеет. Поэтому буду рада вашему мнению о нём и, конечно же, нашей Рене. Я обожаю её. Официальная информация.

Напоминаю, что у меня есть тг-канал <https://t.me/friendmalfoy>, где я показываю спойлеры, делюсь мыслями по сюжету и своими авторскими буднями. А ещё днём там появится рисунок Рене ♥

Примечание к части В главе присутствуют отрывки из фильмов: "Гарри Поттер и Тайная комната", "Гарри Поттер и Узник Азкабана", "Гарри Поттер и Орден Феникса"

Глава 3 «С этого всё началось»

Сентябрь, 1992 год, Хогвартс

Воспитанники высшего магического света отличались от других не только чувством собственного превосходства, видневшимся за версту высокомерием и гербом Слизерина на пелёнках. Каждый ребёнок знал по меньшей мере три способа, как свести беседу к величю чистокровного наследия; зачастую был сдержан в своих эмоциях и учтив в высказываниях перед теми, кто авторитетнее него; а также знал, что порой можно нести абсолютную околесицу, важно — делать это уверенно.

Эти дети были похожи на фарфоровых кукол из Косого переулка. На лице всегда маска. Не имеет значения, радости или безразличия, главное — не имеющая ничего общего с внутренними ощущениями. Их им запрещали показывать, внушая, будто это — норма, за пределы которой выходили лишь глупцы. Например, Уизли никогда не сдерживались, поэтому денег у них было столько же, сколько и манер.

От этого и издевательство над ними приносило удовольствие. Драко удавалось не только констатировать факты и оттачивать чувство юмора, вдобавок он мог наблюдать за краснеющими лицами будущих бродяг.

У Уизли не хватало ума, чтобы притвориться. Они не понимали сути существования, и об этом говорили не только оценки младших, но и образ жизни. Но даже не это было страшно, ужас заключался в том, что скудоумие заразно.

Взять малыша Поттера — промыть ему мозги им удалось достаточно быстро, хоть в начале он и подавал лёгкие надежды. Драко ещё размышлял: «*Поттер одумается, не может же он быть глупцом*». Но разочаровался. Всё-таки Избранный не равно умный.

То ли дело Грейнджер. Единственная из этой компании, кто обладал несколькими граммами интеллекта. Всегда учтивая, правильная и умеющая контактировать с окружающими, поэтому другого Драко от неё и не ждал.

Не мог умный человек утратить контроль над самим собой.

Таким образом и издеательства над ней не приносили особой радости. С таким же успехом Драко мог назвать Крэбба и Гойла толстыми — они всё равно не ответят, а просто продолжат жевать.

Так что уже на втором курсе Драко пришёл к мысли, что смеяться нужно только над Поттером и Уизли. А Грейнджер так, *вынужденный ущерб*, на который и время тратить жалко.

— Малфой, ты идёшь? — спросил Флинт, подходя к Драко.

— Иду.

Драко довольно ухмыльнулся и скорее последовал за командой, движущейся к полю для квиддича.

Сегодня эмоции его переполняли: гордость за самого себя грела душу, уважение в глазах отца придавало уверенности, доверие команды прибавляло несколько очков к самолюбию, а лица Поттера и Уизли, когда они увидят его на матче, пробуждали предвкушение.

Они ещё не понимали, сколько поражений их ждёт благодаря ему.

— Сейчас будет весело, — рассмеялся Пьюси, кивнув Малфою вперёд.

— Что вам здесь нужно, Флинт? — разочарованно спросил Вуд, разводя руками.

— Тренироваться пришли, — ответил тот.

Команды замерли друг напротив друга, и в этот момент Драко ощутил себя ещё сильнее, чем несколько минут назад. Ему не хватило признания факультета, однокурсников и капитана. Он хотел воочию увидеть лицо Поттера, когда тот осознает, с кем им бороться.

И разве не интереснее это сделать здесь? Забрав при этом поле прямо у них из-под носа.

— Но я забронировал стадион для Гриффиндора, — поджав губы, произнёс Вуд.

— Тише, Вуд, — осадил его Флинт, протягивая свиток. — У меня разрешение.

Гриффиндорцы побледнели, что отлично гармонировало с ярко-красными мантиями. За спиной Драко услышал голоса Грейнджер и Уизли, уже спешивших на помощь. Этот день становился лишь прекраснее.

Выдернув пергамент, Вуд быстро начал читать содержимое, с каждым словом напрягаясь всё сильнее. Через несколько секунд он поднял голову, внимательно смотря на Флинта.

— У вас новый ловец? Кто?

Маркус сделал шаг в сторону, позволяя Драко пройти вперёд. Команда Гриффиндора стояла в оцепенении, а Поттера будто бы и правда молния ударила — такого шока на его лице Драко не видел давно.

— Малфой? — не веря своим глазам, спросил Поттер.

— Да, верно, — ухмыльнувшись, произнёс тот. — И это не последний сюрприз.

Показательно — так, чтобы даже заучка Грейнджер увидела, — Драко крепче сжал в руке метлу. Превосходство отдавало приятным вкусом отмщения, Драко вновь доказал, что он лучший...

— Новейшие Нимбусы-2001! Где вы достали их? — поразился Уизли, на что получил смешок Флинта.

— Отец Драко подарил.

Изумление не сходило с лица Уизли, он не проронил ни одного возмущения. Это даже разочаровывало — Драко ждал гораздо больше почвы для оскорблений. Поэтому решил добавить:

— Видишь ли, Уизли, в отличие от некоторых, мой отец может купить лучшее.

— Зато никто в Гриффиндоре не покупал себе место. Всех игроков взяли за талант, — подала голос Грейнджер, гневно сведя тёмные брови к переносице.

От удивления Драко даже усмехнулся. Действительно, кто бы ещё решил помочь обескураженному Уизли ответить на колкость? Но и для неё найдётся обида, которую она проглотит. Просто потому, что умеет. Это же Грейнджер, она, как и он, скрывает свои эмоции.

Шагнув ближе, Драко заглянул в её тёмные, грязные глаза, отвечая:

— Твоего мнения никто не спрашивал, поганая грязнокровка, — по слогам произнёс Драко, неотрывно смотря на неё.

И в этот момент сердце пробило несколько предательских ударов. Настолько громко, что заглушило всё в радиусе пары миль. Кровь закипела в венах, а в груди закололо — Драко заметил, как в её глазах блеснули слёзы. Совсем немного, прежде чем Уизли спорол неудачное заклинание и она убежала.

Но Драко запомнил боль и обиду в её взгляде — настолько чёткие, понятные и живые, что он не сразу услышал, когда его позвали.

Не сказать, что та тренировка ему запомнилась, но что не уходило из памяти, так это Грейнджер. Уже после квиддича, идя обратно в подземелье, Драко вновь увидел её: одинокую, сидящую во дворе за деревом.

Она поджала ноги под себя, уткнулась носом в колени и горько плакала. Ни Уизли, ни Поттера, ни других её друзей не было рядом. Грейнджер одна заливалась слезами обиды, и это пробуждало в Драко *неизвестное* чувство. Единственная шедшая на ум ассоциация — жизнь.

Драко знал: всё вокруг ложь и хорошо сыгранный спектакль, где истинной боли или веселья тебе никто не покажет. Но он не предполагал, что бывает *взаправду*. От его слов настолько искренне горевали впервые. *И это была Грейнджер*. Драко не мог списать проявленные ею эмоции на глупость, отчего увиденное становилось ещё более будоражащим.

С этого всё и началось. С её живых эмоций, ощущения от которых ему понравились настолько, что превратились в потребность. Теперь ни Уизли, ни Поттер, а именно Грейнджер стала главным объектом его насмешек.

Потому что в ней была жизнь.

Июнь, 1994 год, Хогвартс

Существовали зелья, вызывающие привыкание. Как правило, их употребляли люди из разных социальных слоёв: и богатые, потому что искали новых ощущений, и бедные, чтобы забыть о собственной ущербности. Драко Малфой не считал, что у него есть *всё*, но при этом он ни в чём не нуждался. Он не относился ни к первым, ни ко вторым, но всё равно умудрился найти зависимость.

Эмоции Гермионы Грейнджер были реальными, настоящими, неподдельными и настолько искренними, что порой он завидовал. Сам Драко не обладал возможностью оголять душу, поэтому забирал всё, что показывала Грейнджер. Её часто задевали окружающие, от однокурсников до профессоров, и поначалу этого ему хватало. Будучи лишь свидетелем, он получал всё, что хотел. Но со временем голод стал сильнее.

И Драко сам принял роль агрессора. Он бродил за ней по пятам, провоцируя на слёзы, обиду, заставляя её обходить его стороной, спасаться в бесконечных коридорах и между книжных стеллажей. И всё это, чтобы найти, — Драко ловец, он охотился за снитчем. И если на поле ловил его не каждый раз, то свой персональный — всегда.

В этом был свой азарт — играть на настроении и ждать, пока она сорвётся. Драко часто об этом думал. Понимал: у каждого человека свой предел, а он желал увидеть её. Что она сделает? Нашлёт проклятие? Накричит? А может быть, попросит её не трогать? Постарается подкупить? Что в ней окажется сильнее?

Его мучили эти вопросы. С того злополучного дня на втором курсе он не расставался с этими мыслями. Должно же быть в жизни Драко хоть что-то не ради имени и славы, а для него самого? Он выбрал Грейнджер и её эмоции.

И Клювокрыл — точнее, его отрубленная голова — стал бы одним из способов их получения. Словно ключ, потому что Драко запомнил страх и восхищение в её взгляде, когда она смотрела на гиппогрифа.

— Повешу её в гостиной Гриффиндора, — усмехнулся Драко. — Это будет смешно.

С этими словами он убрал бинокль и поднялся на ноги, оглядываясь. Перед глазами тут же появилась Грейнджер, стремительно движущаяся в его сторону. Лицо озлобленное, решительное, будто бы это ей собирались отрубить голову.

Сердце вновь забило чаще, губы растянулись в улыбке, а жар загорелся в груди ярким пламенем. Она была всё ближе...

— Идёте смотреть шоу? — развёл руками Драко, подходя к ней.

Грейнджер в эту же секунду направила на него палочку.

— Ты мелкий, отвратительный, грязный таракан! — закричала она.

Драко попятился, пока не ударился спиной о камень. Конец древка коснулся

его горла, когда он зажмурился, вытягивая шею вверх. В ушах свистел ветер, но при этом он слышал её яростное дыхание, а открыв глаза, увидел и взгляд, наполненный злостью и решимостью. Никакой обиды, слёз или горя, только гнев, яркий и насыщенный.

На мгновение ощущение, будто это Грейнджер делала необходимые ему эмоции особенными, пролетело в голове. Но Драко, поглощённый ею, даже не заметил этого. Он продолжил впитывать крохи тьмы, зарождающиеся в её чистом сердце. Драко наслаждался пределом, к которому смог её подвести.

— Гермиона, нет! Он того не стоит! — произнёс Уизли.

Но она продолжала стоять и смотреть в глаза Драко, словно сомневалась в своих действиях. Доброта ко всем граничила с жаждой мести, и Драко хотел, чтобы она выбрала второе.

Но вот Грейнджер опустила палочку, и разочарование коснулось сознания Драко прежде, чем он почувствовал боль. Сильный удар в нос заставил его голову приложиться о камень сзади и зашипеть, перед ним показались искры.

Выругавшись, он посмотрел на неё и увидел лёгкую ухмылку. Грейнджер радовалась собственному поступку, и это подводило к новой эмоции, которую он хотел получить.

Это становилось опасно.

25 декабря, 1994 год, Хогвартс

Со временем Драко осознал зависимость от Гермионы Грейнджер. Сначала его прельщали её обиды и слёзы, после он стал видеть значимое в её злости и уверенности. А теперь испытывал удовольствие от её улыбки и злость, когда она находилась в чужих объятиях.

Святочный бал должен был стать местом, где он предложит Пэнси быть его девушкой, как желали отец и мать. Но в итоге оказался вечером, когда он убедился: эмоции Грейнджер это больше, чем детская злоба.

Когда он увидел её на лестнице — с улыбкой на лице и в платье, подчёркивающим каждый изгиб тела, — Драко не захотел отпустить колкость или вызвать у неё слёзы. В нём загорелось желание сменить партнёршу и извиниться за всю причинённую боль.

Грейнджер была волшебна, едва ли не парила над землёй и радовалась настолько искренне, что вытеснила из него обидные слова.

Это были почти те же эмоции, за которыми Драко гнал все школьные годы, но немного другие, более тёплые, богатые и важные. Они вселяли в него счастье. Казалось, Драко впервые узнал о нервных окончаниях, которые покалывало от её взглядов. Всё его тело, сознание, мысли превратились в один чувствительный орган, испытывающий слабость к ней и её радости.

Это был конец.

— Знаете, какую вещь я только что понял? — произнёс Тео, делая глоток

пунша.

Ощутив вкус, Тео тут же скривился, с отвращением смотря в собственный стакан.

— Что тебе не поставят *превосходно*, если пригласишь Макгонагалл на танец? — усмехнулся Блейз, толкая Драко плечом. — Он ведь серьёзно репетировал в коридоре.

Драко рассмеялся, а после вновь нашёл взглядом танцующую Грейнджер. От мысли, что счастлива она была в объятиях Крама, он злился, сжимая кулаки. Но продолжал отмалчиваться, наслаждаясь её радостью, пока не заметили друзья.

— Грейнджер-то, оказывается, девушка, — присвистнув, произнёс Нотт. — Платье, волосы, да и танцует так, будто учебники, которые с собой таскает, про это.

— Вот что творят чудные мужчины Дурмстранга, — важно добавил Блейз и рассмеялся. — Дай хоть сегодня всем почувствовать себя особенными. После каникул Грейнджер вновь превратится в ходячую книжку со слабостью к своим дружкам.

Они ещё продолжали говорить, но Драко их уже не слушал. Он наблюдал за Грейнджер, пока она с улыбкой и слезами счастья смотрела на уходящего Крама. На мгновение Драко задумался, *когда сам окажется на месте Виктора?*

Мотнув головой, он прогнал от себя эти идеи и поспешил скорее найти Пэнси. Но выбросить Грейнджер из мыслей так и не смог. Её образ и улыбка всё стояли у него перед глазами, не желая покидать разум, будто планировали провести там вечность. И его эта перспектива не пугала. Жить с чувством, бурлящим в его жилах сейчас, было приятно, даже слишком.

Поздно вечером, когда он уже шёл в сторону подземелий, Драко заметил Грейнджер, сидящую на той же лестнице. Мысль, что там она целуется с другим, злостью подкатила к горлу, подталкивая прервать пару, но вместо этого он увидел её слёзы. Грейнджер, как на втором курсе, сидела на лестнице, прижав колени к груди, и плакала, посылая Уизли ругательствами.

Впрочем, тот заслужил. Раньше Драко считал, будто злился на Уизли и Поттера, потому что ненавидел их. Сейчас понимал, что нет. Его раздражало, что, будучи к ней близко, находясь в таких доверительных отношениях и имея возможность радовать её, эти двое всё равно умудрялись её расстраивать.

Грейнджер была хорошим другом. Она, будто мать, носилась с ними. Заставляла учиться, помогала с заданиями, в урон собственному времени сидела с ними в библиотеке, всегда оправдывала перед учителями.

Грейнджер делала для Поттера и Уизли всё, а взамен получала лишь право ходить с ними и иногда получать подарки. Будь Драко её другом, вёл бы себя иначе, сделал бы всё, чтобы она никогда не плакала.

Но Драко не был её другом и становиться им не хотел...

Июнь, 1996 год, Хогвартс

К пятому курсу Драко совершенно точно знал, что нет улыбки приятней, чем у Гермионы Грейнджер, и нет пытки хуже, чем невозможность ей об этом сказать. Эта девушка была особенной, и с каждым днём Драко всё больше жалел, что потерял свой шанс на взаимность.

Он мог лишь продолжать выводить её на отрицательные эмоции и из углов наблюдать за положительными. Видеть радость, счастье, увлечённость, то, как блестят её глаза, развеваются на ветру волосы. Слышать высокомерный тон, который лишь у неё получался по-особенному.

И если раньше он испытывал к ней чувства, схожие с симпатией и даже с влюблённостью, то именно сейчас осознавал своё уважение.

Когда Тёмный Лорд перешагнул порог Малфой-мэнора, перед ним все опустились на колени: мать, учившая отстаивать свои убеждения, даже если ты не можешь делать это открыто; отец, гордыня которого не позволяла ему даже открывать дверь в собственном доме; домовики, служащие только семье Малфой. Все, как один, склонили головы во славу восставшему полукровке, возмнившему себя Лордом.

То, с какой податливостью маги сдавались под напором Тома Реддла, подводило Драко к мысли о куклах. Не важно, маска радости, счастья или разочарования застыла на лице волшебника, он всё равно опускался на колени перед великим и ужасным, которому предстояло служить.

В тот день всё перестало иметь значение. Кровь? Школа? Заслуги? Квиддич? Грани реальности стёрлись, оставляя за собой серый туман, что пришлось назвать жизнью. Все смирились с произошедшим, вступили в союз, что давно покинули, и согласились с условиями, что ненавидели.

А Грейнджер... Она и здесь была другой — словно издевательство над всей натурой Драко и тем примером, который он видел дома. Она боролась. Против них были все: однокурсники, некоторые преподаватели, общественность, газеты, Министерство магии, да даже сам министр. Но ей было плевать. Грейнджер всё равно, если весь мир встанет на другую сторону, — она продолжит отстаивать свою.

Это вызывало уважение, Грейнджер боролась за всё, во что верила. Казалось, она была готова пожертвовать жизнью за собственные убеждения. Раньше Драко назвал бы это глупостью, которую всегда считал отличительной чертой Гриффиндора. Но сейчас, оказавшись в положении, где все склонились под натиском страха, понимал, что вот оно — хвалёное мужество, которого хватило только у неё.

Поттер сомневался сам в себе. Уизли хоть и соглашался, но временами всё равно делился с другими, что не особо верит другу. И только Грейнджер безоговорочно отстаивала слова Поттера. Словно это она была на том самом кладбище, она влетела на поле вместе с телом Седрика Диггори, она находилась под колдоаппаратами Министерства магии и всей магической Британии.

— Заклятие Круциатус развяжет вам язык, — произнесла Амбридж, смотря в пол.

— Это незаконно! — подорвалась Грейнджер, вырываясь вперёд из цепких рук дружинника.

Драко стиснул зубы. Даже сейчас, будучи в шаге от Непростительного, она продолжала говорить о законах, о правилах, о том, что может спасти её друга...

— То, о чём Корнелиус не узнает, ему не повредит, — добавила Амбридж.

Она опустила раму с колдографией министра лицом вниз и обернулась к Поттеру. Грейнджер всё сильнее отталкивала от себя слизеринцев, пытаясь всё-таки вырваться. Она настолько была верна Поттеру, который едва ли спешил ей так помочь...

— Скажи ей, Гарри! — закричала Грейнджер, привлекая к себе внимание.

За годы наблюдений Драко мог распознать ложь на её лице за долю секунды, и сейчас она врала. Ради Поттера.

Амбридж обернулась, смотря на Грейнджер.

— Что он должен сказать? — уточнила она.

Пауза, всего на пару секунд, чтобы придумать повод, почему Амбридж откажется от сомнительной затеи. Грейнджер была гениальна, лишена чувства самосохранения и слишком предана не ценившим её людям.

Когда-нибудь это её погубит.

— Если ты не скажешь, где оно, я скажу, — добавила Грейнджер, тяжело дыша.

— О чём идёт речь? — тревожилась Амбридж.

Вобрав в лёгкие больше воздуха, Грейнджер добавила:

— О секретном оружии Дамблдора, — выпалила она, смотря в пустоту.

Драко знал, что ничего у них нет. Да, они скрывали нечто, но это далеко не теория заговора, которую придумал министр и все его сподвижники. Но Амбридж поверила, после того вечера в школу она больше не вернулась, а Драко в очередной раз убедился: Грейнджер способна на всё, но ради других.

Его влюбляло её желание всем помочь, ум, изобретательность, но всё чаще печалил факт, на кого она это растрчивала.

Июнь, 1997 год, Хогвартс

К сожалению, не все события в жизни подвластны желанию. Иногда вещи просто случались, не спрашивая. Они работали по своему графику, происходя и рисуя не лучшие моменты настоящего.

Драко не хотел становиться Пожирателем, планировать смерть директора и уж тем более — убивать. Но всё это повисло на его плечах тяжёлым грузом. Он долго не отпускал Драко, и единственное, что радовало в беспросветной тьме, —

это Грейнджер.

Она свет, который просто жил. Среди боли, обиды и разочарования в собственных друзьях, что раз за разом предпочитали ей других, но жил.

Грейнджер в одиночестве плакала на лестницах, в коридорах, во дворах, у деревьев. Ей было больно оставаться запасным вариантом, вновь быть лишней и той, кого никто не выберет, но она держалась.

А Драко всё чаще хотелось ворваться и сказать, что *он* выберет её. Чтобы она узнала и больше не страдала по другим людям. Но Драко понимал: перед грядущей войной это скорее самоубийство, чем шанс спастись. Грейнджер боец, она будет бороться за свои взгляды, за друзей, которым она не нужна, за мир, что плевал на неё.

Они со Снейпом в этом удручающе похожи.

И в тот день, сидя на Астрономической башне, Драко пообещал себе, что всё исправит. Она будет рядом с человеком, который всегда выберет её, уберезёт от бед и даже от неё самой. Драко сможет найти спасение во власти Лорда, даже если Орден Феникса падёт. Ради Грейнджер — единственного светлого, что осталось в его тёмной жизни.

Сентябрь, 1999 год, Малфой-мэнор

«Утром, когда двери были заперты, все хотели войти к нему. Теперь же, когда одну дверь он открыл сам, а остальные были, несомненно, открыты в течение дня, никто не входил, а ключи между тем торчали снаружи».

Закрыв книгу, Гермиона положила её на стол и встала с кресла, медленно двигаясь по комнате. Она надеялась увидеть нечто новое. Но обстановка изо дня в день оставалась прежней. Менялись одежда, еда, что приносила Рене, и слова Малфоя, в которых Гермиона находила всё больше смысла.

Сколько она здесь пробыла? День? Неделю? Две? Три? Гермиона не помнила. Всё слилось в бесконечную череду событий. Цикл с выверенным расписанием:

Рене приносила завтрак. Гермиона одна. Рене приносила обед. Гермиона одна. Рене приносила ужин. Гермиона одна. Приходил Малфой, пытаясь выведать информацию и толкая её в правду, а после уходил ни с чем. Она засыпала.

В таком *разнообразии* событий можно было и потеряться, как в четырёх стенах, где она проводила каждый день.

Не радовали даже найденные в сумке книги. Лишь оказавшись в заточении, она поняла, сколько историй о предательстве с собой носила. Не будь эта литература единственной доступной, Гермиона бы с радостью сожгла её.

Поэтому всё, что оставалось Гермионе, — размышлять и вспоминать. Это было больно, потому что все мысли сводились к неприятным фактам, где она годами не замечала очевидного. Возможно, это и был план Малфоя? Оставить её в комнате наедине с самой собой, чтобы в один день она сдалась и всё рассказала — лишь бы закончить бесконечную пытку собственным сознанием.

Впрочем, Гермиона была от этого не так и далека. Со временем стало невыносимо ненавидеть, злиться и кричать. Она словно вырвала из своей души все чувства и эмоции, на которые была способна. Потому что цикличное их повторение приводило к безразличию и самоуничтожению.

Гермиона сходила с ума от самой себя.

Шёпот заклинания коснулся слуха, и она усмехнулась, падая на кровать. Малфой открыл дверь и вошёл в комнату, окидывая взглядом помещение. Он всегда так делал, будто приценивался, не сломала ли она какой-нибудь предмет интерьера.

— Как дела на воле, всех грязнокровок поймали? — спросила Гермиона.

— Почти, — спокойно ответил Малфой, усаживаясь в кресло. — Одну назойливую найти не смогли. Но не переживай, я сказал, что ты в Гималаях. Заводишь новые знакомства.

— То есть мой труп после ты планируешь отправить в горы? — поинтересовалась Гермиона, привставая на локтях.

Малфой снисходительно осмотрел её, оставляя вопрос без ответа, на что Гермиона поднялась на ноги и прошла к креслу напротив, усаживаясь.

— У меня тут было время подумать, — произнесла она, обводя рукой комнату. — И знаешь, чего я не понимаю?

— Как выбирать окружение? Да.

Гермиона злостно прищурилась, поджимая губы, но не стала отвечать на колкость, лишь продолжила:

— Что ещё ты от меня хочешь? Кроме информации, — спросила она, складывая ногу на ногу.

Постоянное одиночество, дни, повторяющиеся друг за другом, боль от предательства и неизвестность наносили урон её сознанию. Гермиона хотела это закончить, но понимала: Малфою нужна не просто информация. Была ещё причина, по которой он её удерживал.

— Не переоценивай себя, — ухмыльнулся он. — Что ещё мне может быть от тебя нужно?

— Так влей мне в горло Сыворотку правды и дело с концом, Малфой! — неожиданно даже для самой себя прокричала Гермиона. — НаложИ Империи, запытай Круциатусом. Сделай хоть что-нибудь, кроме попыток наладить со мной дипломатический контакт.

Её сердце бешено колотилось, а в разуме мелькала надежда, что он наконец-то всё закончит, но Малфой лишь смотрел на неё. Внимательно, будто Гермиона изысканной красоты статуя, с интересом, словно она увлекательная книга, и некой жалостью. К последнему она могла привыкнуть, потому что сама к себе испытывала то же самое.

— Ты пила Сыворотку правды каждый день на протяжении нескольких месяцев, — спокойно ответил Малфой, смотря в её глаза. — У тебя иммунитет.

Он говорил так просто, будто бы читал со страницы книги, отчего ощущение загнанного в ловушку зверя становилось всё более отчётливым.

— Аластор Грюм запрещал тебе дышать, заставляя противостоять Империи, — добавил он. — Ты можешь сопротивляться ему.

Воспоминания о занятиях с Грюмом болью отозвались в каждой клеточке тела. Обычно мозг стирал плохое из сознания, но не в этом случае. Здесь разум словно издевался, возвращая к прошлому *«ради общего блага»*, ведь Гермиона всегда *«была слабее других»*, ей требовалось *«приложить больше усилий»*, она была обязана *«делать достаточно»*.

Малфой встал с кресла, подходя ближе. Замерев у её ног, он пригнулся, внимательно смотря в лицо.

— И вот чего никак не пойму я: почему ты продолжаешь защищать людей, которые тебя пытали, множество раз предавали и в конечном итоге продали? — спросил он, вновь вводя её в состояние колючей боли.

«Потому что, если я не буду верить в Орден Феникса и его победу, у меня не останется никакого смысла в жизни. Это всё, что у меня есть».

Но это осталось в её голове. Смотря на Малфоя и проклиная его всеми возможными словами, она ответила:

— Снейп всё-таки был предателем? — прошептала Гермиона. — Никто другой не мог тебе рассказать.

— И это всё, что ты услышала из моего вопроса, — покачал головой Малфой, прежде чем отойти.

Он был разочарован.

— Когда ты уже наконец-то поймёшь, Грейнджер? — отрывисто произнёс Малфой. — Даже если информация мне нужна, чтобы уничтожить Орден, ты должна желать этого не меньше.

Она попыталась возразить, но его оскал заставил лишь сжаться в кресле.

— Или надеешься, что Поттер ворвётся в эту дверь прямо сейчас и спасёт тебя? — переходя на шёпот, спросил Малфой.

Гермиона не ответила, только продолжила смотреть на него затравленным взглядом и осознавать, что он опять прав. Малфой словно становился для неё миром. Он заполнял всё вокруг, знал каждый шаг, все детали, мог повернуть время вспять и напомнить обо всём. Но самое страшное: Малфой был готов обернуть это против неё, если потребуется.

Ирония, что ни одна пытка или предательство не приносили ей боли столько, сколько их признание и постоянное напоминание.

Малфой не стал дожидаться ответа, лишь направил на дверь палочку, произнося Отпирающее.

— Аппарация не работает, камин тоже. Попытаешься выйти за входную дверь — окажешься вновь запертой здесь, Грейнджер, — спокойно сказал он. — Пройдись по дому, смени обстановку. Твой мозг, видимо, атрофируется в четырёх стенах...

С этими словами Малфой ушёл.

Гермионе нужно было радоваться, что наконец-то она может выйти из комнаты, но не получалось. Она понимала: он выпускает её не потому, что не боится побега, а потому, что выхода нет.

Малфой повсюду, словно змея, пробравшаяся в дом. Уже нет спасения — только принятие действительности.

А она может быть и не такой плохой, если отпустить прошлое.

Примечание к части

Теперь мы знаем о Драко гораздо больше) Наверное, с этого и начинается основная часть истории? Как думаете, что ждёт нас дальше?

А для фанатов спойлеров, видео-тизеров, артов по Призраку есть мой тг-канал <https://t.me/friendmalfoyo> . Получайте новости от первоисточника и ставьте ждунов)

Глава 4 «Добро или зло»

Сознание, находящееся в вечной пытке, рано или поздно начинало искать спасение. Зачастую оно погружалось в выдуманные истории, созданные посторонним разумом сценарии и нереализуемые мечты. Но иногда получалось спастись в познании другого человека, открывая спрятанную за тысячей замков шкатулку.

Малфоя Гермиона изучала по его поместью. Сначала неосознанно, а после с чёткой целью: она бродила по пустым комнатам, рассматривала предметы интерьера и узнавала у Рене их историю. Благо чистокровные кичились собственными именами и создавали их словно на выставку, чтобы помериться с другими утончённостью стен.

Поэтому предметов искусства здесь хватало. От картин, давно потерянных маглами, до ваз ручной работы, виданных ею лишь в учебниках. Если бы содержание жителей этого дома хотя бы немного соответствовало красоте изделий, нацизм бы не процветал.

Но она старалась не думать об этом.

Постепенно, наслаждаясь контролируемой свободой, Гермиона чувствовала смирение с настоящим. Совесть ещё колола, потому что принимать клетку было не в стихии Гриффиндора, но разум напоминал, что выбор не особо велик. Ни смерть, ни сон, ни созданные авторами книги не спасали её от пытки собственными мыслями.

Поэтому Гермиона двинулась к поиску причин, способных усмирить переживания и приоткрыть завесу малфоевских интриг. Ответ на вопрос «Зачем она ему?» был интереснее историй поместья и приятней угрызений совести.

— Мисс Гермиона, — произнесла Рене, появившись в одной из гостиных. — Вы ужинаете у себя или сюда принести?

Гермиона тепло улыбнулась, переводя взгляд на Рене. Добродушная эльфийка стояла в одном из многочисленных ярких платьев, с цветком за ухом и щёткой для посуды в руках. От её вида на душе всегда становилось спокойнее, и именно это помогло Гермионе сделать первый вывод о Малфое.

Несмотря на все слова Розье, которого Гермиона истязала в плену Ордена Феникса, Малфой был человечен. И Рене являлась прямым тому доказательством. Её забота, посмертная преданность и вера в Малфоя не могли родиться среди боли, пыток и ужаса.

Когда Рене говорила о своём господине, то едва ли не светилась любовью, а беспокойство о его еде, напитках, сне и настроении было подобно материнскому. И что важнее, Малфой отвечал ей тем же. Он хвалил еду, слушал рассказы о происходящем у других домовиков, почти каждый день возвращался с небольшим подарком.

Их отношения были взаимными и настолько тёплыми, что порой Гермиону брала зависть.

Большинство чистокровных, обладающих домовиками, истязали бедных созданий. Не раз Гермиона видела приступы агрессии от Сириуса, слышала пренебрежительный голос Вальбурги Блэк с одного из портретов площади Гриммо. Кикимер для них не был живым созданием с потребностями и чувствами, он являлся тенью, беспрекословно выполняющей их пожелания.

То же и Добби, который, подобно забитому щенку, ходил за Люциусом Малфоем, слушая и потакая ему даже против собственной воли. Словно Добби — животное, лишённое выбора и всех возможных прав.

А Рене была другой.

Ухоженная эльфийка без единой царапины или шрама, одевающаяся в яркие платья и носящая цветы за ушами. Она всегда рассуждала с точки зрения матери, а не раба, не стеснялась говорить о своих чувствах и переживаниях. А самое главное — была предана своему господину.

Последнее Гермиона ценила больше всего.

Для Рене Малфой был Богом, а его слово — законом. Она ни разу не усомнилась в нём, не сказала плохого и ни в чем не обвинила. Рене защищала Малфоя всегда, когда Гермиона дурно о нём отзывалась, напоминая, насколько её хозяин прекрасен.

Эта преданность не была основана на страданиях или крови, она шла из сердца и подкреплялась безоговорочным уважением.

И если Рене ему всё это дарила, значит, Малфой смог заслужить. Может быть, он не был героем и не выступал против Тёмного Лорда прилюдно. Но он был хорошим человеком здесь, в своём доме, частью которого Гермионе пришлось стать.

— А что сегодня на ужин? — спросила Гермиона.

Рене склонила голову набок и мило улыбнулась.

— Куриные отбивные с картошкой, — пропела эльфийка. — И салат из свежих овощей.

Гермиона тихо рассмеялась.

Еда. Настолько банально и обыденно, но даже тут Малфой умудрился оставить заметный отпечаток.

В один из первых дней в поместье Гермиона, крутившая по тарелке мясо, спросила Рене об овощах. Она не требовала их принести, лишь обмолвилась парой слов, и с тех пор на ужин всегда подавался салат. Просто потому, что ей тогда захотелось. Гермиона знала, кто распоряжается о блюдах, и каждый день удивлялась, что Малфоя это устраивает.

Забота о других — вещь, раньше не характеризовавшая в голове Гермионы Малфоя, но осязаемая сейчас. Возможно, она хорошо знала его из Хогвартса. Чистокровный аристократ с вечно недовольным лицом и количеством претензий к Гриффиндору размером с Астрономическую башню. Но волшебник,

встретившийся ей в лесу и ежедневно приходящий в комнату, был другим. Гермиона не успела осознать, каким именно, но с каждым днём он внушал ей доверия больше, чем Гарри, Рон и весь Орден Феникса вместе взятые.

Это было неправильно, но настолько осязаемо и приятно, что в такую сказку хотелось верить. Гермионе *нравилось* видеть в Малфое не зло, желающее её использовать, а заботливого мужчину, открывающего глаза на прошлое.

— А Малфой, — отведя взгляд, начала она, — как обычно? Один в столовой?

Рене на секунду удивилась, но после быстро закивала, внимательно всматриваясь в лицо Гермионы. Та нервно закусил губу, пальцами сжав край чёрной толстовки. Мысль была странная, но казалась верной.

— Он не против, если я присоединюсь к нему? — поинтересовалась Гермиона, прищурившись.

За несколько секунд на лице Рене мелькнули шок, замешательство и радость. В одно мгновение она исчезла, а уже через минуту появилась вновь, уводя Гермиону к нужной столовой.

По пути Рене с воодушевлением рассказывала об ужинах в семейном кругу, которые раньше не были редкостью. Делилась разнообразием блюд, отмечала звонкий смех и истинное счастье, царившее в доме. Казалось, этот шаг Гермионы принёс Рене радости больше, чем весь мир за последние месяцы.

А возможно, не только ей. Несложно было заметить, что настроение эльфийки зачастую сходилось с эмоциями Малфоя. Она грустила, когда он гневно выходил из комнаты Гермионы, была спокойна в моменты их немого перемирия и светилась, замечая Гермиону близ его комнаты. Может быть, и он сейчас в душе радовался совместному ужину?

Преодолев несколько поворотов, пару лестничных пролётов и тёмных коридоров, они вышли к комнате, где за длинным столом сидел Малфой. Он всегда ел один и в тишине, лишь иногда говоря с приходящей Рене. Это Гермиона тоже запомнила. Не раз она украдкой наблюдала за его ужинами, делая вид, будто потерялась во множестве комнат поместья.

Заметив её, Малфой ухмыльнулся и откинулся на спинку кресла, сложив руки в замок. Хищный взгляд внимательно бродил по ней, словно в поиске злополучного подвоха, отчего по спине Гермионы пробежал мороз.

Серые глаза обладали удивительным оттенком льда, даже на расстоянии заставляя её подрагивать от воображаемого холода.

— Грейнджер, — медленно произнёс Малфой, словно смакуя её фамилию на языке.

— Малфой, — кивнула Гермиона.

— Проходи, присаживайся, — он указал на стул слева от себя.

Посмотрев на стол, Гермиона увидела уже разложенные приборы и дымящуюся еду. Облизнув губы, она быстрыми шагами направилась к нему и,

оказавшись рядом, услышала стул, отодвинувшийся под взглядом Малфоя. Гермиона нахмурилась, смотря на Малфоя, а он в ответ лишь кивнул, убеждая присесть.

Сглотнув ком, подступивший к горлу, она опустилась и в мгновение ощутила, как плавно «подплыла» к столу.

На лице Малфоя мелькнула довольная улыбка, он испытывал удовольствие от демонстрации собственного превосходства.

— Невербальная магия, верёвки, ломающие кости, — произнесла она, ища вилку. — Невероятно, сколько твоих способностей обошли занятия в Хогвартсе.

— Если бы я демонстрировал все свои таланты, Грейнджер, — учтиво ответил он, делая глоток напитка, — ты бы умерла от зависти ещё на третьем курсе.

— Сама скромность, — показательно улыбнувшись, сказала Гермиона, бросая взгляд на пустой бокал.

— Вина? — игриво уточнил Малфой, склонив голову набок.

Интерес в его глазах сверкал искрами, зарождавая в сердце давно забытое тепло.

— Поухаживаешь? — в тон ему спросила она.

Гермиона взяла бокал за ножку и приподняла. Малфой аккуратно обхватил его, едва касаясь её пальцев, *кожа к коже*, и наполнил напитком.

— Шардоне семьдесят пятого года, — сказал он, прежде чем протянул вино Гермионе. — Утончённый вкус с нотками вечности.

Не отрывая взгляда от Малфоя, с интересом смотревшего на неё, Гермиона сделала небольшой глоток, чувствуя, как вино стекает по горлу, наполняя её огнём. Кисло-сладкий привкус заставил поморщиться, и Гермиона опустила бокал на стол, кладя в рот картофелину.

Подняв голову, она встретила со смеющимся Малфоем.

Но он был другим, не таким, как в школе. Сейчас в его глазах не было злости или издёвки, напротив, некое наслаждение, граничащее со счастьем. Не похожее на лёд, показавшийся, когда она вошла, — скорее на небо в ясный день. Это избавляло Гермиону от неудобства, ломая границы дозволенного.

— Гости здесь бывают нечасто, я полагаю, — она огляделась по сторонам.

— Ищешь себе компанию на вечер? — Малфой усмехнулся, выгнув бровь. — Хорошая мысль, в одиночку переносить библиотеку в комнату тяжеловато.

— Там было-то несколько книг, — хмыкнула она, прищурившись.

— Ты пропустила слово «десятков», — рассмеялся он, выпивая вино.

— Ты мне не запрещал, — более настойчиво ответила Гермиона. — Поэтому

учись правильно формулировать правила заключения.

Скрестив руки на груди, она откинулась на спинку стула и довольно улыбнулась, смотря на него. Пара секунд зрительного контакта, и оба громко рассмеялись, словно старые друзья.

Казалось, она впервые видела искреннюю улыбку на лице Малфоя — настолько настоящую, добродушную и живую, что Гермиона на секунду решила, будто спит.

Малфой был красив.

— Действительно считаешь себя пленницей, Грейнджер? — вдруг спросил он.

Неожиданно серьёзно, но в то же время мягко.

Словно опуская ногу на шаткую лестницу, Малфой смотрел в её глаза с некой надеждой. Она не знала, что происходит в его голове сейчас, но понимала, что ответ для него был важен. Это стирало грань между злом, принесшим её сюда, и человеком, заботящимся о ней и не требующим ничего взамен.

Она же молчала об интересующих его вещах...

— А кто я здесь, Малфой? — спросила Гермиона, внимательно посмотрев на него.

— Информатор, — пожал плечами он. — Да, пока с не особо налаженным контактом, но всё же...

— Почему я? — перебила его Гермиона. — И не говори, что это случайность. Ты мог взять любого из нас троих, но выбрал меня. Ту, кого нельзя подчинить.

Этот вопрос интересовал её.

Почему Малфой, который годами презирал её, называл грязнокровкой, не раз желал смерти и ненавидел, хотел её здесь видеть? В глубине души она списывала это на чувство вины, словно он пытался извиниться. Но события, его слова и бесконечные ухищрения, чтобы зародить в ней ненависть к Ордену Феникса, разубеждали.

Малфой знал, что не сможет наложить на неё Империиус, опoить Сывороткой правды или заставить пытками. Но из них троих он выбрал именно её. Что заставило чистокровного волшебника, полного предубеждений о крови и магловском скудоумии, забрать именно Гермиону? Это не давало ей покоя.

А если он изменился? Пересмотрел взгляды? Избрал другой путь?

Это был хороший вариант, не будь он омрачён её продажей.

— Когда Поттеру никто не поверил, он стал сомневаться в собственных глазах, — надменно произнёс Малфой, внимательно следя за её мимикой. — Ущемлённое самолюбие Уизли способно лишить его остатка мозгов.

Он говорил уверенно, спокойно, выделяя фамилии её друзей настолько чётко, что они эхом звучали в голове.

— А ты, Грейнджер, боролась. Всегда. Везде. За то, во что веришь.

Осколки восхищения слабым огнём отражались в его взгляде, заставляя тело тяжелеть, будто бы он наполнял её сознание пониманием собственной важности.

— Ты нужнее здесь. Мне. А не на поле боя, где тебя в удобный момент пустят в расход, как все мы поняли, — завершил Малфой, вновь касаясь саднящей раны.

И если бы он не напомнил, она бы сдалась.

Его ненависть к Ордену, Гарри и всему, во что Гермиона верила, отталкивала. Это напоминало, что Малфой преследует свои цели. Он не плохой человек, напротив, любящий, заботливый, внимательный, но он *Малфой*. Тот, кто не пустит в расход, но будет использовать для своих целей.

Я для него не более, чем инструмент.

Мысль, пролетевшая в сознании, была ужасна в своей реализации, но сейчас показалась Гермионе единственной правильной. Сидеть в незнании и надеяться, что завтра тебя не сошлют за ненадобностью? Или попытаться узнать тайну раньше, чем спишут в утиль?

Как уже случилось.

— Чисто гипотетически... — начала Гермиона.

— Как же иначе, — хмыкнул Малфой.

Гермиона смерила его недовольным взглядом, крепче стиснув предплечье сквозь ткань тёмной толстовки.

— Если я соглашусь и расскажу всё, что ты хочешь, — сказала она, а после подняла голову, — что со мной будет?

Замешательство и оттенок тёплой надежды показали в глазах Малфоя прежде, чем те покрылись льдом. Снова.

— Ты станешь частью плана, в котором, — он сделал паузу, — не умирают грязнокровки, а наш мир возвращается в довоенное время.

— И ты так просто говоришь, что планируешь предать своего господина? — она показательно оглянулась. — Он не выползет сейчас, чтобы бросить в тебя Аваду?

— Не беспокойся, — добавил Малфой, а после ухмыльнулся.

Слова Малфоя добавили ей необходимой решительности, чтобы в следующую минуту улыбнуться настолько доброжелательно, насколько она могла.

— Хорошо, Малфой, я согласна, — произнесла она.

Его взгляд оттаял в ту же секунду.

Мгновение, и Гермиона перегнулась через стол и схватилась за голову Малфоя, говоря заветное:

— *Легилименс.*

Образ столовой, где они сидели, в момент изменился.

В воспоминаниях всё было иначе: пол уложен трупами, лужи крови растекались от входа до третьего коридора. На этом же стуле устроился Малфой, а перед ним на столе сидела Рене.

От взгляда на неё Гермиона вздрогнула. Измученные глаза, запачканная кровью одежда и обожжённые руки. Она вытягивала их, пока Малфой наносил бадьян и шептал успокаивающие слова.

— Рене не хотела сделать плохо, — покачала головой эльфийка, пока по её щекам текли слёзы. — Рене только...

Она не успела договорить, болезненный стон вырвался из её горла, и новые мокрые дорожки побежали по лицу.

— Они никогда сюда не придут, — проговорил Малфой, нанося бадьян на ожоги. — Обещаю, что Рене больше никто не тронет.

Со стороны казалось, будто она ребёнок, которого успокаивал родитель. Ещё совсем маленькая перед злым и беспощадным миром, а он, взрослый и заботливый, говорил, что от всего её защитит. Картина настолько искренняя, что колени Гермионы подкосились.

— Спасибо, хозяин, спасибо, — благодарно пролепетала Рене.

Вдруг Гермиона ощутила резкую боль в голове и откинулась на спинку стула. Открыв глаза, она увидела перед собой озлобленного Малфоя. Его кулаки были сжаты, лицо неестественно покраснело, а прерывистое дыхание касалось её кожи даже на расстоянии. Гнев едва не разрывал его на части.

Животный страх мелькнул в разуме прежде, чем Гермиона среагировала и попыталась убежать. Крепкая рука легла на её шею, ощутимо сжимая и заставляя смотреть прямо.

— Правда думаешь, что нужные воспоминания я держу на поверхности? — едва ли не выплюнул он ей в лицо.

Разочарование, боль и обида звучали в голосе Малфоя настолько отчётливо, что сердце закололо от сожаления. Его маски безразличия, злобы, юмора и сатиры исчезли, осталась лишь ярость, которую он пытался сдержать, обхватывая пальцами кожу Гермионы.

— Запомни, Грейнджер, — сказал Малфой, — что бы ты ни придумала, какой

бы план ни составила, я всегда буду ровно на шаг впереди тебя.

Резко отпустив её, он сел обратно на свой стул. Гермиона схватилась за край стола, откашливаясь и восстанавливая дыхание, пока Малфой даже не смотрел в её сторону. Он отвернулся, словно пытался сдержать собственный гнев, вырывающийся наружу. Было это правдой или его очередной игрой, Гермиона не знала, но укол вины болезненно разливался по телу.

Она попыталась заговорить, но Малфой лишь поднял руку перед собой.

— Уходи.

— Но, Малфой...

— Убирайся, Грейнджер, — сказал он жёстче, смотря на неё. — Я не желаю видеть тебя сейчас.

Гермиона хотела подойти, наплевав на его слова, но не могла. Ноги словно приросли к полу и, кроме как назад, идти не собирались. Было это чувством самосохранения или признанием в содеянном, она не знала, но понимала: сейчас стоит послушаться.

Малфой был заботлив, даже когда зол, он пытался помочь ей в спасении от него же.

***

Драко пережил не одно предательство, слишком много людей на определённом этапе покидали его, забывая. Со временем он научился с этим жить, но в душе всегда барахталась надежда, что появится тот, кто не отвернётся. И Драко нашёл их: Рене, Блейза, Тео, Пэнси. Четверых, кто постоянно был рядом, и он очень хотел, чтобы однажды в этот список вошла Грейнджер.

Это ничтожно мало. Желать, чтобы человек, который никогда никого не оставлял, не бросал, не предавал, просто был с тобой таким же. Но нет, даже здесь судьба смеялась ему в лицо. Она напоминала, что Драко хотел от жизни больше, чем заслуживал. И Грейнджер прямое тому доказательство.

— Малфой, — голос Блейза заставил Драко оглянуться. — У меня такие новости из мира Ордена, держись за свои запонки.

Быстрыми шагами Блейз вошёл в столовую и на несколько секунд замер, внимательно осматриваясь. Ужин на двоих, недопитое вино и озлобленный Драко заставляли в мозгу Блейза крутиться особенные шестерёнки. Но, увидев состояние Драко, он оставил комментарии при себе.

— Знаешь, что сегодня объявил Поттер? — воодушевлённо произнёс Блейз.

Казалось, будто он приготовил настолько невероятную новость, что можно умереть.

— Что же? — хмыкнул Драко.

Он предполагал, что же Избранный мог сообщить своим людям. Но официального заявления стоило дожидаться.

— Грейнджер мертва, — ответил Блейз, надеясь увидеть на лице Драко удивление, но тот лишь довольно ухмыльнулся и залпом опустошил винный бокал.

— Знал бы ты, Блейз, насколько это потрясающая новость.

***

Когда Гермиона вошла в комнату, то мгновенно закрыла дверь и села на кровать, запуская пальцы в волосы. Дыхание тяжелело, а уколы совести начинали проникать всё глубже под кожу, давая понять, что этот поступок был лишним.

Она же решила, что Малфой не плохой человек. Может быть, цели у него и не благородны, но он не заслуживал, чтобы в его голове копались. Никто этого не заслуживал. И Гермионе стоило подумать трижды, прежде чем принять такое решение.

От него зависела её жизнь. Это стоило ценить. Да и её шаткие суждения уже не раз терпели крах даже в эту неделю. Она словно шла по минному полю, постоянно спотыкаясь о свои же слова.

Это уничтожало.

Слишком много надежд, разрушенных за последние месяцы. Куча разломанных принципов и замыслов. Невероятное количество ошибок и каждая болезненнее предыдущей. И вот злополучный финал — Гермиона поступила так, как обещала себе никогда не поступать.

Разочарование в самой себе вновь возвращало в прошлое, где от неё отказались. Может быть, это она причина выбора Гарри? В один момент он предпочёл себя не потому, что боялся за собственную жизнь, а потому, что Гермиона больше вредила, чем помогала?

Услышав шорох, она подняла голову, заметив виноватую Рене.

— Он сильно злится? — на выдохе спросила Гермиона.

Рене подошла к кровати и запрыгнула на неё, придвигаясь ближе к Гермионе и участливо поглаживая по плечу.

— Хозяин расстроен, но он не злится, — пояснила Рене, заглядывая в глаза Гермионы и улыбаясь. — Но не делайте так больше, пожалуйста.

Слова Рене звучали странно, успокаивающе. Будто бы Малфой проник в разум Гермионы обманом, а не наоборот.

— Доверие — это тяжело, и не стоит усложнять его предательством, — опустив голову, ответила Рене. — Хозяин отойдёт, немного попозже, но отойдёт,

дайте ему время.

Гермиона смотрела на Рене несколько секунд, всё ещё сомневаясь. На памяти Гермионы Малфой никогда ничего не забывал, напротив, планы его мести простирались на долгие месяцы. Сложно поверить, что он сможет отойти даже через год.

— Ощущение, что мы говорим о двух разных Малфоях, — горько усмехнулась Гермиона, локтями упираясь в колени. — Твой кажется хорошим, Рене, но тот, которого знаю я...

— Мисс Гермиона, — выдохнула Рене и опустила руки на свои колени, поправляя платье. — А вы точно хотите увидеть моего хозяина?

Гермиона свела брови к переносице и непонимающе посмотрела на Рене.

— С каждым днём я всё чаще думаю, что вам больше нравится ваш образ и вы не желаете воспринимать мой, — аккуратно заметила Рене.

Ком застрял в горле, дышать стало тяжело, но белая пелена перед глазами не смогла затмить Рене.

Она была права. Гермиона боролась сама с собой последние недели, особенно в отношении Малфоя. Его образ занял её сознание, а мысли, каков же он на самом деле, заполнили разум. словно цикл, она проживала две его стороны каждый день, в итоге оставаясь на своей.

Гермиона искала его положительные качества, пила вино, наблюдала за блеском его глаз — а уже в следующую секунду понимала, что он её использует, проникала в его голову и чувствовала пальцы на своей шее.

Какой же Драко Малфой? Хороший? Плохой? Или и то и другое? Не имело значения. Важно, что вкуче эти два фактора путали её, не давая понять его истинных замыслов. Потому что Малфой был всегда на шаг впереди. Он словно планировал всё, что с ней произошло. Долго, упорно, расчётливо и выжидающе, подобно змее.

А что, если?..

Гермиона качнула головой, прогоняя подступающую надежду. Но та в секунду прорвала оборону, оседая в мозгу мыслями о спасении.

Малфой не хотел говорить не потому, что планы страшные, а потому, что ему не дают их реализовать. Что, если Орден хотел её спасти? Что, если Гарри пытался прорваться, а Малфой не давал ему сделать это? Поэтому он её не выпускал. Не потому, что она сбежит, а потому, что её найдут сразу же, а он лишится союзника или заложника.

Он мог шантажировать Гарри её жизнью? Вполне.

Так кто Малфой? Безоговорочное зло или добро с парой тысяч исключений? Она бы узнала, если бы в эту секунду не поверила, что её хотят спасти. Картина, где Орден Феникса стоит перед Малфой-мэнором, близкие ей люди готовы её забрать, нужно лишь открыть дверь...

Остаток надежды загорелся.

— Рене, а Пожиратели смерти часто бывают в поместье? — неожиданно спросила Гермиона, смотря на эльфийку.

— Никогда, — пожала плечами Рене. — Хозяин выгнал всех, когда они прижгли Рене руки раскалённой кочергой за пролитую воду.

Она ответила совершенно спокойно, будто бы подобное было в порядке вещей. Возможно, именно обещание Малфоя, увиденное Гермионой в его голове, и заставляло Рене спокойно говорить о той боли.

А если Малфой запутавшееся добро? Манипуляциями идущее к благой цели? И именно Гермионе стоит наставить его на истинный путь.

Вполне возможно, но для этого она должна отсюда выбраться.

Примечание к части

Если я скажу, что они становятся ближе - это будет звучать, как издёвка?)

Одна из тех глав, где можно хотя бы немного умиляться.

А обсудить главы, узнать даты выхода новых, посмотреть тизеры и спойлеры можно на моём канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 5 «Последний патронус»

Май, 1999 год, площадь Гриммо, 12

— А почему не сотовый? — развёл руками Гарри, смотря на Джорджа. — Это точно будет менее заметно, чем совы. Но беда — не везде ловит.

— Что такое сотовый? — прошептал Рон, смотря на Гермиону.

Единственную, кто не разделял всеобщего удивления новому слову.

Но она оставила вопрос без внимания, с горечью смотря на злившегося Гарри. Смерть Снейпа окончательно подорвала веру Ордена в счастливый финал. Пожиратели с каждым днём становились лишь сильнее, и их ресурсы росли. Ситуация для них была настолько выигрышной, что Лорд даже не появлялся на публике.

Стоило радоваться: возможно, он боялся, а это означало, что они почти у цели, несмотря на видимое величие Пожирателей. Но в волшебниках Ордена гасли силы. Даже Гарри Поттер, который вёл их, потерял веру в хороший финал. Он не надеялся на победу, но и не мог принять поражение, отчего всё больше злился и кричал.

Каждый день уничтожал Гарри сильнее предыдущего, а нежелание принять смерть Снейпа душило.

— Гарри... — мягко произнёс Сириус. — Снейп — ужасная потеря для Ордена, но это не конец. Мы сможем победить и без него.

Верил ли Сириус в собственные слова? Гермиона знала, что нет.

Единственное, что заботило Сириуса, — это Гарри. Возможно, это результат мук совести после стольких смертей, а может быть, родительский инстинкт, взявшийся из ниоткуда. Не важно. Сириус Блэк всегда ставил благополучие Гарри выше чужих жизней. Это не было тайной.

— Возможно, ты прав, — выдохнул Гарри. — Сможем, но не так быстро, как хотелось бы...

Сириус поджал губы и бросил взгляд на Гермиону. Она мгновенно кивнула, а после повернулась к Рону, кладя руку на его плечо.

— Могли бы вы с Джорджем перенести те книги, что я просила?

Рон свёл брови к переносице и ещё раз посмотрел на Сириуса. Тот уже утягивал Джорджа и Фреда в сторону двери, игнорируя их вопросы и предложения.

— Рон, ты идёшь? — строго спросил Сириус.

Гермиона повернулась и слабо усмехнулась. Сириус едва ли не вытолкнул близнецов в коридор, а после настоятельно порекомендовал Рону быть быстрее. Гермиону это веселило, но спустя минуту Сириус остановил взгляд на ней. От

него мурашки пробежали по спине, в груди будто вспыхнул колючий пожар, а после хлопка двери она и вовсе подскочила на месте.

Сириус её пугал.

— Я больше ничего не вижу, — безжизненно произнёс Гарри, как только они остались вдвоём. — Со смерти Снейпа — пустота.

Он смотрел в окно, выходящее на лондонскую улицу, и крепко сжимал предплечья. Казалось, что Гарри не находился сейчас здесь, он словно был далеко, в мрачной пучине сознания. Там, где на дымящейся от взрывов земле лежали трупы, молили о пощаде покалеченные люди и куда не попадала даже капля света.

Гарри не отличался позитивным настроением. Это сложно — любить жизнь, когда тебя с рождения окружала смерть.

Подойдя к нему, Гермиона встала рядом и положила руки на подоконник, вдыхая исходившую от стекла прохладу.

— Значит, нужно искать, Гарри, — выдохнула она. — Найти Тёмного Лорда и вытащить из него ответы лично.

Гарри усмехнулся.

— Почти все крестражи уничтожены, он слаб, — добавила Гермиона.

Он слабо кивнул и повернул голову в её сторону, снисходительно осматривая сверху вниз.

— Обойти сотни Пожирателей, отразить десятки заклинаний, — перечислял Гарри, горько улыбаясь, — ради возможности поговорить? Ты и правда считаешь, что мы сможем это сделать?

— Таким скоплением людей? Нет, — ответила Гермиона, переводя взгляд на друга. — Снейп действовал один, и в этом была его сила. Нам нужно сделать это втроём, как раньше.

Гарри кивнул и подвёл Гермиону к большой карте, разложенной на обеденном столе. На ней цветными кнопками были обозначены штаб-квартиры Ордена, среди которых и передвигались волшебники. Это помогало всегда найти укрытие, помощь и поддержку в бою. До случая, когда Пожиратели, отправившись за собой, не обнаружили одно из укрытий — и убили каждого в нём.

С тех пор общаться между собой штабы могли лишь посредством патронусов, которых могло создавать мизерное количество членов Ордена. В этом и заключалась проблема сегодняшнего дня.

— Нам нужна связь, — сказал Гарри, оглядывая карту. — Когда штабы смогут обмениваться информацией, мы усилимся.

— Об этом я и пришла поговорить, — воодушевлённо воскликнула Гермиона, улыбаясь. — Я знаю, что делать, Гарри.

Она двинулась к одному из шкафов, забирая с полки блокнот и небольшую шкатулку на замке. Вернувшись, Гермиона положила лист на карту, открывая список имён. Самые сильные волшебники Ордена Феникса были перечислены в столбик и отмечены номерами от одного до пятнадцати.

— Аластор Грюм, Кингсли Бруствер, Райли Кларк...

Пока Гарри зачитывал имена, его брови хмурились, а вопросов в глазах становилось больше, чем Гермиона могла себе представить.

Облизнув губы и вздохнув, она перевернула шкатулку, откуда высыпалось пятнадцать колец.

Гарри скептически осмотрел вещи.

Идея, которую Гермиона собиралась воплотить в жизнь, казалась тяжёлой в реализации. Но в теории она проявлялась идеально, поэтому отказаться от неё Гермиона себе не позволила. Всё ещё считая Орден Феникса и его сподвижников единственным, что у неё осталось, она была готова бороться. Гермиона не гнушалась даже самых сумасшедших затей, одержимая желанием победы.

— Я нашла заклинание в одной из книг Снейпа, — на выдохе произнесла она. — Если правильно расположить ингредиенты и выбрать сильных волшебников, мы сможем создать гибрид Омута памяти и патронуса.

Понимание в глазах Гарри засияло искрами оттенка изумруда, и он улыбнулся, взяв в руки одно из колец. Огранённый камень в нём был синим и едва переливался из-за блёклого света свечей.

— Для каждого штаба будет определён свой лидер — сильный волшебник, способный вызвать патронус даже в условиях войны, — быстро проговорила Гермиона, проводя пальцем по именам в блокноте. — Вы вызовете их, и, когда они сосредоточатся в одном месте, я направлю их магию в кольца, превратив украшения в своего рода сотовый.

Взяв драгоценность, Гермиона улыбнулась, отдавая её Гарри.

— Тебе будет достаточно прикоснуться к кольцу, произнеся заклинание вызова патронуса, и ты сможешь оставить сообщение.

Взяв второе украшение, Гермиона надела его на свой палец и отошла подальше от Гарри, кивая на свою руку.

— Когда это заклинание произнесут в штабе, твоё сообщение услышат, — заключила она, подбегая обратно к столу. — Волшебник, способный вызвать патронус, сможет оставить послание, не способный — только посмотреть. Это минус, но лучшее, что может быть.

Закончив, Гермиона замолкла и посмотрела на Гарри в ожидании ответа. Идея безумная, такая же, как и все предыдущие, приходившие ей в голову. Поэтому, с одной стороны, Гермиона верила в неё, надеялась, что это поможет и спасёт их. А с другой — боялась, что это окажется лишь глупой надеждой.

Но ведь должно помочь? Это выход. Решение проблемы, которая сейчас останавливает их от похода за крестражем. Если Орден разделится, то охватит больше территорий, ресурсы расширятся, и тогда они будут на несколько шагов ближе к долгожданному спасению.

Гермиона верила в это.

Пару мгновений спустя Гарри сорвался с места и крепко обнял её, прижимая к себе. Опешившая Гермиона сначала растерялась, но после тепло улыбнулась и ответила Гарри.

— Спасибо, Гермиона, — тихо произнёс он, смотря в пустоту за её спиной. — Спасибо, что ты есть у нас, что ты есть у меня.

В тот день она считала себя героем, создавшим волшебное решение. Лишь позже, когда обряд провести ей не дали, на церемонию не позвали и от содержания сообщений оградили, Гермиона поняла, что нет.

На несколько мгновений ей даже показалось, будто её нагло обманули. Только потом Гермиона поняла, что это нормально. На войне не важно, кто какой вклад внёс. Все они борются за правое дело, и никого не стоит выделять, разумом она это принимала. Но обида в душе оставалась ещё долго, словно Гарри её предал.

Сентябрь, 1999 год, Малфой-мэнор

Если бы у Гермионы спросили, какую самую главную ошибку она совершила, ответом бы стало проникновение в голову Малфоя. Казалось, ничего значимого она не увидела, его сокровенную тайну не раскрыла, но всё равно чувствовала себя виноватой. Гермиона не могла понять, почему именно так себя ощущала, но, ежедневно возвращаясь к этой мысли на протяжении недели, осознала ошибку.

А поведение Малфоя лишь удручало. Он всем своим видом показывал, насколько она его задела.

Раньше Малфой почти каждый день приходил к ней в комнату. Они разговаривали, вспоминали школу, естественно, лишь удобные ему моменты. Но, несмотря на это, Малфой в беседах был искренен, моментами даже добродушен. А в последнюю их встречу ей и вовсе показалось, что на пару мгновений оголил перед ней душу.

А она прошлась по ней ножом из легилименции и всё испортила. Получается, теперь он её наказывал? Потому что с того дня Малфой словно исчез, при этом не покидая собственный дом.

Проходя по поместью, Гермиона чувствовала аромат его парфюма, замечала записки, сложенные для Рене, пустые бокалы из-под огневиски, остатки ужина на столе, иногда даже слышала голос. Но не видела, он будто исчез персонально для неё.

И казалось бы, для Гермионы, строящей план побега, это должно быть на руку. Единственный рабочий камин был в его спальне, а если он её избегает, то и пройти через него проще. Но, несмотря на это, в душе Гермиона ощущала

тоску по его обществу и вину за сделанное.

Возможно, дело было в привычке — за пару месяцев заключения их встречи стали своего рода традицией. А может быть, её изголодавшейся по заботе душе Малфой пришёлся по вкусу — и она воспринимала его как спасителя. Отсюда могла родиться привязанность, не желающая уходить в одиночество. Думая об этом, Гермиона даже хотела остаться, но запретила себе отступить.

Искать причины, сидя перед окном и гадая, когда же он её простит, можно было бесконечно. Но она нашла в себе силы отречься от этого, возродить ещё не погибшую веру в Орден Феникса и задуматься о том, что им она необходима.

Поэтому, узнав, что Малфой покидает дом на пару часов, Гермиона скорее решила действовать. Нужно было бежать, уходить настолько быстро, насколько она могла, и желательно прямо сейчас...

— Мисс Гермиона, что бы вы хотели на ужин? — спросила Рене, застав Гермиону на выходе из комнаты.

— Запеканку? — выбрав блюдо, готовящееся дольше всех, выдохнула она. — Ту, которую подавали в понедельник.

Рене широко улыбнулась и кивнула, прежде чем исчезнуть.

Гермиона бегло оглянулась по сторонам, а после приоткрыла дверь. Взяв сумку, она поспешила к спальне Малфоя. Благо он поселил её не так далеко от себя. Возможно, Малфой даже испытывал потаённый страх, что она от него сбежит, и надеялся это предотвратить, живя рядом. Ирония, что именно это сыграло Гермионе на руку.

В считанные секунды она оказалась перед его спальней и ещё раз осмотрелась, убеждаясь, что рядом никого нет.

Аккуратно притронувшись к железной ручке, Гермиона ощутила пронизывающий холод. Мурашки побежали по спине, мороз лизнул затылок, заставив её дрожать, а страх током прошёлся по телу. Это подталкивало сделать шаг назад, но она потянула дверь на себя. Пройдя внутрь, Гермиона закрылась и бегло осмотрела комнату в поисках нужной ей вещи.

Надежда найти палочку была, но времени оставалось слишком мало. Поэтому, не заметив её на столе, Гермиона уже двинулась к камину, но тут же замерла.

Показалось?

Нахмутив брови, она медленно развернулась и подошла к поверхности с разложенными книгами и артефактами. Всевозможные предметы, виданные ею только на страницах учебников, были прекрасны, а руки так и зудели от желания прикоснуться к ним. Но не это привлекло внимания.

Нечто небольшое, но имеющее огромное значение, лежало на краю. Тёмный камень, отдающий синим и обрамлённый в железо, образующее кольцо, лежал прямо перед ней. Пятнадцать таких Гермиона отдала Гарри Поттеру несколько месяцев назад и надеялась не увидеть без хозяина.

Но вот оно лежало перед ней. Свидетельствовало либо о помутнении рассудка, либо о предателе, либо о смерти. Ни один из трёх вариантов Гермиону не устраивал.

Бросив взгляд на дверь и убедившись, что никто не идёт, она подошла к кольцу и взяла его, сжимая между пальцев.

— Экспектро патронум, — сорвалось с её губ.

Счастливых воспоминаний не было, поэтому перед глазами явилось лишь последнее сообщение, оставленное несколько дней назад. Человеком, которого она считала другом столько лет...

— Победа никогда не даётся легко. С каждой смертью и потерей близкого мы проходим испытание на прочность. И лишь справившись с ним, можем продолжить бороться за то, во что верим.

Голос, пропитанный горечью и болью, отскакивал от стен спальни, а содержание речи подводило к скорому разочарованию, вопреки всем надуманным надеждам.

— Сегодняшняя смерть для меня особенно тяжела. Этот прекрасный человек был со мной с самого детства, и поверить в её смерть я не могу до сих пор. — Пауза, всего на пару секунд, чтобы показать всю горечь утраты. — Мне больно, хочется кричать и ненавидеть, но я знаю: ради неё и нашей общей цели я должен справиться и продолжить борьбу. *Она бы этого хотела.*

Кольцо выпало из рук, когда Гермиона сделала несколько шагов назад, качая головой. Она не желала этого слышать, не желала верить в происходящее, но голос продолжал вещать:

— Гермиона Грейнджер умерла героем.

Слова с оттенком фальшивой боли резали сердце, не позволяя дышать.

— Её вклад в нашу будущую победу неоценим, и невозможно описать словами, кем она останется в наших сердцах. Для одних Гермиона стала наставником, для других — другом, и я хочу, чтобы сегодня в память о ней вы подняли свои палочки. Гермиона была источником света и веры для нас всех, так давайте мы осветим путь её призраку...

Колени подкосились, и она сползла по стене на пол, чувствуя, как солёные слёзы текут по щекам. Вера в Орден погибла после фразы о смерти, а надежды разбились с последними словами Гарри Поттера из кольца.

Он её чествовал, скорбел и помнил, зная, что произошло на самом деле.

Всё кончено.

Люди, ради которых она боролась и была готова пожертвовать собственной жизнью, — их больше нет рядом. Гермиона для них умерла. Да, героем, внёсшим неоценимый вклад, но это сотрётся с течением времени. Она станет одним из тысяч имён в книге, будучи живее всех живых.

Гермиона закрыла лицо руками, чувствуя, как тело прошибала дрожь с каждым новым вдохом. Из горла вырывались крики боли, а в груди словно прорастала огромная пустая дыра, перекрывающая дыхание. Гермиона погружалась в мутнеющую протрацию, не желая верить в происходящее. Реальность казалась ужасным сном, сущим кошмаром, вновь возвращающим её в начало без надежды на лучшее.

Ей хотелось кричать, ломать всё, что попадётся на глаза, разрывать душу и сознание. Лишь бы вытащить всю боль, кроющуюся в душе и ядом струящуюся по венам. Это всё обязано было закончиться в день, когда она сюда попала. Гермиона не должна была слышать слов Гарри. Ей следовало умереть, чтобы не проживать реальность.

Но ей не дали погибнуть. Спасли, дали почувствовать заботу, напомнили обо всём, что сделал Орден Феникса. И это было больно. Правда острыми шипами колола душу и сейчас дошла до сердца, пропитывая его осознанием. Видимо, Гермиона должна была услышать о своей смерти от друга, который и подвёл её к плахе. Лишь так она бы поняла, в каком ужасе на самом деле находилась.

Её бросили. Оставили. Выдали за труп и публично похоронили для любого, кто мог спасти. А единственный, кто знал, что она жива, её ненавидел и хотел получить информацию.

И сейчас она осознала всю правильность своего первого решения в этом доме. Лучше смерть — сейчас именно она возвышалась над любым желанием Гермионы.

Всё закончить, прекратить и никогда больше не испытывать терзающих страданий.

— Грейнджер?

Она подняла на Малфоя заплаканные глаза, видя отголоски собственной боли во взгляде, наполняющемся сочувствием. Сглотнув стоявший в горле ком, Гермиона поднялась на ноги, опираясь дрожащей рукой о стену, и сделала шаг к нему, почти вплотную.

— Убей, — прошептала она. — Забери воспоминания, я не буду сопротивляться, узнай всё, что хочешь. Но, умоляю, закончи со мной.

И Гермиона хотела, чтобы Малфой принял её предложение. Настолько сильно, что была готова сама пустить его в свою голову. Испытать любую, даже самую ужасную боль, чтобы наконец-то прекратить жить и чувствовать. Это было самое яркое и единственное желание после случившегося, увиденного и услышанного.

Свет потух, мир вокруг рухнул, надежда сломлена, а вера уничтожена. Всё кончено.

— Давай же! — она сорвалась на крик, ударяя его в грудь. — Малфой, сделай же это наконец!

Но он стоял, с горечью рассматривал её лицо и не находил слов. Гермиона

плакала, просила, умоляла и била его, пытаясь высвободить всё накопившееся, чтобы приглушить своё сознание.

— Убей! — крик настолько громкий, что его могли услышать на другом конце поместья.

И в этот же момент Малфой схватил её и крепко прижал к себе, заключая в объятия. Его ладонь легла на её голову, равномерно поглаживая, пока Гермиона продолжала его бить. С каждой секундой всё слабее, пока и вовсе не опустила руки, плача в его плечо.

— Они оставили меня, — хрипло шептала она в его шею.

— Знаю, Грейнджер, знаю, — выдохнул Малфой.

Больше она не говорила, только рыдала, дрожа в его руках, а Малфой стоял рядом и пытался её успокоить. Это было невозможно в их положении, но он делал всё что мог — оставался с ней, вопреки всем её словам и действиям.

***

Дать Грейнджер зелье Сна без сновидений было тяжело, но когда Драко это сделал, то уже через несколько секунд она потеряла связь с реальностью. Отчасти его план провалился, у Драко не вышло просто смотреть на её страдания от рук реальности и правды. Хотя именно это он и планировал делать, считая, что всё просто. Но видеть, как она сидит на полу, не в состоянии встать, рыдает и молит его о смерти, оказалось выше его сил. И даже самая безразличная часть души сдалась.

Какие бы рациональные связи и мысли ни толкали Драко на важные поступки, его чувства к ней оказывались сильнее. И там, где Грейнджер должна была пережить боль, он бы отдал всё, чтобы это предотвратить. Подобное было недопустимой ошибкой для хорошего стратега, но, будучи живым человеком, Драко их совершал. Провал, но факт: корысть и любовь были двумя звеньями, не дававшими ему покоя рядом с ней.

Сегодня выиграли чувства, им была важна Грейнджер — её спокойствие и радость. Но неделю назад выиграла корысть. Она и заставила Кларка снять кольцо.

Насколько рядом Грейнджер должна быть, чтобы любовь победила окончательно и безвозвратно? Да, это сломает часть его стратегии, подорвёт существующие планы и, скорее всего, увеличит срок их воплощения. Но Драко хотел этого. Она была светом во тьме, свежим воздухом в духоте и смыслом, когда не оставалось ничего.

Может быть, Драко должен стать частью её жизни ровно настолько же, насколько и она для него? Вероятно, тогда всё обретёт значение, потеряет выгодную подоплёку и наконец заиграет новыми красками?

Отличная перспектива.

Опустившись рядом с ней на кровать, Драко легко улыбнулся. На лице

Грейнджер играло умиротворение, она спокойно спала и совершенно не тревожилась. Рене говорила, что Грейнджер всегда кричит во сне, часто просыпается и долго не может заснуть обратно. И сейчас, когда она лежала рядом, не обременённая душевными терзаниями, ему хотелось верить, будто причина в нём.

Сбоку послышался хлопок, и Драко перевёл взгляд на Рене, стоявшую неподалёку.

— Мисс Гермионе плохо? — осторожно спросила она, опуская уши.

— Ей станет лучше, позже, — ответил Драко, поправляя подушку.

Рене учтиво кивнула, а после на мгновение пропала. Вернувшись, она подошла ближе к постели и накинула на Грейнджер пушистый серый плед, расправляя каждую его складку.

— Мисс Гермиона спокойнее спит под ним, — ответила Рене на вопросительный взгляд Драко. — Не переживайте, я его выстирала, когда вытащила из сумки, он чистый.

Вряд ли Драко чистота волновала столько же, сколько и Рене, но он улыбнулся и кивнул, прежде чем встать с постели и подобрать кольцо с пола.

— Посиди здесь немного. Я скоро вернусь, — бросил Драко, прежде чем войти в камин и оказаться в штабе Ордена.

В комнате находился лишь один волшебник. Он сидел на кровати и смотрел в пустоту, словно под парализующим проклятием. Положив кольцо на стол, Драко взмахнул палочкой, и мужчина зашевелился, повернув голову к камину, а после на Драко.

— Кольцо я вернул. Продолжай действовать так, как я сказал, понял, Кларк?

— Да, — равнодушно ответил тот.

Подойдя к столу, Кларк взял кольцо и надел его обратно на палец, после чего отправился к остальной части Ордена, разводившей костёр на улице.

Совсем не привлекают внимания...

Подумав об этом, Драко вновь вошёл в камин и вернулся в свою спальню.

Отпустив Рене, он направился к постели, внимательно скользя взглядом по Грейнджер.

Настолько спокойная и умиротворённая.

Ему хотелось, чтобы так было всегда. Без горестей, печалей и боли, но Драко понимал, что это вынужденная мера.

Зачастую, чтобы получить важное, нужно прожить события, способные сломать. Это ментальная цена за будущее удовольствие. Не всегда честная, но обязательная.

Поправив плед в последний раз, он лёг рядом и, осмелившись, положил руку на талию Грейнджер. Вдохнув аромат её волос, Драко придвинулся ближе — аккуратно, боясь нарушить её сон.

Грейнджер вздрогнула, и он замер, но в следующую секунду она опустила ладонь поверх его и осталась неподвижной.

Сердце Драко забилося чаще.

Примечание к части

Одна из самых болезненных глав. Здесь тяжелее, чем в начале, потому что разрушается последняя надежда, связывающая с желанием жить.

Пишите ваши впечатления, они очень важны для меня)

Обсудить главу, узнать автора поближе, а также увидеть тизеры и спойлеры к новым главам можно в моём канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 6 «Первое правило величия»

Декабрь, 1996 год, Хогвартс

— Прошу тебя, не обижайся, — виновато опустив глаза, сказала Джинни. — Предложение Лаванды слишком заманчивое.

— Я планировала почитать сегодня у камина, — строго ответила Гермиона.

— Пожалуйста, — пропела Джинни, усаживаясь рядом и кладя руку на плечо Гермионы. — Если ты будешь с нами пятой, то разделиться на пары не получится, тогда Гарри не сможет на мне сосредоточиться.

По меньшей мере, Гермиона бы назвала эту просьбу неприятной, по большей — отвратительной. Казалось, будто Джинни было абсолютно всё равно, что Гермиона чувствует, как себя ощущает и уж тем более — где проведёт вечер, когда её близкие будут вместе отдыхать. Джинни волновали лишь собственные планы, благополучие и любовь к Гарри, остальное, включая подругу, меркло.

И может быть, Гермиона бы пошла на уступки. Её часто просили о вещах, разрушающих личные планы, и чаще всего она соглашалась, потому что они друзья. Но сегодня это звучало иначе — будто переходило очень важную грань, заставляющую больше сомневаться в близких.

Джинни знала о чувствах Гермионы к Рону. Не раз сама подталкивала к решительным действиям. А сейчас приняла отношения Рона и Лаванды как само собой разумеющееся. Словно не было сотни разговоров, попыток сближения и обещаний, что всё закончится хорошо. А Гермиона, как живой человек, тоже желающий любви и поддержки, обесценилась.

Погоня за взаимностью Гарри заставила забыть о Гермионе. Джинни стало абсолютно всё равно, что придётся делать. Она воодушевлённо принимала самые странные идеи Лаванды и, казалось, даже размышляла об Амортенции — настолько Джинни не замечала границ и была одержима попытками получить желаемое.

Она уже не помнила о чужих чувствах и окончательно оттолкнула от себя Гермиону.

Вспоминая это, Гермиона думала отказать и провести вечер так, как хотелось именно ей. Но она не обладала способностью Джинни забывать о дружеской эмпатии. Смотря на подругу, Гермиона видела, насколько это для неё важно, и сказать «нет» язык не поворачивался.

— Хорошо, — поджав губы, кивнула Гермиона. — Почитать я могу и на скамейке в коридоре.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — пролепетала Джинни, обнимая Гермиону. — Ты самая лучшая, я знала, что ты поймёшь. Ты *всегда* понимаешь.

Последние слова эхом прозвучали в голове Гермионы, вторя фразам Рона и Гарри. Она часто слышала это, словно способность идти на уступки и выбирать других вместо самой себя являлось исключительным подвигом. Так в детстве

учили мультфильмы, сказки, учителя, родители. И подобное всегда казалось правильным, ведь детей растят добрыми и удобными послушными.

Но с годами Гермиона познала истину: понимающие люди зачастую остаются самыми несчастными. Не потому, что так сложилась судьба, сошлись звёзды или обернулись обстоятельства. А потому, чем чаще они жертвовали собой ради посторонних, тем быстрее формировалась привычка предпочитать других себе.

Лишь после в её разуме начали суетиться мысли:

«А когда моя очередь? Почему всегда сделать шаг навстречу должна именно я, а не кто-то другой?»

В результате она пыталась жить так, как хочется именно ей, ставила собственные интересы выше чужих, заботилась о личном благополучии. И всё равно не чувствовала себя счастливой, а испытывала за это стыд.

Всегда думала и потакала другим, а в один момент вспомнила о себе. Какая же эгоистка.

Но разве правильно, что в своей жизни Гермиона уходила на второй план? Нет, это несло лишь боль и разочарование в мире, способным стать прекрасней, если быть в нём не ради других.

Тогда она спросила себя:

«Есть ли в мире тот, кто поставит меня выше себя?»

Разочарование наступило, когда Гермиона осознала, что нет. Постоянно отдавая, она теряла способность принимать, и такой человек уже не вдохновлял — он вызывал жалость.

Гермиона часто об этом думала, но никогда не отказывала. Также пренебрегала собой ради других, шла на уступки и терпела зачастую потребительское отношение. Она боялась оказаться в одиночку против целого мира, считала происходящее вынужденным шагом и надеялась, что однажды это изменится.

Интересно, люди часто надевают тряпки, о которые вытирали ноги?..

Она бродила по тёмным коридорам после отбоя, рискуя нарваться на дежурившего Малфоя, но даже это радовало. Никчёмная потасовка, которая не принесла бы ничего, кроме отнятых баллов, была лучезарнее одинокого вечера.

В гостиной Гриффиндора у неё хотя бы была перспектива услышать разговор или стать свидетелем пары побед в шахматы, а здесь ничего. Пустые коридоры окружали Гермиону на пути в никуда.

Присев на лавку, она открыла книгу и начала заучивать заклинания для практических занятий на понедельник.

Оставаясь одна, Гермиона всегда проводила время за учебниками. В знаниях она топила собственный разум, стараясь не думать об окружающем мире. Зачастую он её расстраивал и угнетал, а в книгах можно и забыть о реальности.

Сюжеты и факты вызвали интерес, утягивая за пределы настоящего. Так она меньше разочаровывалась.

— Гермiona?

Полумна, как, впрочем, и всегда, подошла слишком тихо, отчего Гермiona вздрогнула и с опаской посмотрела на неё.

— Ты меня напугала, — выдохнув, ответила Гермiona. — Уже поздно. Не боишься снятия баллов?

Но Полумна ничего не сказала, лишь села рядом и с интересом заглянула в книгу, вчитываясь в заклинания.

— Хочешь поразить кого-то? — спросила Полумна.

— Что? Нет, я не произношу их вслух.

— Ты просто не замечаешь, — пожала плечами Полумна, выпрямляясь. — Порой ты начинаешь читать слишком громко. Я думаю, это потому, что текст увлекательный.

Добродушно улыбнувшись, Полумна положила руки на скамейку по обе стороны от себя и посмотрела в разные стороны.

— Тихо сегодня, обычно пара ребят бегают по коридорам после отбоя, — заметила Полумна и взглянула на Гермionу. — Как правило, от тебя.

— Часто гуляешь?

С этими словами Гермiona закрыла и отложила от себя книгу, откидываясь на стену позади. Сегодня хотя бы общество Полумны могло её порадовать, даже если Гермiona редко её понимала.

— Я говорю во сне, — пожала плечами Полумна. — Соседкам это не нравится, поэтому я ухожу, пока они не заснут.

Гермiona понимающе кивнула и мягко улынулась.

От осознания, что не только она терпит дискомфорт от собственной уступчивости, ненадолго стало легче. А спустя несколько минут в сердце проросли корни зависти к Полумне. Взглянув на неё, Гермiona нервно поджала губы, а её пальцы крепко стиснули край лавочки.

Полумна была значительно счастливее Гермiony.

Она не хваталась за ускользающих людей и не уступала всем и вся, чтобы сохранить дружбу. Она просто существовала, поддерживала близких и была собой. Так мало, чтобы получить безграничное признание, а Гермiona делала так много и в итоге оставалась ни с чем.

Возможно, дело в ощущении? Полумна не боялась одиночества, и её редко волновало мнение других. Может быть, поэтому она и была счастливее.

— Не хочешь посидеть у нас в гостиной? — спросила Полумна.

Гермиона легко улыбнулась и кивнула, вставая с лавочки.

Они шли медленно — настолько, что запросто бы встретили Филча или дежурившего Малфоя, но по пути никто не появился. Баллы остались целыми, настроение Гермионы поднялось из-за вечера в гостиной Когтеврана, а заснула она крепко, с привкусом небольшой отдушины.

Сентябрь, 1999 год, Малфой-мэнор

Сквозь сон Гермиона чувствовала на теле тяжесть. Приятную и будто защищающую, словно её охранял человек, которому она безоговорочно доверяла. Но когда она проснулась, на ней лежал только плед. Тёплый, уютный, но не дающий тех же ощущений.

Открыв глаза, Гермиона быстро заморгала и тряхнула головой, осматриваясь. За окном уже опустилась ночь, а комната, в которой она находилась, оказалась чужой. Это был не родительский дом, не один из штабов Ордена Феникса и не её покои в Малфой-мэноре. Стены тут были темнее, вдоль них стояло множество стеллажей, висели пейзажи, а в углу расположилось большое зеркало. Свечей или факелов не было, свет исходил лишь от камина, где звучно потрескивали дрова.

Камин. Порох. Побег. Кольцо.

Воспоминания в то же мгновение заструились перед глазами. Мысли о прошлом напоминали о каждой секунде боли, прошибающей её насквозь. А дрожащие руки возвращали к скорби по времени, когда было ради чего жить. Тягостные раны медленно раскрывались в груди, посылая по телу потоки нескончаемых мучений.

Реальность наступала.

Её предали. Похоронили заживо. Притворились, будто бы ничего не произошло. Приняли ситуацию такой, какая она есть. Гарри и не попытался бороться за неё, как она билась за них. А Рон, человек, не собиравшийся отдавать её в начале, поддался Гарри. Они выбрали свои жизни вместо её, забыв, что она всегда предпочитала их.

Руки затряслись.

— Ты проснулась, — голос Малфоя заставил её посмотреть на открывшуюся дверь.

Объятия. Успокаивающие слова. Короткие прикосновения. Зелье Сна без сновидений и тёплые пальцы на её теле.

Прошлый вечер восстанавливался в памяти. И произошедшее подталкивало её к вопросам. Почему она лежала в его кровати? Зачем Малфоя, в чей разум она насильственно проникла и от кого пыталась бежать, находиться рядом с ней? Какие у него причины и сейчас оставлять ей жизнь?

После предательства дорогих людей доброта Малфоя была не только

необходимым для спокойствия ресурсом — она вызывала множество вопросов, и это загоняло её в тупик мыслей.

Спустившись с кровати, Гермиона обняла себя за плечи, пытаясь успокоить дрожащие руки. А после медленно, чувствуя тяжесть собственного веса и ужасную слабость, прошла вперёд. Холодный пол хоть и причинял дискомфорт ступням, но не вызывал столько интереса, сколько Малфой, уже сидящий за рабочим столом.

Когда Гермиона оказалась рядом, то заметила перед ним небольшую только что зажжённую свечу. Её света было достаточно, чтобы Малфой видел свои пальцы и кольцо, над изучением которого работал.

Определённо, магическое.

Ещё с занятий по рунам Гермиона запомнила: все предметы, исписанные отдалённо известными знаками, несут в себе магию. И зачастую она не светлая.

— Поешь, — произнёс Малфой, кивая вперёд.

Повернув голову на другой конец стола, она заметила тарелку с супом, от которого шёл пар, а рядом блюдце с нарезанными овощами. Чуть дальше стояли два пузырька с зельями. Гермиона сразу узнала Успокаивающее и Сон без сновидений.

Это для неё.

Малфой позаботился о её состоянии вчера, продолжал это делать сегодня и, кажется, не остановится и завтра. В глубине души Гермиона испытывала от этого невероятное удовлетворение, но боль от прошедших событий оказалась сильнее.

Она словно ещё раз пережила то же предательство, только второе далось в разы тяжелее. Возможно, потому что легло на ещё раскрытые раны, а может быть, повторное разочарование уничтожило последнюю надежду.

Не важно, как и почему, главное — это случилось.

— Я не хочу, — произнесла она, собираясь двинуться к выходу, но Малфой схватил её за запястье.

— Грейнджер, ты не ела больше суток, — строже добавил он. — Либо ты садишься и ешь сама, либо я накладываю на тебя Связывающие чары и кормлю.

Она развернулась на него и горько улыбнулась. Радость на грани истерики, где эмоции принимали любой выход, даже если он казался безрассудным.

— Мне всё равно, Малфой, — рассмеялась Гермиона. — Ты не понимаешь, насколько мне плевать, что со мной теперь будет.

— Представляю, — сказал Малфой и поднялся, подталкивая её к стулу и усаживая на него.

После он опустился рядом, передавая столовые приборы. Гермиона

безразлично наблюдала, как он протягивает ей ложку, наливает сок, достаёт салфетки. С таким спокойствием и аккуратностью, словно она значила для него целый мир.

Возможно, Гермиона бы поверила, но пообещала себе перестать обманываться.

— Я расскажу тебе всё, что хочешь, — выдохнула она, кладя руки на свои колени. — Но пообещай, что после я умру.

Малфой остановился, а его взгляд едва не разбился о стену её безысходности. Столько жалости вкупе с горем она никогда не видела в его глазах, казалось, словно всё, во что он верил, сломалось. Гермиона знала, как выглядит это состояние, — всё чаще она встречала его в отражении.

— У вас с Поттером отвратительные способности к переговорам, — ответил Малфой и положил перед ней ложку.

Но она его не слушала и не воспринимала. Лишь прокручивала по сознанию свою просьбу. Ей было это необходимо. Она хотела закончить всё. Смысла жизни у неё не осталось.

— Ты помнишь, что чувствовал, когда погибли родители? — спросила Гермиона, замечая, как мышцы его лица напрягаются. — Помнишь.

Считая, что при нужных упоминаниях появится возможность довести его до попытки её убийства, Гермиона решила давить на самые тяжёлые моменты прошлого.

— Розье говорил, что их убили на твоих глазах. Рассказывал, как после ты превратился в человека отчуждённого, оборвавшего большинство дружеских контактов, — она поджала губы, кивая. — Тогда я подумала, что у тебя закончились причины, чтобы жить, и, честно, не удивилась бы вести о твоей смерти.

Она сделала небольшую паузу, замечая боль от воспоминаний в его взгляде.

— У меня больше нет причин жить, Малфой, — продолжила Гермиона. — Я всё потеряла и чувствую лишь пустоту, которую заполняет боль. Не хочу проживать всё это раз за разом ради ничего.

Сил на слёзы не осталось, но голос дрожал, и контролировать его не получалось. Впрочем, Гермиона и не пыталась.

Малфой же смотрел на неё в ответ. Сосредоточенно, твёрдо, будто бы никогда не был на её месте, но она знала и видела, что это не так. Обмануть не получилось.

— Когда *он* убил их, я тоже в это верил, — тихо произнёс Малфой, смотря в её глаза. — Считал, что всё закончилось.

Май, 1997 год, Малфой-мэнор

— Круцио! — в очередной раз гневно прошипел Тёмный Лорд.

Заклинание заставило Драко выгнуться на полу от ужасной боли и закричать. Десятое, двадцатое или тридцатое проклятие летело в него за последние часы, и каждое сопровождалось одним вопросом:

«Почему ты меня разочаровал?»

Раньше Драко верил, что нет хуже участи, чем гнев собственного отца, а после понял, что есть. В тот день, когда Тёмный Лорд впервые его к себе вызвал, награждая парой проклятий за недоложенную о Поттере информацию. Тогда Драко и осознал, что ужасней всех наказывал именно их господин, повод которому обычно не был нужен.

Реддл мог сделать свои выводы, построить теории, создать догадки и поверить в них так, будто бы увидел всё своими глазами. И после этого он наказывал. Всегда яростно, громко — так, чтобы все вокруг слышали.

Для него это была картина воспитательного процесса. Реддл искренне полагал, что публичные наказания заставят всех уважать и стоять насмерть за его идеи. Но всё, что он вызывал в своих приспешниках, — это страх.

— Я люблю, когда мои люди выполняют требования, — шипел Реддл, кружа вокруг Драко, словно коршун. — И чем больше я от них жду, тем болезненнее их наказание. Круцио!

Очередной вскрик, и Драко вновь рухнул на каменный пол, сплёвывая кровь. Металлический привкус во рту вызывал рвотный рефлекс, руки подрагивали от нескончаемых страданий, а сознание мутнело с каждой минутой. Он уже не различал ни времени, ни пространства, ни слов господина. Оставались лишь он, твёрдый пол и пытки.

— И я очень надеюсь, что это последний раз, когда ты меня разочаровал, — Тёмный Лорд в очередной раз занёс руку для заклинания.

— Драко! — голос, заставивший Драко прийти в себя за секунду. — Мой мальчик.

Стук каблуков Нарциссы послышался совсем рядом, а уже через секунду она рухнула на колени перед его телом, с опаской осматривая.

— Дорогой, — шептала она.

По её щекам текли горячие слёзы, одной рукой она зажимала рот, чтобы не закричать, а другой стирала кровь с его подбородка. Драко чувствовал на себе её дрожащее дыхание и то, как пальцы аккуратно поглаживали его лицо. Но от гримасы ужаса, которую он видел перед собой, становилось ещё тяжелее. Драко делал ей больно. Одному из самых дорогих ему людей.

— Возьмите меня, — сказала Нарцисса, смотря на Лорда. — Отпустите Драко, я вас прошу, умоляю!

Всё ещё сидя на коленях, она глядела на господина, желая получить прощение для сына. Эта ошибка — её просьба для Лорда была проявлением такой ненавистной ему слабости. Реддл не умел любить, отчего воспринимал

слова и действия Нарциссы как противное покровительство.

— И это то, чего я ждал, — ухмыльнулся Тёмный Лорд, делая пару шагов назад. — Причина, почему ты не предан нашему делу.

Реддл оскалился и взглянул на Драко. Тот в мгновение понял, в чём заключался сегодняшней план Тёмного Лорда. Превозмогая боль, Драко подорвался и встал перед матерью, пытаясь её спасти.

— Это моё упущение, — покачал головой Реддл. — Требую отсутствия человечности, но забыл о людях, которые в тебе её держат.

Он сделал два шага вперёд, почти вплотную вставая к Драко.

— Первое правило величия: уничтожь всё, что любишь, — Тёмный Лорд взмахнул палочкой, и Драко в то же мгновение отбросило на несколько метров назад. — И я с радостью тебе помогу.

— Нарцисса!

Люциус появился перед ней за секунду до проклятия, закрывая собой. Пару мгновений он смотрел в глаза некогда господина, пытаясь вымолить прощение, а после его бездыханное тело рухнуло. Люциус Малфой погиб на полу собственной гостиной.

Нарцисса успела лишь раскрыть рот в немом крике, когда то же смертельное проклятие поразило и её в самое сердце. Несколько секунд она почти неподвижно смотрела на Люциуса, а после безжизненно приземлилась рядом.

И всё это время Драко просто сидел, не в состоянии пошевелиться. Он находился поодаль от них и видел, как жизнь покидает тела его родителей.

Именно в тот момент школа, друзья, окружающий мир, неудавшаяся миссия и всё, что существовало, ушли на второй план. Его уже не волновало и не беспокоило ничего. Смысл жить в одно мгновение исчез, лишая способности чувствовать боль, терзать себя и верить, что однажды всё будет хорошо.

Надежда погибла, вера умерла, а места для любви в сердце больше не было. Там поселилась пустота, постепенно заполняющаяся болью и страданиями.

— Вот так, Драко, — спокойно произнёс Лорд, бросая взгляд на трупы. — Теперь ты освобождён от такой ненужной ноши, как семья. Я тебя поздравляю.

Фраза звучала как издевательство, но Драко понял это не сразу. Он лишь смотрел в мёртвые глаза матери. В них всё ещё было больше любви, чем Драко мог прочувствовать. И Нарцисса умерла с ней. Лишилась жизни, потому что не могла позволить погибнуть сыну.

Любовь и правда слабость, результатом которой однажды явится смерть.

Сентябрь, 1999 год, Малфой-мэнор

— Я тоже считал, что смысла в жизни больше нет, и хотел умереть, — продолжил Малфой, смотря в её глаза. — Но я быстро понял важную вещь,

Грейнджер. Ты не можешь остаться один.

Слова предвещали великую речь о возможности творить добро, создавать новые вещи и строить будущее. Гермиона часто слышала поучения о том, что на свете множество людей — даже если она потеряла смысл жизни, то может стать им для другого. Опять отдать, но уже себя.

— У тебя всегда есть ты, Грейнджер, — произнёс Драко, неотрывно смотря на неё. — Ты должна жить ради себя, собственного счастья и целей. Плевать на мир, который тебя не ценит, у тебя остаёшься ты.

Эти слова вновь возвращали её к мысли, что они с Малфоем слишком отличались друг от друга. Причём во всём, от ужасно простых вещей до самых сложных, и это казалось прекрасным. Ещё одну речь во славу мира она не пережила бы, а вот выводы о любви к себе приняла с радостью. На несколько мгновений это заставило забыть о смерти.

Гермиона была благодарна Малфоем. Поэтому в следующую секунду она подалась вперёд и обняла его. Так крепко, как могла, настолько сильно, насколько умела.

— Спасибо, Малфой, — прошептала Гермиона, чувствуя, как он обнимает её в ответ.

Простой жест, не несущий в себе боль и страдания. Эти объятия были ей нужны. Сначала Гермиона считала, что только ей, а потом поняла, что и Малфоем не меньше. Это радовало.

***

Когда тарелка опустела, Грейнджер бросила взгляд на магический артефакт, перекатывающийся между пальцами Малфоя. В карих глазах, отдающих тьмой при отсутствии света, он видел интерес, преодолевающий боль и разочарование. Что было голодней в Грейнджер: её мозг или душа? Исходя из наблюдений, он верил в первое.

Она любила вещи, которые были ей незнакомы. Это желание познавать новое привлекало в ней не меньше, чем каждая эмоция на лице, обрамлённом пышными волосами. Драко чувствовал невероятное, когда она замирала в одном положении на несколько минут, а иногда и часов, не в состоянии оторваться.

Грейнджер была удивительной, она умела видеть интересное в самом обычном. Возможно, поэтому Драко надеялся, что однажды особенное она заметит и в нём.

— Хорошо, я сдаюсь, что это? — спросила она, переводя взгляд на него.

Драко довольно улыбнулся и продолжил натирать серебряное кольцо, игнорируя её вопросы. Грейнджер прищурилась и встала со стула, подходя к Драко с другой стороны и пытаясь рассмотреть небольшой камень, лежавший рядом. Зажав между пальцами, она приподняла его, заворожённо наблюдая, как тот переливается в свете свечи.

— Кольцо, Грейнджер, — спокойно ответил Драко. — Не довелось видеть таких раньше?

Она шумно выдохнула и закатила глаза, кладя камень на место. Обогнув сидящего Драко, Грейнджер встала точно за спиной и пригнулась, находясь в непосредственной близости с его головой. Её дыхание щекотало шею, а пальцы, едва касавшиеся его плеча, пускали по телу приятную дрожь.

— У нас такой интимный контакт, — ухмыляясь, протянул Драко, убирая кольцо на стол и оборачиваясь к ней.

На мгновение они встретились лицом к лицу, их разделяло нещадно маленькое расстояние, которое ему казалось вечностью, а её заставило оцепенеть.

— Ещё пара сантиметров, и тебе придётся взять меня в мужья, как порядочной ведьме, — шепнул Драко почти ей в губы, не разрывая зрительного контакта.

— Ты первый обнимал меня в постели, — Грейнджер хитро улыбнулась, склонив голову набок. — Поэтому предложение руки и сердца жду от тебя.

Выпрямившись, она развернулась и двинулась обратно к кровати, забираясь на неё с ногами. Сев, Грейнджер притянула к себе колени и потерла ступни в попытке их согреть.

Всё это время ей было холодно...

— Рене, — произнёс Драко.

Эльфийка появилась перед ним в то же мгновение, уже замешивая тесто для завтрака.

— Организуй мисс Грейнджер домашнюю обувь, — попросил он, бросая взгляд на ту.

Рене повернулась вместе с ним и довольно улыбнулась. Её радовало, что гостья наконец-то проснулась.

— Рене рада помочь мисс Гермione, — произнесла она, и тарелка из её рук тут же исчезла, сменяясь пушистыми зелёными тапочками.

Грейнджер тихо рассмеялась, глядя на свою новую обувь, и с благодарностью посмотрела на Рене.

— А это просили передать хозяину, — сказала Рене, отдавая Драко сложенный пергамент.

— Спасибо, — ответил он, разворачивая лист.

«Одно из защитных заклинаний пало. Завтра в 15:00 у входа в башню, нужно обновить все чары.»

Драко нервно поджал губы, а после подошёл к камину, поджигая послание. Через несколько секунд не было ни одного доказательства, что это ему приходило. Так поступали с подавляющим количеством корреспонденции. Большая её часть могла стоять жизни, даже больше — четырёх.

— Хозяину постелить в чёрной спальне? — осторожно спросила Рене, бросая короткий взгляд на Грейнджер.

— Да, пожалуй, — ответил Драко, двигаясь в сторону дверей.

— Нет, подожди, — выкрикнула Грейнджер, приподнимаясь на кровати. — Не уходи, пожалуйста.

Он замер на несколько секунд, внимательно смотря в лицо взволнованной Грейнджер. Казалось, будто он пытался забрать последний экземпляр её любимой книги из библиотеки.

Настолько нуждающийся взгляд, что развернуться и уйти он бы не смог, даже если бы очень сильно захотел.

— Не нужно, Рене, — мягко произнёс он, смотря на Грейнджер.

Как только послышался хлопок аппаратуры, Драко по-доброму рассмеялся и медленно подошёл к своей постели, склонив голову набок.

— Спать на кушетке я не буду, не надейся, — сказал он.

— Я и не просила, — вздёрнув подбородок, ответила она. — Это всё-таки твоя кровать, было бы неприлично с моей стороны тебя отсюда выгонять.

— Гермiona Грейнджер задумалась о приличиях, — удивлённо воскликнул Малфой.

— Драко, прекрати, — с улыбкой попросила она и тут же замолчала.

Его имя с её губ слетело так же неожиданно, как прозвучала просьба. В это мгновение Драко решил, будто спит, потому что реальность не могла быть настолько благосклонна к его желаниям.

Грейнджер на кровати, где он годами мечтал о ней, просила его остаться и называла по имени без палочки у горла и по своей воле.

Это было больше, чем настоящая жизнь, — перед ним явно рисовались грёзы. И как бы Драко ни верил, что нужно жить в реальном мире, сейчас он без раздумий отдавался собственным мечтам.

Опустившись на кровать, она положила руки на бёдра и нервно провела по ним ладонями, рвано вдыхая воздух.

— Я не знаю, как жить дальше и что делать, — быстро произнесла она. — И

сейчас моя просьба — это единственная необходимость, в которой я уверена. Просто...

Словно набираясь смелости для следующих слов, она задержала дыхание, а после продолжила:

— Побудь рядом, как ночью. Если ты понимаешь меня, пожалуйста, не оставляй сейчас.

Зрительный контакт в несколько секунд, и Драко вернулся в настоящее. Он не знал, что будет дальше, но был готов остаться. Потому что она этого хотела, он был сейчас ей нужен. И даже если Грейнджер не понимала, насколько их желания обоюдны, происходящее являлось реальностью.

— Не оставлю, — произнёс Драко, подходя к постели с другой стороны.

Взяв палочку, он направил её на Гермиону, освобождая ту от джинсов и свитера. Хлопковая тёплая пижама алого оттенка опустилась на неё, прикрывая практически всё, что могло смутить. Сам Малfoy коснулся древком рубашки, облачаясь в изумрудный аналог.

— Я не позволю спать здесь в той одежде...

— Уже позволил, — отметила она, забираясь под одеяло.

Закатив глаза, Драко лёг рядом с ней на спину, стараясь не приближаться слишком близко. Но уже через пару минут она сама придвинулась к нему, кладя голову на плечо, а руку — на его живот.

— Сказать, в чём плюс сломанной жизни? — прошептала она, смотря в пустоту.

— Я знал, что ты не засыпаешь без любопытных фактов, — добавил он и ощутил её улыбку.

— Мне больше нечего терять, и я могу делать то, что чувствую.

И больше она не говорила, а уже через несколько минут крепко заснула на его плече. Грейнджер всегда спала плохо, вздрагивая и шепча мольбы. И последние две ночи Драко был спокоен, потому что находился рядом и мог хотя бы попытаться её успокоить.

Примечание к части

В честь приближающегося нового года главу выкладываю немного раньше положенного) Думаю, закончить год на такой счастливой главе прекрасная идея) А что нас ждёт дальше? Узнаем первого января, тизеры, спойлеры и фантазия автора на канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 7 «Отмщение»

Январь, 1997 год, Хогвартс

— Дин и Гарри — это небо и земля, — мечтательно выдохнула Джинни, лёжа на кровати. — Даже поцелуй.

С этими словами она выпрямилась и села, смотря на Браун.

— С Дином было чувство, что он лапает мои губы, вот и всё, — недовольно говорила Джинни. — А Гарри — это именно бабочки в животе. Когда он аккуратно прикасается, медленно, спокойно, будто я прямо сейчас развалюсь в его руках. Понимаешь?

— Не люблю такое, — хмыкнула Браун, сведя брови к переносице. — Словно боится. То ли дело Рон. Он напористый, страстный...

Прилагательные, сыпавшиеся изо рта Браун в следующие несколько секунд, заставили глаза Гермионы расширяться, а пальцы гневно сжать перо. Сложно было определить, что раздражало больше: обсуждение нравившегося ей парня в двух шагах от неё или Джинни, которую вдруг перестали смущать разговоры о брате в романтическом ключе.

— Это всё-таки вкусовщина, — заключила Джинни, не разделяв предпочтений Лаванды. — Паркинсон вообще удушение нравится. Больная. И Малфой её тоже.

— Малфой? — рассмеялась Браун. — Они давно не вместе. Да и в постели вкусы у него отличаются.

— А ты знаешь, какие у Малфоя предпочтения? — хмыкнула Джинни, прежде чем злобно ухмыльнуться.

В этот момент Гермиона с грохотом закрыла книгу и развернулась к сидящим на постели соседкам. Слушать разговоры о Дине, Гарри, Роне было ещё терпимо, хотя бы потому, что все они общались между собой. Но посвящение в интимную жизнь Малфоя находилось за пределами допустимого.

— Лаванда, у нас завтра зачёт по зельям, тебе разве не нужно к нему готовиться? — прищурившись, спросила Гермиона.

Глупо было надеяться, что между сплетнями и книгой Браун выберет знания, но Гермиона решила попытаться.

— Гермиона, — пропела Джинни, склонив голову набок. — Чего ты там одна сидишь? Иди к нам, поговорим...

— И своё мнение о поцелуях выскажет, разумеется, — закатила глаза Браун. — Ей неинтересно, Джинни. Просто завидует, что у нас есть, о ком рассказать, а ей нет. Вот и спрашивает о моих зачётах.

С этими словами Браун самодовольно улыbnулась и повернула голову к Гермионе.

Слепая ненависть и нескончаемые намёки на женскую нереализованность — этим Гермиона могла охарактеризовать Браун. Иногда даже казалось, словно все эти поддавки — результат тотальной ненависти или мести за прошлые обиды. Но за всё время в школе Гермиона ни разу не задела Браун первой, поэтому оставалось лишь догадываться, откуда росла неприязнь.

— Так ведь, Гермиона? — добавила Браун, вставая с кровати.

— Моя личная жизнь тебя не касается, — ответила Гермиона, отворачиваясь обратно к книгам.

Но Браун не остановилась. Она подошла к столу, села на его крышку и забрала из стопки одну из книг. Показательно пролистав её, Браун скучающе посмотрела на обложку и закатила глаза, прежде чем вернуть фолиант обратно.

— Тебе самой-то нравится? Вот эта жизнь книжного червя, — Браун кивнула на учебники. — Неужели никогда не было желания стать кому-то нужной?

— Лаванда, — насторожилась Джинни.

— Подожди, — осадил её Браун, вновь возвращаясь к Гермионе. — Знаешь, а у того же Малфоя вкусы на отличниц.

Сказав это, Браун нахально улыбнулась и внимательно посмотрела в глаза Гермионы.

Услышав болезненную правду, подтверждающую её каждодневные опасения касемо друзей, Гермиона поджала губы. Предполагать, что ты никому не нужен, и слышать это — два абсолютно разных уровня боли. К более высокому она ещё не была готова.

Гермиона часто думала, что друзьям на неё всё равно. Не понимала, почему не способна найти близкого человека, с которым можно построить семью. Не могла смириться, что родные оказались от неё настолько далеко и она вынуждена переживать всё в одиночестве. Это было тяжело, поэтому Гермиона отталкивала от себя подобные мысли, пыталась не жить с ними.

Но реальность в ответ лишь вколачивала в сердце каждое предположение.

— Ты серьёзно задумалась? — рассмеялась Браун, вставая на ноги. — Ты и Малфой? Мерлин, Грейнджер, тебе действительно пора завязывать с книжками и посмотреть на реальный мир.

Браун долго хохотала, показательно держась за живот и выкрикивая шутки. А Гермиона, чьи мысли о Малфое и его вкусах занимали последнюю очередь, отстранённо смотрела на фолианты. Возможно, она бы даже обрадовалась, фантазируя о подобном абсурде, но её разум поглощало собственное одиночество. Насколько болезненное и тяжёлое, что выдуманные истории и правда вызывали больше интереса.

Она часто пряталась в книгах, и теперь это становилось заметно. Плохо или хорошо? Непонятно, но точно очень больно.

Сентябрь, 1999 год, Малфой-мэнор

В тот злополучный вечер Браун посчитала, что Гермиона думала о Малфое, когда в голове по стенкам стучало одиночество. А сейчас все её мысли занимал именно Малфой, когда её должно заполнять болезненное ощущение ненужности. Это был парадокс. Ситуация, расходящаяся с мнением извне. Но Гермионе было всё равно, её разум поглощали мысли куда приятнее.

Малфой. Человек, которого она должна ненавидеть, презирать, ни в коем случае не доверять и отторгать. Именно он оказался единственным, кто смог вытравить из души желание умереть. В момент, когда она пыталась отказаться от жизни и выдать ему все секреты, он спас её. словно все цели, которые Малфой, как ей казалось, преследовал с самого начала, исчезли. Осталась лишь Гермиона. И её недуги, которые он хотел излечить.

И за эти несколько часов она поняла важное.

Какие бы планы Малфой ни строил — Гермиона была готова их принять. Сердце подсказывало: на пути к его целям она не окажется пешкой, расходным материалом, её не продадут, если подвернётся случай. Возможно, его задумки не были великими, как у Дамблдора, или благородными, как у Гарри. Она не знала, что Малфоем руководит, но зла для себя в нём не ощущала. Обиду за легилименцию, гнев за решение о смерти, удовольствие от её эмоций — да, но ничего из этого не приравнивалось к плохому.

Наоборот. Малфой делал для неё удивительное: помогал чувствовать себя нужной, заботился, смешил, находился рядом и закрывал глаза на собственные обиды. Она видела, насколько его ранил её поступок, но Малфой всё равно пришёл, успокоил её, остался здесь вчера и ничего не попросил взамен.

Ни один друг не давал ей время, чтобы прийти в себя. Никто, кроме родителей, не относился с трепетом к её питанию или не думал, замёрзла ли она. Но Малфой это делал, и оценить подобные жесты было сложно даже в контексте войны.

Чем можно заплатить за три спасения от смерти? Гермиона не знала такой валюты и не представляла, где её можно взять.

Гермиона лишь понимала: именно сейчас она чувствовала себя счастливой. Лёжа в кровати напротив Драко Малфоя, который мирно посапывал, держа руку на её талии. Этот момент стирал всё в границе суток. Не важно, что было вчера и насколько больно может стать завтра. Гермиона рядом с человеком, которому она нужна живой, здоровой и без желания умереть.

Этого было достаточно. Она наконец-то достигла того, чего ей всегда так не хватало...

Гермионе нравилось лежать и наблюдать за расслабленными мышцами, чарующим умиротворением и едва приоткрытыми губами Малфоя. Она не сразу осознала, что рука потянулась к его лицу.

Дотронувшись до светлых волос, она ощутила лёгкое покалывание и улыбнулась. Лучи солнца касались макушки Малфоя, создавая невероятное свечение, которое хотелось почувствовать ближе. Постепенно это превращалось

в потребность: быть рядом с ним.

— Грейнджер, ты самый странный маньяк, — улыбнувшись, произнёс Малфой.

Слова подобно ожогу. Гермиона быстро убрала руку и соскользнула с кровати. Отвернувшись от Малфоя, она прошла вперёд по комнате к зеркалу, делая вид, будто разглядывает саму себя. А уже через пару минут ей захотелось вновь посмотреть на Малфоя. Остановили лишь залившиеся румянцем щёки.

Он же найдёт способ пошутить, это же Малфой, его запас издёвок не имел дна.

Устав поправлять волосы, Гермиона вобрала в лёгкие побольше воздуха и бросила взгляд на Малфоя в отражении. Он уже сидел на постели и внимательно наблюдал за ней, словно ожидая комментариев по поводу вчерашнего. Это было единственным минусом произошедшего: она не собиралась объясняться.

Ей просто хотелось, чтобы он остался рядом, это была потребность. Но рассказать ему об этом было за гранью понимания и уж тем более желания.

— Так и будешь стоять там? — спросил он.

— Разве не знаешь? Девушки могут часами находиться у зеркала, — быстро произнесла Гермиона, опуская взгляд.

— Девушки, может, и да, но ты — Грейнджер, — усмехнулся он, вставая с постели.

Гермиона поежилась, отошла от зеркала и, опустив глаза, поспешила к двери. Но уже в следующую секунду запнулась за небольшой ковёр и едва не упала. Малфой, который ещё мгновение назад стоял чуть дальше камина, вовремя оказался рядом. Подхватив Гермиону, он шумно выдохнул и поставил её обратно на ноги.

Когда она посмотрела на него, то увидела лёгкую улыбку и блеск в серой радужке.

Дыхание перехватило, от его тёплых прикосновений по коже побежали мурашки, и Гермиона едва не задрожала от переполняющих эмоций. Малфой удерживал её за талию и прижимал настолько близко к своему телу, что его губы были в нескольких сантиметрах от её.

Стиралось не только время, но и весь окружающий их мир. Оставались только стоявший вплотную Малфой, чья улыбка освещала изувеченную душу, и переполняющее её чувство. Ей хотелось быть ещё ближе к нему — настолько, насколько это вообще возможно. Воспоминание о разговоре Джинни и Лаванды закрутилось в разуме, когда в голове Гермиона родился вопрос: как он целуется?

От одной лишь мысли чистый адреналин заструился по венам, рождая бабочки, о которых рассказывала Джинни. Ощущение невероятное, привязывающее, казавшееся самым прекрасным, что есть на свете, и это всё рядом с ним.

Малфой немного пригнулся, и она тут же опустила голову, смотря на летучий порошок в вазе у камина. Жар заструился по телу, чувства закружились каруселью: желание, стеснение, потребность и неловкость. Ей хватало событий, которые стоило ему объяснить, создавать ещё одно было глупостью, хоть и казалось необходимым.

— Грейнджер, — прошептал он ей в волосы. — Да, вчерашнее было неожиданно, но мне не нужна твоя речь о причинах и следствиях, слышишь?

Облегчённый выдох был слишком громким, чтобы Малфой его не заметил, и его хватка на её коже усилилась.

— Спасибо, — прошептала она.

Гермиона вновь посмотрела на него и тоже легко улыбнулась. Происходящее казалось сном. Всё, что раньше было невиданной роскошью, сейчас рисовалось перед ней реальностью.

Вдруг рядом послышался хлопок аппарации.

— Как здорово, что все уже проснулись, — порадовалась Рене. — Хозяин, мистер Нотт и мистер Забини ожидают вас в гостиной.

На лице Малфоя показалось смятение, а после он кивнул и быстрыми шагами вышел из комнаты. Проводив его взглядом, Гермиона нервно закусила губу и посмотрела на улыбающуюся Рене.

— А разве Пожиратели смерти здесь бывают? — аккуратно спросила Гермиона, недоверчиво покосившись на дверь.

— Мистер Нотт и мистер Забини друзья, — заверила её Рене. — Похищенное огневиски — самое плохое, что они могут сделать.

Гермиона свела брови к переносице. Сколько она помнила, Крэбб и Гойл были теми, кто всегда находился рядом с Малфоем. Временами поблизости показывались Паркинсон и те же Нотт и Забини, но друзьями Малфоя они никогда не выглядели.

Настолько всё поменялось в его жизни?

— Мисс Гермиона будет завтракать в столовой или...

— У себя, — оборвала её Гермиона. — Сегодня я ем у себя.

***

Вернувшись домой уже вечером, Драко сразу двинулся в сторону спальни, желая скорее закончить тяжёлый день. Сегодня было слишком много проблем с Пожирателями, неудобных смертей и бессмысленных попыток добиться встречи с Тёмным Лордом. Последнее особенно раздражало, Драко уставал придумывать легенды, почему Том Реддл не принимает своих сподвижников.

Но все трудности, неудачи, волнение и злость меркли в сравнении с сегодняшним утром. Поистине волшебные мгновения рядом с Грейнджер стоили каждой минуты дискомфорта.

Раньше Драко не мог понять чувств отца после собрания Пожирателей смерти или массового убийства в Косом переулке. Люциус всегда возвращался домой с улыбкой, хотя за пределами поместья его ждали лишь страх и образ жизни пресмыкающегося. Но теперь Драко познал всё на собственном опыте.

Когда есть к кому возвращаться, даже самый ужасный мир кажется чуточку лучше.

Мысль, что дома его ждёт Грейнджер, грела душу в тёмные минуты. И если раньше она чувствовала себя заложницей, ненавидела его и постоянно страдала, то сегодня в её глазах мелькала радость. От этого желание вернуться в поместье лишь усиливалось, потому что там его ждала девушка, для которой он был важен. Драко хотел в это верить.

Пройдя мимо гостиной, он замер, а после сделал несколько шагов назад. Улыбка непроизвольно засияла на лице, а сердце застучало настолько громко, что он услышал.

Грейнджер сидела перед накрытым столом и читала, рядом с ней стояла ваза, впервые за несколько лет наполненная цветами. Вместо запахов огневиски и смерти по комнате струились ароматы роз и недавно приготовленного ужина.

Происходящее было похоже на сон, и просыпаться не хотелось. Драко словно вернулся на пару лет назад, только не мама сидела и читала книгу, а Грейнджер, любовь к которой помогала жить, ждала, пока он вернётся.

Приблизившись к столу, Драко встретился с Грейнджер взглядом. Заметив его, она положила между страниц одну из салфеток и улыбнулась, рукой указывая на стул рядом с собой. Медленно он подошёл и опустился, всё ещё с интересом рассматривая её, словно не веря в реальность.

— Малфой, если ты будешь молчать ещё хотя бы минуту...

— Оставишь меня без сладкого? — улыбнулся он, смотря в её глаза.

Ни боли, ни страданий, а заинтересованность и несколько искр радости. Именно это он был рад в ней видеть. Драко не знал, смирилась ли Грейнджер с происходящим или просто отторгала его от себя. Но она была счастлива, и этого оказалось достаточно.

— А ещё замучаю рассказами о магловских книгах, — прищурившись, пригрозила она.

— Туше, — выставив ладони перед собой, сказал Драко. — Решила всё-таки отмечать?

Но Грейнджер в ответ лишь свела брови к переносице и непонимающе посмотрела на него. Он тихо засмеялся и покачал головой.

— Сегодня девятнадцатое сентября, Грейнджер, — добавил Драко.

Её глаза округлились.

Забыла.

Это было неудивительно. В гуще событий, которая окружала её последние полтора месяца, не вспомнить о собственном дне рождения было не так и сложно.

— Мерлин, — прошептала Грейнджер, запуская пальцы в волосы и локтями опираясь о стол. — Как я могла...

Драко тихо усмехнулся.

— Знаешь, что самое главное в дне рождения, Грейнджер? — улыбнулся он, смотря на неё. — Чтобы о нём помнили окружающие, ты — не обязательно.

Сказав это, Драко коснулся древком стола. В одно мгновение на нём оказалась её собственная палочка, которую он забрал несколько недель назад. Не веря, Грейнджер вновь посмотрела на него, а после обратно на «подарок». Глаза у неё заблестели, она аккуратно протянула к нему руку и осторожно приподняла.

Наблюдая за Грейнджер, Драко и сам словно взлетал над реальностью. Радость от чужого счастья он испытывал только рядом с ней. Это чувство было чужеродным, зачастую необъяснимым, но таким трепетным, что желание его познавать восторгом струилось по венам.

— Агуаменти, — прошептала она и направила конец палочки на вазу, доливая воду.

Грейнджер улыбалась, смотрела за действием заклинания и радовалась так, словно делала это впервые. На несколько мгновений Драко ощутил себя виноватым, потому что сам её этого и лишил. Единственное, что успокаивало, — он считал отсутствие палочки необходимым в их ситуации. Так получалось оправдываться перед самим собой. *Хотя бы ненадолго.*

— Это значит, что я свободна? — спросила она, смотря в его глаза.

— Ты информатор, а не пленница, Грейнджер, — произнёс Драко, делая глоток из бокала с вином. — Теперь более спокойный, чтобы я мог доверять тебе.

— Ты мне доверяешь? — удивлённо спросила она. — Несмотря на...

— На то, что ты обманом залезла в мою голову? — напомнил Драко, стиснув зубы. — Да, Грейнджер, считай, что заразила меня великодушием.

— Стоит рассчитывать, что ты расскажешь мне все свои планы? — она прищурилась.

— Не настолько заразила, — хмыкнул он, отпивая вино.

Грейнджер звонко рассмеялась, а после взяла со стола свой бокал, делая

несколько жадных глотков. Поначалу Драко удивился, но лишь после заметил, что она пила тыквенный сок...

Грейнджер себе не изменяла.

— А могу я в день рождения рассчитывать на другой ответ? — осторожно поинтересовалась она, убирая палочку.

— Попробуй, — наблюдая за её ужимками, сказал Драко.

Он предполагал, что именно она спросит в свете последних событий. Но Драко хотелось, чтобы свой вопрос Грейнджер озвучила. Было в её формулировках нечто особенное — такое, что вызывало желание рассказать ей каждую задумку, мысль и тайну. Если бы не натренированная способность скрывать очевидное, он бы сдался ещё в первый день.

— Рене сказала, что Забини и Нотт здесь частые гости, — начала Грейнджер, складывая салфетку. — Почему они? Я всегда считала, что Крэбб и Гойл твоё ближнее окружение.

— Нет, — хмыкнул Драко. — Две пары рук, не задающие лишних вопросов, — да, но мы никогда не были друзьями.

Грейнджер кивнула, явно не удовлетворённая его ответом, и взглянула на цветы.

— Блейз, Тео, Пэнси — это те люди, которые никогда не будут слепо следовать моим приказам. В этом их плюс, они умеют работать головой, а не инстинктами, — добавил Драко, привлекая её внимание. — Крэбб и Гойл — это две пешки, способные предать тебя под страхом смерти.

— Они это сделали? Предали тебя? — осторожно спросила Грейнджер.

— А ты думаешь, как Тёмный Лорд принял решение убить моих родителей?

Июнь, 1997 год, Малфой-мэнор.

Перед глазами Драко проносились все лучшие и тёплые моменты жизни: его дни рождения, совместные вечера, званые ужины, многочисленные праздники, искренняя улыбка матери, безграничная гордость отца. Каждое воспоминание грело душу, прежде чем разорвать её в клочья. Понимание, что подобное больше никогда не повторится, тяжёлым осознанием опускалось на плечи.

Нарцисса и Люциус пытались верить в счастливый конец. Каждый день повторяли, что смогут выжить, выберутся из гнетущего настоящего любой ценой и всё наладится. А теперь их нет, они погибли, защищая его и друг друга. Разве так всё должно закончиться? Его родители хотели новую жизнь, а в итоге умерли на полу собственной гостиной.

Это удручало.

Драко склонился над их телами, чувствуя, как слёзы подступают, а горло сковывает тяжёлая рука реальности. Она душит, забирая последние причины бороться. Он не смог убить Дамблдора, стать «правильным» Пожирателем

смерти и уберечь свою семью.

Драко потерял всё, что любил, во что верил и кто был ему дорог. Ради чего продолжать существование?

— Со временем ты поймёшь, что так проще, — голос Тёмного Лорда витал вокруг него, будто окутывая ненавистью.

Она просыпалась. Усиливалась с каждой секундой.

Драко бросил взгляд на палочку матери, которую та сжимала в руках. Мысль пришла к нему мгновенно. Он понимал: этого недостаточно, чтобы убить Реддла, но Драко хотел собственной смерти. Лучше умереть за попытку отомстить, чем за человека, забравшего его семью.

И не только её — Лорд отобрал у Драко гораздо больше. Шанс на другие взгляды, возможность быть с любимой, друзей, которые сейчас скрывались, чтобы не получить метку. Реддл отнял у Драко всё, что могло сделать его счастливым, и в конце оставил гнить в одиночестве.

Реддл должен получить хотя бы малейший дискомфорт за это.

Схватив палочку, Драко встал и развернулся, направляя её на Тёмного Лорда. А тот... *улыбался*. Будто бы не было угрозы его жизни, а это древко не больше, чем лёгкое покалывание в теле.

— Вот таким ты должен быть, Драко, — говорил Реддл. — Решительным, озлобленным и без грамма сочувствия. Тебе должно быть не к чему возвращаться, чтобы стать достойным последователем для меня.

— Авада Кедавра! — закричал Драко, направляя на него палочку.

Но Тёмный Лорд в мгновение отразил проклятие, улыбаясь.

— Тебе не нужна моя смерть, — ответил Реддл. — Ты же хочешь наказать тех, кто в этом виновен?

Его взгляд упал на мёртвых Нарциссу и Люциуса. Драко сжал челюсти, ощущая поток ненависти, струящийся по венам. В них уже не было чистой крови, лишь концентрированная злость и желание отомстить.

— Я бы сам ни за что не понял, в чём твоя слабость, — с этими словами Тёмный Лорд направил палочку в один из углов комнаты.

Проследив за заклинанием, Драко встретился взглядом с обездвиженными Крэббом и Гойлом. На их лицах отражалась паника, а в глазах стояли слёзы — не боли, как у него, а чистого страха.

— Твои друзья с радостью ответили на мой вопрос. Однако, знаешь, что я ненавижу сильнее слабости? Предательство, — говорил Реддл, заставляя Крэбба и Гойла подходить ближе. — Если они пошли против тебя, что им помешает отвернуться от меня?

Как только оба оказались практически рядом с ним, их лица отмерли, и на

Драко посыпались извинения, обещания, мольбы. Но он не вдавался в слова, ему было безразлично любое оправдание.

Сознание прояснялось от слепой ненависти, и Драко начинал понимать определённые вещи.

Тёмного Лорда сейчас не уничтожить, он слишком силён. Все живыми из этой комнаты не выйдут, либо Том убьёт их всех, либо Драко убьёт Крэбба и Гойла. Разница лишь в том, что последние виновны в своей участи. И пусть лучше они умрут от палочки Драко, чем сгниют в темнице.

Как бы его ни радовала подобная перспектива...

— Драко, прошу, ты же знаешь меня столько лет...

— Мы же друзья...

— Я не хотел...

— Нас заставили...

В ответ Драко лишь отбросил от себя древко матери, чем вызвал на лицах некогда товарищей радость, но в ту же минуту произнёс:

— Ацио палочка, — холодно, безразлично.

Собственное орудие оказалось в руке, и, уже направив его в одного из сокурсников, Драко сказал необходимое:

— Авада Кедавра.

Ни жалости, ни сочувствия, ни боли. Лишь яростное желание убивать.

Неизвестно, был ли Реддл поглощён своей гениальностью или упивался четырьмя смертями меньше чем за час. Но он не заметил ненависти и злости, огнём горевших в глазах Драко тем вечером.

Сентябрь, 1999 год, Малфой-мэнор.

— Эти две смерти единственные, о которых я не жалею, — продолжал Драко, делая последний глоток вина. — Считаю, что лишь отмщение может спасти от бесконечной агонии.

Грейнджер не отвечала, она лишь смотрела перед собой, словно осознавая рассказанное. На удивление Драко, при этом в её глазах не отражалось ни страха, ни злости, скорее принятие. Возможно, сейчас он в обход собственного плана подвёл Грейнджер к решительности, в которой она нуждалась. *Как он думал, нуждалась.*

— Спасибо, — произнесла она, отмерев. — Не только за ответ, но и за палочку и за...

Грейнджер сделала паузу, пытаясь подобрать нужные слова, но единственное, что она смогла проговорить:

— За всё.

Драко улыбнулся и кивнул ей. Через мгновение его взгляд вновь зацепился за цветы, происхождение которых для него было тайной, потому что выйти из дома Грейнджер не могла. Заметив это, она ответила:

— Рене рассказала, что у вас есть сад. Я попросила её собрать их там, — она говорила медленно, учтиво. — Могу забрать к себе, если...

— Мне нравится, — перебил её он. — И да, Грейнджер, ты можешь выходить на улицу, но, пожалуйста, не за ворота...

Она понимающе кивнула, но нотки грусти в карих глазах промелькнули, и Драко ощутил важным добавить:

— Однажды тебя поймали в лесу и привели сюда, — произнёс он. — Я не хочу, чтобы эта история повторилась, а уж тем более закончилась смертью.

Ему нравилось дарить ей заботу.

Потребовалось несколько лет, с десятков смертей, месяцы слезки, и она наконец-то здесь по своей воле, доверяла ему и соглашалась. Теперь Драко с уверенностью мог сказать, что всё произошедшее, настоящее и будущее стоили этого.

Когда Грейнджер встала из-за стола, он поднялся вместе с ней. Драко собирался сразу же уйти, но она подошла к нему — намного ближе, чем обычно, — всё ещё сжимая древко в руках.

— Драко, — тихо произнесла Грейнджер, заставляя его возноситься над собственным сознанием.

Его имя её голосом было слишком прекрасно, чтобы привыкнуть.

— Слушаю, — ответил он, всматриваясь в мягкие черты лица и глаза с лёгким оттенком манящей тьмы.

Но она ничего не сказала, лишь едва уловимо коснулась тыльной стороной ладони его щеки. Медленные поглаживающие движения обжигали, заставляя тяжело дышать. Убрав руку, она быстрыми шагами направилась к выходу.

— Грейнджер, — окликнул её он, заставив обернуться. — С днём рождения.

Она не ответила, но её улыбка стоила самой длинной благодарственной речи. И безграничное счастье заиграло в его груди.

***

Когда Гермиона зашла в свою комнату, то медленно опустилась на кровать, прикрывая лицо руками и откидываясь назад. Тело било приятной дрожью, а сердце бешено колотилось, посылая по венам адреналин.

Желанный, нужный, необходимый.

После сегодняшнего Гермиона находила всё больше параллелей между собой и Малфоем. От потери семьи до предательства некогда друзей, но поражало её другое. Не факт, что она испытывала к Малфою больше, чем могла понять, а то, что его поступок по отношению к Крэббу и Гойлу вызвал в ней слишком много воодушевления.

Будто бы отмщение — это то, что постепенно оседало в её разуме...

Примечание к части

С новым годом, дорогие) Хоть Драко и Гермиона празднуют не Рождество, глава не становится менее праздничной ♥ Оставляйте отзывы и впечатления от этой главы) дальше нас ждёт гораздо интереснее

Глава 8 «Домовики – это о преданности»

Драко считал, что ненавидящая его Грейнджер — это доставляющая неудобства и требующая решения проблема. Поэтому его целью стало её устранение, а этого он добился достаточно быстро. За считанные недели гнев Грейнджер сменился на милость, а в блеске глаз и изумительной улыбке Драко увидел нечто большее, чем благодарность.

Казалось, вот оно: всё решено, его руки развязаны, Драко мог рассказать ей весь свой план и наконец раскрыть правду. Но происходящее обернулось против него.

Вместе с налаживающимися отношениями выросли личные границы, которые Драко приходилось соблюдать.

Пока Грейнджер считала себя пленницей без воли, прав и свободы, не нужно было стучать в комнату, прежде чем войти, сдерживаться в словах и подбирать реплики для начала разговора. А теперь вести игру было важно именно по этим правилам, чтобы не предать и без того хрупкое доверие.

Осознав это, Драко понял: *существовало три стадии близости.*

Гневная, где можно позволить себе всё, что угодно. Потому что строили образ равнодушного человека без привязанности.

Дружеская, в которой нужно следить за каждой репликой, предложением и жестом, чтобы не сделать шаг назад.

Любовная, самая необузданная и поэтому желанная. В ней не подбирали слов, не репетировали вопросы и не боялись их задавать. Потому что отношения между людьми — это концентрированная взаимность вкупе с доверием. На этой стадии делали то, что чувствовали, и знали, что не способны поступить *неправильно.*

Драко обожал первую и последнюю стадии, потому что в них был с ней настоящим. Да, с двух крайностей души, тёмной и светлой, но реальным, каким бы и хотел остаться навсегда. А вторую он ненавидел всем сердцем, она связывала руки, душила вопросом «А как Грейнджер это воспримет?».

Сейчас Драко стоял у двери её комнаты, держал книгу, которую Грейнджер попросила найти, и не осмеливался постучать. Впервые чужое благополучие волновало его настолько, что свобода покинула даже в собственном доме. Но ради неё Драко терпел и это. Ждал, что однажды спокойно зайдёт к ней в спальню не потому, что ему всё равно на её чувства, а потому, что это будут общие покои. И там, несмотря ни на что, она будет ждать *его.*

Его Грейнджер.

Вобрав в лёгкие побольше воздуха, он постучал. Несколько секунд была тишина, а после послышалось громкое «входи». Звук доносился не совсем из-за двери, скорее над ней, отчего Драко свёл брови к переносице и быстро вошёл внутрь.

Грейнджер стояла на небольшой лестнице, ведущей к верхней полке шкафа, и внимательно раскладывала книги, постоянно разглядывая их, прежде чем поставить.

— Волшебники для таких вещей используют палочки, — хмыкнул Малфой, кладя фолиант на прикроватную тумбочку. — А ещё просят домовых эльфов. Или боишься, что Рене не оценит твоих литературных предпочтений?

Плечом он оперся на сам шкаф, снизу наблюдая за ней.

— Знаешь, Малфой, — начала Грейнджер, опуская голову, — считай, что мне нравится смотреть на тебя сверху.

Двусмысленность фразы она поняла после того, как её произнесла и заметила на его лице хитрую улыбку.

— Нет! — сразу же воскликнула Грейнджер. — Ты не будешь об этом шутить.

На этих словах она топнула ногой, отчего ступенька сломалась пополам. Послышался звонкий хруст, и Грейнджер наклонилась назад, падая вниз. До пола оставалось несколько сантиметров, когда Драко пригнулся, выставил перед собой руки, и она рухнула прямо в них, хватаясь за его плечи. Настолько крепко, что он не сразу осознал случившееся, а лишь спустя пару секунд ощутил колющий страх, осевший в сердце. Оно быстро колотилось, приводя его в чувства и заставляя взглянуть на Грейнджер.

Её глаза были закрыты, она тяжело дышала и слегка дрожала, будто всё ещё падала.

Беспомощность, волнение и сила, с которой она стискивала его кожу сквозь ткань чёрной водолазки, пускали по телу Драко жар. Будоражащий, поглощающий и желанный. Она в его руках, вновь на пороге смерти или ранения, а он её спасает, *опять*.

Драко это нравилось. Грейнджер чувствовала себя в безопасности рядом с ним, доверяла и оставалась в его объятиях вопреки собственному характеру. Раньше она бы сразу его оттолкнула...

Когда Грейнджер открыла глаза, то взглянула на него и благодарно кивнула.

— Мне стоило заняться книгами, когда ты придёшь, — осматривая шкаф, произнесла она.

— Если хочешь оказаться в моих объятиях, достаточно попросить, — прищурившись, ответил Драко. — Не для всего нужно рисковать конечностями.

— Считаешь, я бы пошла на это ради твоих прикосновений? — выгнув бровь, спросила Грейнджер.

— Считаю.

Он сказал это тише, практически переходя на шёпот. Драко надеялся, что его дыхание сейчас обжигает её так же, как пожар в его сердце, разгорающийся из-за неё.

— И почему же? — высокомерно спросила она, склонив голову набок.

— Ты держишься за меня так, словно до сих пор летишь, — кивнув на её пальцы, ответил Драко.

Осознав это, Грейнджер убрала руки, и он опустил её на ноги. Она ничего ему не сказала, лишь скорее прошла к тумбе, беря книгу. Несколько секунд она внимательно разглядывала фолиант, а после открыла. Воодушевление в её глазах разгоралось с каждой секундой, отчего Драко улыбался, потому что это было из-за него. *Он сделал её счастливой.*

Развернувшись, Грейнджер поспешила к лестнице, но сразу была остановлена его рукой и укоризненным взглядом.

— Почему ты не попросила Рене? — сведя брови к переносице, спросил Драко, забирая книгу.

Взмахом палочки он отправил фолиант вверх, где тот встал среди остальных магических произведений. А после посмотрел на Грейнджер, та обняла себя за плечи и громко выдохнула, будто откладывала этот разговор.

— Рене не справляется, — ответила она. — Заниматься всем домом, выполнять твои задания, готовить, а тут ещё и я. Ей тяжело, я это вижу, хоть она и не говорит.

— Рене единственный эльф, которому можно доверять, — аргументировал Драко.

— Да, я знаю, — кивнула Грейнджер. — Поэтому просто стараюсь делать сама всё, что могу.

С этими словами она опустилась на кровать и обвела взглядом комнату. Некоторые её вещи всё ещё безучастно лежали на полу, потому что Гермiona не успела убрать их. Проследив за этим, Драко поджал губы, задумываясь над подходящим решением, которое бы устроило не только его, но и Грейнджер.

Последнее всегда давалось с трудом.

Первая мысль была о ещё одном домовике. Но Драко понимал, что найти его для Грейнджер настолько же сложно, насколько провести в школу Пожирателей смерти. Однажды он уже справился с тяжёлым планом при условии, что цель была далеко не благородная. Теперь же ситуация иная: задача добрая, но почти неосуществимая. Найти для Грейнджер нужно было не просто эльфа, а друга.

Такого, каким когда-то оказался Добби для Гарри Поттера, Кикимер для Регулуса Блэка или Рене — для самого Драко. Не существо, которое служило, потому что обязано, а тот, кто предан и верен, потому что верил в своего господина и готов ради него на всё.

Но Грейнджер откажется, будет противиться. В её понимании домовики всегда выглядели как забитые животные, которых обязали класть жизнь на благо волшебников. Да и Люциус не был ценителем эльфов, отчего Добби никогда не производил впечатления довольного службой. Поэтому, откуда у неё

сложилось подобное мнение, представить было несложно, а вот насколько тяжело будет его изменить...

Ему для этого потребовались Рене и долгое время.

Потому что только после пыток, убийств, смерти родителей и потери близких Драко понял: *домовики — это не о рабстве, а о преданности, которой лишены люди.* И Грейнджер требовалось это осознать. Не просто увидеть издали его и Рене, но и прочувствовать, что это, когда для создания ты важнее собственной жизни.

И если признание Драко сейчас стало бы дикостью, то эльф явился спасением.

— Грейнджер, я сейчас предложу тебе решение, — начал Драко, ловя её обеспокоенный взгляд, — но обещай не кричать, не проклинать и не кидаться на меня с кулаками.

Она прищурилась, явно не доверяя его будущей идее, но всё же неуверенно кивнула.

— Тебе нужна своя Рене, эльф, который не будет заниматься всем домом, а...

— Нет, — воскликнула она, подпрыгивая на ноги и подходя к нему. — Я не рабовладелец.

— А Рене похожа на раба?

— Добби был похож, — отчеканила она ему в лицо настолько чётко и злобно, что от былых неуверенности, страха и доверия не осталось и следа.

Связь сломалась, так и не успев дать корни. Она вновь злилась на него, а он... Что делать ему? Сорваться? Нет, ради неё Драко должен хотя бы попытаться стать терпимее.

— Добби годами служил Малфоям, передаваясь из поколения в поколение, как этот перстень, — приподняв ладонь, произнёс Драко, замечая, как она следит за серебряным украшением. — Да и Люциус никогда не относился к домовикам трепетно, Рене — это другое, она появилась здесь ради меня.

Гермиона свела брови к переносице, явно не готовая к такому ответу. Её замешательство лишь развязало ему руки, подстёгивая продолжить:

— Во времена Тёмного Лорда на рынках стали продавать домовых эльфов. Они оставались от тех, кто не принял его сторону, — пояснил Драко, замечая, как её глаза наполняются гневом. — На одном из таких купили Рене. Не знаю, почему она, Нарцисса говорила, что это было наваждение.

Грейнджер смотрела на него несколько секунд, пытаясь уловить нить, которой он вёл её к своему предложению. И когда в её глазах загорелся интерес, Драко легко улыбнулся, понимая, что решение совсем близко.

— Хочешь сказать, сейчас существует рынок, где торгуют домовиками? Слово товаром? — гнев в её голосе отдавал привкусом яда, который Драко

пришлось проглотить.

— Да, Грейнджер. Тёмный Лорд, как знаешь, не особо ценит жизнь, — в такт ей ответил он.

Улыбка с лица Драко пропала, мышцы напряглись, зубы были стиснуты, ни грамма радости или воодушевления. Она поёжилась, заметив это, и опустила голову. Теперь и ей становилось некомфортно в этом разговоре.

— Я могу достать Обратное и отправить тебя туда с Блейзом и Тео, сам не смогу пойти, по личным причинам, — более мягко ответил он, напряжение на его лице постепенно разглаживалось. — Выберешь того, кого считаешь нужным сама.

Она поджала губы, внимательно смотря на него, словно ища подвох. Нотки недоверия больно кололи сердце, усиливая желание забрать слова обратно, но он лишь стоял, ожидая ответа.

— Я согласна, — кивнула Грейнджер.

— Но ты знаешь, что...

— Не сбегу, — уголок её губ на мгновение дёрнулся вверх. — Обещаю, Малфой, я вернусь сюда, тебе не о чем беспокоиться.

Ему хотелось верить ей — настолько сильно, что он это сделал. Несколько месяцев вынашивать план по её поимке, потом неделями убеждать не ненавидеть, чтобы так просто отпустить. Драко не знал, ошибка это или шаг к взаимному доверию, но сделал.

Худшее решение для стратега, но очевидное для влюблённого.

***

Однажды Гермиона пыталась отсюда сбежать. Насколько яростно, что обманом избавилась от Рене, дождалась, пока Малфой уйдёт, а после проникла в его кабинет, чтобы воспользоваться камином. Огромное количество телодвижений и сил, чтобы выбраться, а теперь ей давали шанс уйти, но она не собиралась это делать.

Нечто родственное, но одновременно чужое внутри неё хотело остаться и пророчило лучшее будущее именно в стенах когда-то ненавистного мэнора. Было ли это ошибкой? Скорее всего.

Но её это больше не заботило. Она всю жизнь делала правильные вещи, соглашалась на тяжёлые поступки, выполняла указания, приносящие ей боль, и не считала их ошибками. Так почему сейчас, когда она окружена заботой, в её руках сосредоточены знания, раньше только сновившиеся, и рядом человек, которому не всё равно на неё, это должно быть оплошностью?

Гермионе не нравились свои прошлые мысли, но настоящие приносили удовлетворение на уровне сознания, убеждая в правильности происходящего. Она наконец думала о себе, своей жизни, благосостоянии, а не растрчивалась

на безразличие, казалось бы, близких людей.

Как много вечеров ушло на слёзы? В какой валюте оценивались прогулки по коридорам в одиночестве? Насколько больно от осознания, что люди, ради которых она была готова на всё, никогда бы не ответили ей тем же?

Не важно, кем её видит Малфой: пленницей, информатором или просто ведьмой, которая может быть ему полезна. Он считался с ней и её чувствами, он заботился, спасал, поддерживал и всегда, когда ей нужен, находился рядом. За несколько недель Малфой стал Гермионе ближе, чем названные друзья за много лет, и из благодарности это превращалось в потребность.

Гермиона хотела, чтобы он был с ней, улыбался, шутил, прикасался. Ей нравились его мимика, жесты, кожа, руки, шея. Гермиона находила всё в Малфое желанным и необходимым, от его тела до разума, и это постепенно сводило с ума от странной мысли.

Испытывал ли он к ней то же самое? Возможно, всё, что он придумал, обусловлено не стратегическими решениями названного злодея, а чувством более приятным и громким? Гермионе хотелось верить, потому что, если Малфой, прикасаясь к ней, ощущал обжигающий жар и вибрацию всего тела, это взаимно.

И сегодня Гермиона укрепит эту связь, она хотела, чтобы он доверял ей так же, как она ему...

Взяв в руки склянку, Гермиона залпом опустошила её, скривившись от вкуса. Жадно вдохнув, она схватила со стула плащ и скорее поспешила на выход. Времени было мало, действовать нужно быстро, поэтому уже по дороге она накинула одежду. И когда взглянула в зеркало у самого входа в спальню Малфоя, узнала в себе Пэнси Паркинсон.

Войдя в комнату, Гермиона сразу увидела удивлённые лица Забини и Нотта, который едва ли не лежал на полу от смеха.

— Надеюсь, этот плащ из последней коллекции мадам Малкин, — говорит Нотт, указывая на Гермиону. — Иначе Пэнс убьёт тебя быстрее, чем мы успеем сказать слово «квиддич».

Возможно, Гермионе показалось, но Малфой, которого Нотт и предупреждал, едва сдерживался, чтобы не засмеяться. Лишь Забини оставался возмущённым, то закрывая, то открывая рот в попытке высказать всё, что думает об этой ситуации.

Гермиона и сама невольно улыбнулась.

— Блейз, ищи плюсы, — добавил Нотт, подходя к Забини и кладя локоть ему на плечо. — Сам жаловался, что редко видитеесь, а тут лишний час.

— Заколдуй тебя Салазар, — сквозь зубы произнёс Забини, а после перевёл взгляд на Малфоя. — Это не смешно.

— Протестую! Мне очень весело, — ответил Нотт и подошёл ближе к Гермионе. — Мадам, позвольте проводить вас.

Он взял её за запястье и пригнулся, оставляя поцелуй на тыльной стороне ладони.

— Не флиртуй с ней, — в два голоса потребовали Забини и Малфой.

Но Нотта это не остановило, он лишь выпрямился и взял Гермиону под руку, шагая с ней в сторону камина.

— Вы прямо-таки нарасхват, — сказал он Гермионе. — Но, пожалуйста, мы вас украдём. Ненадолго.

С этими словами Нотт бросил Летучий порошок, и они тотчас оказались в одном из заброшенных магазинов Косого переулка. Гермиона поспешила выйти и тут же взглянула в зеркало, поправляя одежду и нервно озираясь по сторонам. Мысленно она напомнила себе, где лежит палочка, отчего стало легче.

Обернувшись, она заметила выходящего из камина Забини, который всё ещё косо на неё поглядывал.

— Я убью его, — уже спокойнее произнёс он, покачав головой. — Слушай, эта внешность принадлежит очень дорогой моему сердцу девушке, я прошу тебя....

— Знаю, Забини, — кивнула Гермиона, хитро улыбаясь. — Не переживай, честь Паркинсон не пострадает.

Глаза Нотта и Забини округлились, и они несколько раз переглянулись между собой. Происходящее напомнило Гермионе школьные времена, когда эти двое всегда ходили друг за другом. Спокойный Забини со своим колким юмором и неугомонный Нотт, смех которого обычно слышался за версту, а харизма завоевала не одну девушку.

Гермиона хорошо помнила свой шок, когда узнала, что они приняли метки. Двое слизеринцев, с которыми, возможно, и были недомолвки, но они всегда казались настолько отстранёнными от истории с чистотой крови, что такого она от них не ожидала.

Качнув головой, она отогнала от себя мысли и шагнула к двери.

— Показывайте, где у вас тут очаг работорговли, — осмотрев улицу, произнесла Гермиона.

***

Косой переулок никогда не выглядел для неё настолько удручающе, как сегодня. Раньше здесь было огромное количество волшебников: они улыбались, веселились, устраивали всевозможные танцы и кричали изо всех углов о своих продуктах. Тут бушевали яркие цвета, громкая музыка, задорный смех и безобидные заклинания.

А сегодня, войдя сюда, она ощутила холод. И дело было вовсе не в погоде.

Длинная аллея, где в детстве она вышагивала с родителями, больше

походила на заброшенный переулок с остатками населения. Вынужденном гулять днём, чтобы не умереть в собственной кровати.

Продавцы, торгующие на улицах, стояли около прилавков с каменными лицами, рассчитывая покупателей едва ли не с криками о помощи. Большинство магазинов было закрыто, их двери заколотили, а свет горел лишь в нескольких предприятиях.

От былого добра не осталось и следа. Всё покрыли оглушающая тьма с оттенком страха и смирения, затравленные взгляды, стоны боли и мольбы о прощении. Слишком давно Гермиона не была в месте, однажды заставившем её поверить в магию. И за это время оно превратилось в пустое серое ничто, несущее сожаление.

Нотт слегка толкнул её вперёд, заставив ускориться, и шепнул:

— Не смотри на всё так, будто видишь впервые, это вызовет вопросы.

Гермиона поджала губы, сдерживая подступающие слёзы, а после коротко кивнула.

Вскоре они дошли до одной из новопостроенных частей Косого переулка, которая и была им нужна.

Войдя туда, Гермиона засомневалась в собственном рассудке. Если несколько метров назад бывшее прибежище магии казалось ей ужасом, то сейчас перед ней рисовался сущий кошмар.

По обе стороны от главной дороги на столах, подобно куклам, смиренно стояли домовые эльфы, одетые в грязные куски ткани. На руках, ногах и шеех виднелись старые, местами ржавые оковы, соединяющиеся между собой тяжёлой цепью. Поэтому все они были с опущенными конечностями, настолько нелегки пути и до такой степени униженными они себя чувствовали.

Когда-то в Добби Гермиона увидела ужасное отношение, но теперь перед ней рисовалось надругательство над волей и судьбой живого существа. Сначала многовековое рабство, потом рынок, где тебя продают на прилавке, подобно использованному товару. И при всём ты должен смиренно стоять и слушаться, надеясь, что тебя заберут в место, едва не хуже этого.

Невольничий рынок. Чудовищное решение сущего монстра.

Вдруг её слуха коснулся крик. Надрывный, требовательный и резкий. Подняв голову, Гермиона заметила на одном из прилавков домовика, шумящего цепями.

— Прекрати! — закричал мужчина позади него и ударил его большой деревянной палкой по спине. — Прекрати, кому сказано!

— Обещали покормить час назад! А мы так и стоим! — воскликнул эльф и развернулся, поднимая руки и резко разворачиваясь, да так, чтобы ударить неизвестного.

Замерев в нескольких метрах от них, Гермиона с изумлением наблюдала за этим. Её поражало, с какими злостью и силой эльф сражался за себя.

Торговец, по шее которого всё-таки ударила цепь, покраснел и схватился за стоящую позади кочергу, замахиваясь над домовиком. Тот в ответ вновь поднял руки, и оковы заплелись вокруг металла. Ухмыльнувшись, эльф дёрнул мужчину на себя, отчего тот упал и выкатился прямо на главную дорогу.

Смотря на это, все домовики продолжали молча стоять и глядеть в пустоту перед собой. Этим борющийся эльф отличался. Он улыбался, довольный, счастливый, будто совершил нечто важное, и смотрел на торговца сверху вниз, готовый дальше нарушать режим.

«А ты, Грейнджер, боролась. Всегда. Везде. За то, во что веришь».

Поднявшись на ноги, торговец поспешил вперёд, вновь замахиваясь для удара, когда Гермiona окликнула его.

— Не портите товар, — стараясь звучать как можно увереннее, произнесла она, подходя ближе. — Я его покупаю.

Эльф с торговцем переглянулись, словно не веря сказанному.

— Мисс, — поджал губы мужчина, — он же никчёмный, ни на что не годится, возьмите кого-нибудь спокойнее, они податливые, будут...

— Я хочу именно этого, — требовательно произнесла она, слыша приближающихся Забини и Нотта. — Или ты отказываешь мне?

— Нет-нет, что вы, — задрожал продавец и тут же снял эльфа с прилавка, подталкивая к Гермione. — Тридцать галлеонов.

Забини выудил из-под плаща мешочек с деньгами и передал в руки торговцу, отчего тот глупо заулыбался и поспешил скорее пересчитать монеты. Гермiona развернулась и взглянула на часы, видневшиеся на запястье Нотта.

Времени оставалось мало...

***

Когда они вернулись в спальню Малфоя, он сидел в своём кресле и уже с интересом рассматривал домовика. Тот же даже не повернул голову к хозяину, а лишь с отвращением оглядел комнату. Это не ушло от внимания Малфоя, поэтому он выгнул бровь.

— А места попроще не нашлось? — хмыкнул домовик, подняв глаза на Гермionу.

Шок отразился на лице всех присутствующих в то же мгновение, когда часы пробили полдень. *Действие зелья закончилось.* Взгляды Нотта и Забини обратились к Гермione, и уже через несколько секунд оба узнали, с кем ходили по Косому переулку. Неизвестно, что удивляло их больше: мёртвая Гермiona, стоявшая перед ними, или факт, что скрывалась она у своего злейшего врага.

Гермiona улыбнулась и опустила, разворачивая домовика к себе. Палочкой

она коснулась его кандалов, отчего те звучно рухнули на пол, а он тут же потёр запястья, блаженно выдыхая.

— Только не называй его как какого-нибудь гриффиндорца, — предупредил Малфой, осматривая эльфа.

— Имя уже есть, — недовольно произнёс тот. — Энди.

— Домовик с именем? — удивился Нотт, сведя брови к переносице.

— Кучерявый с мозгами? — хмыкнул в ответ Энди. — Хотя навряд ли.

Нотт от шока подавился воздухом, а Забини отвернулся, чтобы скрыть улыбку и смех.

— Под свой характер выбирала? — прищурился Малфой, смотря на Гермиону.

— Когда мы пришли, он, — Забини кивнул на Энди, — устроил бунт, цепями ударил торговца, а после вовсе выкинул его на главную улицу от прилавка.

Энди довольно улыбнулся, словно гордился всеми своими деяниями. Гермиона же, не желая сейчас говорить с Ноттом и Забини, у которых, судя по лицам, к ней было очень много вопросов, поспешила покинуть спальню Малфоя.

Она быстро вывела эльфа и направилась в сторону главного зала, где и встретила радостную Рене.

— Мисс Гермиона, — воодушевилась та. — Господин сказал, что вы приведёте друга, который будет помогать вам.

— Да, Рене, — улыбнулась Гермиона и сделала шаг вбок. — Знакомься, это Энди.

Наблюдать за тем, как два домовых эльфа с интересом друг друга рассматривают, было для Гермионы в новинку. Но та радость, которая рисовалась на лице Рене, её успокаивала, казалось, будто ей привели старого друга, которого она не видела очень много лет.

— У нас столько дел, — развела руками Рене и подошла к Энди, беря его за запястье. — Нужно показать тебе твою комнату...

— Комната для домового эльфа? Вы серьёзно? — недовольно фыркнул Энди, смотря на Гермиону.

— Вполне, — улыбнулась Гермиона, глядя на радостную Рене.

***

— Подожди, — Блейз возвёл руки перед собой, заставляя Тео и Драко молчать. — Хочешь сказать, что Поттер продал подружку тебе в обмен на свою жизнь?

— А ты не убил её, а оставил здесь, и теперь она, зная, как драгоценный

орден с ней обошёлся, готова встать на нашу сторону? — с этими словами Тео обвёл пальцем комнату.

Драко кивнул и увидел на лицах друзей восхищение, смешанное с удивлением. Никто из них не мог и предположить, что именно Драко так долго от них скрывал и насколько далеко зашёл его план. Он и сам не думал, что всё сложится настолько хорошо, но это произошло.

— Не боишься, что золотая девочка, узнав весь твой план, первую Аваду бросит в тебя? — прищурившись, спросил Тео, делая глоток огневиски. — Наверяд ли ты выложил ей всю правду.

— Всему своё время, — спокойно ответил Драко.

Забини нервно рассмеялся, качая головой. Впрочем, Драко и не ждал, что им сразу же понравится весь план, но он знал, что они пойдут на его реализацию. Этим отличались люди, которых он мог назвать близкими. Они могли быть не согласны, возмущаться, кричать, но они помогали ему. Не потому, что боялись, а потому, что верили в него и его планы, какими бы безумными иногда они ни казались.

А подобные идеи часто посещали его «светлую» голову.

— А у вас с ней прямо-таки *деловые* отношения? — ухмыльнувшись, спросил Тео.

— Конечно, план он ей не рассказал, а в койку затащил сразу, — хмыкнул Блейз. — Это же Грейнджер, а не какая-нибудь Браун. К ней ты так просто не подступишься, поэтому она и ценна.

Тео понимающе кивнул, бросая взгляд на стол с заготовками кольца. Драко заметил это и уже ждал соответствующего вопроса, но Тео промолчал.

— Салазар, Малфой, если всё сработает, — вновь начал Блейз, — я публично признаю, что ты самый гениальный стратег.

— Готовь речь, — бросил Драко, ухмыляясь.

И хотя Драко чувствовал себя некомфортно от собственного плана, вместе с этим он считал свой поступок правильным. Не просто в отношении друзей, себя и мира, но и в отношении Грейнджер. Драко знал, что скоро её настигнет последняя стадия, которая однажды пришла к нему, она не заставила долго ждать, так случится и с Грейнджер.

Она захочет это сделать сама — уничтожить всё то, что делало ей больно. И он хотел верить, что его план либо так и останется для неё тайной, либо она примет его. Он рассчитывал на рациональность её мышления и принятие необходимых жертв ради победы. Драко верил, что после этого она останется с ним.

Было глупо потерять Грейнджер в погоне за миром, который он выстраивал в первую очередь для неё...

примечание к части

Наконец-то мир увидел малыша Энди. Берегла его для вас всем сердцем, официально это один из любимейших героев этой истории. Как мы его называем "Наш маленький душнила".

А увидеть с ним арт (выйдет днём), узнать о новых главах (теперь они будут чаще) и увидеть все спойлеры можно у меня на канале <https://t.me/friendmalfoy>

Кстати, а я говорила, что призрак будет в печатной версии?

Глава 9 «История о потерянных книгах»

Раньше самым нелюдимым эльфом Гермиона считала Кикимера. Он почти всегда был недоволен большинством волшебников, вещей или слов. А даже если причины для плохого настроения заканчивались — находил новые. Гермиона понимала: это не от счастливой жизни. Не одно создание, не важно, эльф или человек, не появлялся на свет злым. При рождении все равнодушны, чисты, подобно полотну, и именно окружающий мир раскрашивал людей. От этой палитры и зависели будущее, мнения и взгляды.

Гермиона верила: Кикимер тоже был отзывчивым, внимательным, уступчивым и наслаждался жизнью, но это оборвалось в день гибели его истинного хозяина. Смерть сломала эльфа настолько, что восстановиться он не смог.

Было ли это надуманно? Отнюдь.

Кикимер рассказывал о *молодом господине* многое, а что более важно — делал это с необычайным теплом и уважением. Регулус Блэк был для него не просто членом семьи, где полагалось служить, он являлся для Кикимера целым миром, ради которого стоило жить. Это очень походило на любовь Рене к своему хозяину: вдохновлённую, безоговорочную и всепоглощающую.

Иногда казалось, что Регулус и Малфой были для своих эльфов светом, к коему хотелось тянуться сквозь время, пространство и даже смерть.

Возможно, когда Малфоя не станет, Рене превратится в угнетённое жизнью создание. Впрочем, зная его, вряд ли такое может случиться. С талантами Малфоя к стратегии он привьёт детям, а может, и внукам, любовь к Рене. И она станет для них настолько же важной, какой останется для него. Это было бы правильным воспитанием.

Из Малфоя в принципе получится хороший отец. С его-то талантами в заботе...

Кикимеру же повезло меньше. Он достался совершенно безразличному к домовикам и заботившемуся исключительно о себе и своих целях человеку. Словно он ещё подросток, с годами не сумевший понять всю мудрость жизни. И это было странно...

Гермиона считала: когда у тебя появляются свои дети или воспитанники, ты становишься мудрее, заботливее, твои мысли уже не могут быть единоличны. Потому что, взрослея, ты обретаешь чувство ответственности и готовишься взять её за всех, кто заходит под твоё крыло.

Но с Сириусом было иначе.

Возможно, это результат заточения в Азкабана, отсутствия любви в семье и наличие её лишь от друзей, но Сириус не создавал впечатление взрослого человека. Напротив, он вёл себя словно подросток в переходном возрасте, причём в худшем своём проявлении. Порой Сириус даже напоминал Гермионе Малфоя, разве что с любовью, а не ненавистью к гриффиндорцам. Хотя и в последнем приходилось сомневаться — Гермиону Сириус даже с красно-золотым

галстуком принимал не как равную.

Для Сириуса Блэка Гермиона не являлась важным членом Ордена Феникса, она была хорошим рычагом давления на Гарри. Каким бы отличным крёстным и «своим» Сириус ни хотел быть, для Гарри он оставался родителем, не другом. Поэтому, чтобы убедить Гарри поступать «правильно», Сириус легко управлял Роном, взгляды с которым часто совпадали. И разумеется, давил на Гермиону, заставляя её транслировать на Гарри нужные выводы.

Подобные манипуляции никогда не казались ей правильным, но Сириус отлично умел убеждать...

— А волшебные и магловские сказки вы на одну полку поставили из каких соображений? — недовольно произнёс Энди, скрестив руки на груди.

Повернув голову к книжному шкафу, Гермиона усмехнулась, закатывая глаза. Энди парил над землей, перекладывая произведения в сказанном ею порядке.

— Из сказочных, Энди, — улыбнувшись, ответила она. — Думаешь, лучше иначе?

— Разумеется, — развёл руками он, поворачиваясь к ней. — Здесь нужно два шкафа, один для магловских книг, второй для волшебных. Или неограниченный бюджет у мистера Малфоя только на алкоголь?

Гермиона тихо засмеялась.

Возвращаясь к мыслям об эльфах — Энди был другим. Он не шёл ни в какое сравнение ни с одним домовиком, которого Гермиона видела раньше, и это ещё больше убеждало её в правильности выбора. Несмотря на количество пассивной агрессии и постоянные высказывания о том, что именно его не устраивает, Энди выполнял свою работу чётко и верно, а иногда даже больше, чем от него требовалось.

Гермиона попросила его расставить книги — он внёс свои коррективы в схему расстановки. Она собиралась утром в ванную комнату — там уже лежали свежий халат и новая одежда, которая, по мнению Энди, подошла бы больше. В ночи она уходила читать — вместо чая по утрам стоял свежий кофе, аромат которого её и будил.

Гермиона не знала, где Энди жил раньше, кем были его хозяева, чему они его учили и как он вёл себя там. Энди не спешил делиться своей историей даже через две недели после прибытия. Но всё равно оставался для Гермионы лучшим выбором. Она надеялась, что однажды сломает стену между ними и Энди станет для неё не домовиком, а другом.

— У мистера Малфоя есть другие дела, помимо шкафа, — отметила Гермиона. — Но я обязательно организую его.

Энди кивнул. Ему нравилось, когда Гермиона прислушивалась к его словам, потому что Малфой категорически не хотел их воспринимать. Их беседы заканчивались взаимными замечаниями и почти переходили к угрозам. Поэтому уже через два дня Энди было запрещено приближаться к комнате, где спал

Малфой.

Они явно не сходились характерами, возможно, потому что были в них схожи. Зачастую людям не нравилось в других именно то, что было в них самих.

— Знаю я его дела, — фыркнул Энди и подошёл к столику, наливая Гермионе чай. — Постоять у вашей двери минут десять, перед тем как войти. Выпить огневиски. Устроить несколько встреч с гостями невысоких нравственных принципов. И уйти по куче тёмных делишек.

— Так уж и тёмных? — прищурилась Гермиона.

— Я бы не назвал дела, на которые человек идёт в чёрном и с похоронным лицом, светлыми, — ответил Энди. — У вас вообще семья странная.

Гермиона прикрыла книгу, которую до этого читала, и отложила, внимательно смотря на Энди.

— Нет детей, — он загнул один палец. — Вы не женаты, а вы ведёте себя как гость, а не хозяйка.

— Я и не хозяйка здесь, — поправила его Гермиона.

Энди несколько минут стоял и прожигал её взглядом, словно пытаюсь уловить нотки неуспешного юмора, но, осознав, что она совершенно серьёзна, добавил:

— Тогда я вообще ничего не понимаю, — взмолился он, разводя руками. — Кто же вы тогда для мистера Малфоя, если не жена или хотя бы невеста?

Информатор. Информатор, который не предоставил ему ни грамма новостей, планов или тайных ходов.

Если возвращаться к изначальным целям, то Гермиона уже давно должна была поделиться с ним всеми знаниями, задумками и тайнами Ордена Феникса. Но ничего из вышперечисленного так и не было произнесено ею. Она не помогала реализации его плана, более того — Гермиона понятия не имела, в чём тот заключался, какую роль она в нём играла и что должна рассказать.

Доверие к Драко, его забота, чувства к нему, с которыми она уже не могла спорить, — всё это непроницаемой шторой занавешивало все логичные вопросы, которые должны были у неё возникнуть.

Или, что более вероятно, Гермиона подсознательно не хотела знать на них ответы. Это бы означало обязательства — *такие же, какие были перед Орденом, такие же, которые она исполняла, пока её не предали.*

От воспоминаний о произошедшем сердце кольнуло, и она поджала губы, закрывая глаза. Ей не хотелось это помнить, она ограждала себя от подобных мыслей настолько, насколько могла. Думала о Малфое, Энди, Нотте, Забини, книгах, да о чём угодно, только не о том, что оставалось позади её жизни. Это было нормально в первые дни предательства, после услышанных слов Гарри, но не через два месяца.

Рука боли вновь сомкнулась на горле, вокруг закружились терзающие воспоминания, и она рвано вдохнула. Слезы подступали, сознание уплывало из-под её контроля. Гермионе нужна была цель, новый объект мыслей, более понятный и осязаемый, то, за что можно ухватиться, чтобы не пропасть.

— Колдомедика? — голос Энди заставил её резко выдохнуть и открыть глаза.

— Нет, — качнула головой Гермиона. — Мне нужно к мистеру Малфоя. Где он?

— Час назад был в своём кабинете, — пожал плечами Энди.

Гермиона поднялась на ноги и направилась к дверям, желая как можно скорее оказаться там. Энди провожал её взглядом и, уже когда она покинула комнату, вышел в коридор, бросая ей вслед:

— Шкаф не так срочно нужен.

Но она уже не слышала его, лишь собственные мысли.

Первый, второй, третий повороты, и вот она перед массивной дверью с витиеватой чёрной ручкой, будто покрытой тьмой. Дёрнув ту на себя, Гермиона бесцеремонно вошла в комнату.

Такого она себе старалась не позволять. В последнее время...

Малфой сидел за своим столом, внимательно разглядывая пергамент. Вокруг него парило несколько свечей, освещающих мрачную комнату в чёрных и тёмно-серых тонах. А за спиной, на стене, был изображён семейный герб.

— Гуляешь, Грейнджер? — ухмыльнулся он, откладывая чтение и откидываясь на спинку кожаного кресла.

То неприятно скрипнуло.

— Присаживайся, — он указал на два стула напротив стола и сложил руки в замок на своём животе.

Хищный взгляд Малфоя бродил по её телу, заставляя мурашки бежать по спине, а дыхание сбиваться от напряжения. Иногда Гермионе казалось, что лучше его холодное безразличие, как несколько недель назад, чем притягательная тьма и лёгкое высокомерие, исходящие сейчас.

Медленно подойдя к нему, она опустилась на стул, сложила ногу на ногу и, откинувшись на его спинку, устремила взгляд на Малфоя.

Глаза в глаза. Его заинтересованность. Её вопросы. И от этого веяло страхом. Казалось, будто Гермиона собирается вести переговоры с великим злом, а не с человеком, успокаивающим её в ночи.

Возможно, причина беспокойства крылась в кабинете, навевающим ужас с самого порога. Но, скорее всего, её пугало, что Малфой будто бы знал, какой её следующий шаг. Даже сейчас: она неожиданно пришла в его кабинет, а он вальяжно сидел в кресле и смотрел на неё так, словно давно ждал вопроса.

Будто знал, каков он будет...

Стратег с хорошей тактикой — вот кто Малфой. Это стоило помнить, а она под гнётом заботы и собственных чувств успела забыть. Теперь опрометчивость отдавала привкусом опасения, но не настолько концентрированным, чтобы уйти. В страхе на кончике языка она ощущала не только тревогу, как перед боггартом, но и отдалённое желание не останавливаться.

Его чёртов взгляд разрушил все планы.

— Мне кажется, из-за произошедшего мы забыли о главном, — решительно произнесла она, опуская руку на подлокотник.

— Поделишься? — спросил Малфой, внимательно следя за её действиями.

— Ты привёл меня сюда, чтобы я рассказала об Ордене. Но я не услышала ни одного вопроса о них, — быстро проговорила она, неотрывно смотря на него. — Когда мы перейдём к этому?

Он смотрел на Гермиону несколько секунд, словно проникая в её разум, чтобы узнать важную и необходимую для себя информацию. Лёгкий дискомфорт и будоражащее предвкушение поглощали разум, отменяя страхи и воспоминания, ей становилось лучше, паника уходила, медленно приводя её в себя.

Опасения перед Малфоем исчезли. В его взгляде она заметила уже не хитрый план, а желание помочь. От него перестал исходить мрак с привкусом страха, а повеяло притягательной тьмой с оттенком заботы.

— Как только ты ответишь на один вопрос, Грейнджер. Очень важный, — добавил он, взглядом касаясь оголённых участков её тела. — Что ты хочешь получить от этого?

— При чём здесь я?

Малфой улыбнулся и поднялся со своего кресла, медленно обходя стол и останавливаясь за её спиной. Гермиона не видела его, но чувствовала каждое движение, ловя себя на мысли, что вокруг становится слишком жарко.

— Просить тебя лишь об информации очень глупо, Грейнджер, — покачал головой он. — Это как найти книгу мирового господства, чтобы посмотреть картинки.

— Что тогда не глупо? — хитро улыбнувшись, спросила она, ощущая собственную значимость для Малфоя.

— Для меня ты отличный союзник, — спокойно ответил он, — И сейчас, когда наши желания обоюдны, ты должна начать это понимать.

— Понимать, что всё это время ты настраивал меня против Ордена? Ты хочешь победы Лорда? — предположила она, вставая и оборачиваясь к нему.

Их разделяла спинка стула, на которую Гермиона опустила ладонь, крепко сжимая. Малфой склонил голову набок, и его рука сама потянулась к её волосам,

смахивая их с плеча, оголяя шею. Гермиона рвано вдохнула, сжав губы, глаза не могли оторваться от него в ожидании ответов.

— Мои планы гораздо масштабнее войны Ордена Феникса и Тёмного Лорда за магическую Британию, — спокойно ответил Малфой. — Вторых ты уже ненавидела, первых должна была после всего. Рано или поздно твои глаза открылись бы. Сделал ли я многое, чтобы это ускорить? Да, потому что сейчас у тебя есть шанс спастись, потом его могло не быть.

— Такой заботливый, — съязвила Гермиона. — Неужели моя способность бороться настолько поразила?

Она положила колени на сиденье и приблизилась к нему. Лица разделяла пара сантиметров.

— Не представляешь насколько, — произнёс Малфой, рассматривая её. Всего несколько секунд, прежде чем отстранился. — Но ты ещё не готова.

Он вернулся в своё кресло, с наслаждением наблюдая за обескураженной Грейнджер.

— Тебе нужно понять, чего ты хочешь на самом деле, Грейнджер, — добавил Малфой, наклоняясь над столом. — Оно на поверхности, ты чувствуешь это, я вижу. Осознай свою потребность сейчас, и тебя не будут больше мучить приступы паники, как сегодня.

Она смотрела на него. Внимательно, с небольшим подозрением и несколькими каплями восхищения. Малфой был змеем, тем, кто способен видеть сквозь стены и разум, даже когда ты считал, что смог его обмануть и утаить нечто важное. С одной стороны, это пугало, отталкивало, потому что любое твоё действие он, казалось бы, предугадывал.

«Запомни, Грейнджер. Чтобы ты ни придумала, какой бы план ни составила — я всегда буду ровно на шаг впереди тебя».

Но с другой стороны, это было всепоглощающее понимание. Человек умалчивал, когда того требовали обстоятельства, вёл себя мягко и грубо при необходимости, воспринимал с полуслова и едва ли не чувствовал тебя. Это её и завораживало, делало особенной в одной из извращённых реальностей души.

Но вот чего Гермиона не понимала — чем это заслужила. Никто в её жизни не вёл себя как он. Никогда никто не пытался дать ей мотивацию к действию, были лишь приказы, пожелания и просьбы. Окружающие не интересовались, что нужно именно ей.

В следующую секунду разума уже не было здесь, вопрос звучал от искалеченной души, собирающейся по кусочкам в жизнь:

— Неужели тебе так важно, чтобы я нашла причину предать их?

Она и сама не верила в то, что спрашивала это у него сейчас.

— Мне важно, чтобы тебе стало легче, Грейнджер, — спокойно, без иронии и ухмылки ответил он. — Я хочу, чтобы ты боролась с ними, да. Но не ради меня, а

ради себя.

Даже в своём плане, едва ли отвечающем высоким нормам морали, Малфой находил место для неё. Было это уловкой? Она верила, что нет, потому что человек, который заботился о ней, не требуя того же взамен, должен существовать...

И на удивление им оказался тот, от кого подобного она ожидала меньше всего...

Когда Гермиона вернулась в свою комнату, то ещё несколько минут отходила от слов Малфоя, пытаясь уловить те самые мысли, лежавшие на поверхности. Но её внимание привлекло другое.

Посреди комнаты, близ её постели, стоял огромный чёрный чемодан, а сверху была привязана небольшая записка. Подойдя ближе, Гермиона взяла пергамент, пробегаясь глазами по нему.

«Раз уж иногда приходится заимствовать моё лицо — подбирай к нему соответствующую одежду.»

*С мыслями о сохранённой чести,
Пэнси Паркинсон».*

Гермиона усмехнулась и повернула голову к шкафу с одеждой, уже собираясь убрать чемодан туда, но, не заметив одно из изданий на полке, замерла. В разуме закружились картины, где Энди раскладывал книги, и она точно помнила, что он клал туда нужное произведение, а сейчас его там не было.

Осмотревшись по сторонам, Гермиона не заметила следов присутствия чужого человека, но сам факт не давал ей покоя. Сегодня к ней пришло слишком много мыслей, которые заставили отпустить прошлое. Она была им благодарна...

***

И если бы ответы на вопросы Малфоя давались так же легко, как экзамены, то Гермиона уже давно узнала бы о причинах его поступков, плане и своей в нём роли. Но нет, погоня за *лежащим на поверхности* мотивом не было контрольной, скорее походила на занятия у Снейпа.

Практически недостижимо в теории, едва ли успешно на практике, да ещё и преподаватель лишь подначивает, а не помогает.

Поэтому Гермиона избрала тактику, которая больше приветствовалась у слизеринцев, чем у гриффиндорцев. Хочешь поймать змею в ловушку? Думай как она. А в идеале — проведи переговоры с её сородичами.

Так Гермиона оказалась на одном из диванов Малфой-мэнора с подносом с алкоголем позади себя. Уже порядка двух часов она сидела и ждала, пока Нотту

и Забини надоест общество Малфоя и они покинут его спальню.

Чем их привлечь, она тоже придумала быстро, даже слишком. По её просьбе Энди принёс одну из лучших бутылок огневиски около получаса назад. Он, конечно, прокомментировал, что она всё стремительнее падает в его глазах, но, расставив бокалы, быстро удалился.

И теперь ей приходилось только ждать, на удивление долго. Зачастую Малфой выводил её на эмоции ближе к часу с начала их беседы, друзья же терпели его гораздо дольше.

Впрочем, едва ли их разговоры с Малфоем её утомляли, напротив, они были слишком хороши и теплы. Поэтому рядом с ним её рациональные мысли исчезали, сменяясь грёзами о несбыточном. Это возвращало Гермиону к важному пониманию. Невозможно думать об Ордене Феникса, когда кожа зудит от жажды малфоевских прикосновений, а разум нуждается в ответах.

В отношении Малфоя было слишком много вопросов, незабываемая палитра эмоций и неудержимый крик, когда он увиливал, подводя её к самопознанию. Будь Гермиона смелее, давно бы забыла о страхе невзаимности и поцеловала бы его.

Этот шаг Малфой бы точно не предугадал.

От подобной мысли она улыбнулась, а после покачала головой. Потому что это так и останется нереализованным предложением, мужества на инициативу ей не хватит. Не сейчас.

Поэтому приходилось делать всё, что она не любила: сдерживаться, ждать и надеяться, будто всё решится очень скоро. Для человека, привыкшего к действиям, ожидание становилось пыткой.

Послышались шаги, Гермиона бросила взгляд на входную арку и тут же посмотрела обратно в книгу.

— Блейз, я сплю или ты всё-таки подлил мне ещё? — удивлённо произнёс Нотт, замирая посреди гостиной.

— Нет, друг, я тоже это вижу, — ответил Забини, вставая рядом с ним.

Нотт отрицательно покачал головой, обошёл диван и сел на противоположный от Гермионы край. Его руки легли на спинку, а сам он устремил заинтересованный взгляд на читающую Гермиону.

— От библиотеки и тыквенного сока до огневиски и Малфой-мэнора, — покачал головой Нотт. — Твои амбиции всегда меня завораживали.

Гермиона показательно улыбнулась и закрыла книгу.

— Это самая тихая комната в доме, — отметила она и бросила короткий взгляд на бутылку. — И алкоголь здесь едва не на каждой плоской поверхности.

Оба рассмеялись, переглядываясь между собой.

— Единственный плюс этого мрачного особняка, — отметил Забини, разливая огневиски. — Дама пьёт?

— Нет, спасибо, — ответила Гермиона и подобрала ноги под себя.

Забини и Нотт взяли в руки бокалы и сделали по паре глотков, смакуя дорогой алкоголь и высказываясь о хороших вкусах Малфоя. Через пару минут их разговор медленно стал уходить от хозяина дома к огневиски. Уже на этом моменте Гермиона поняла, что пора действовать, пока они не решили продолжить обсуждение подальше от неё.

— На самом деле здорово, что я вас встретила, — заметила она, вобрав в лёгкие больше воздуха. — У меня назрела пара вопросов, на которые ответить мне здесь не смогли...

— Так ты решила нас напоить и использовать? — возмутился Тео, кладя ладонь на сердце. — Какой позор. Грейнджер, я был о тебе куда лучшего мнения.

На мгновение Гермиона и правда смутилась, ощущая укол стыда за собственное деяние. Поджав губы, она отвела взгляд и уже собиралась поскорее уйти, когда услышала смех Нотта и осуждающий голос Забини.

— Расслабься, Грейнджер. У Тео своеобразное чувство юмора, — ответил Блейз. — Если это не касается грандиозных планов Малфоя, то задавай.

Нотт и Забини с ожиданием посмотрели на неё. Они явно не предполагали, что именно Гермиона хотела узнать.

Очередная неудача, обернувшаяся неудобной ситуацией, где она в проигравших. Стоило признаться им в содеянном или вторая оплошность за пять минут будет стоять гораздо больше, чем можно представить?

— Кто из вас принёс чемодан от Пэнси? — выдохнула Гермиона, вспомнив один из значительных эпизодов.

— Виновны, — произнёс Нотт, возводя руки перед собой. — Следовало вручить лично, но тебя не было, а назад с ним нас бы не пустили. Она так кричала.

— Кричала? — удивилась Гермиона.

— Да, — недовольно ответил Забини. — *«Я бы умерла в этом доме без нормальной одежды, а у неё нормальной в помине нет, представьте, как на неё смотрят портреты».*

Гермиона поджала губы, пытаясь удержать смех. Сама мысль, что Пэнси Паркинсон волновало подобное, доводила её до признания собственного безумства. Паркинсон никогда не походила на человека, которого заботила Гермиона.

— Вы не брали никакой книги с полки? — спросила она, подавив смех.

— Правда думаешь, что в женской комнате нас волнуют книги? — спросил

Нотт, допивая свою порцию алкоголя. — Ты о нас слишком хорошего мнения, Грейнджер.

Она свела брови к переносице и опустила голову, пытаясь понять, кто, если не они, мог взять фолиант.

— Если это были не мы, домовики не умеют читать, а Грейнджер не брала... — рассуждал Забини, поглядывая на Нотта.

— Малфой скрытно любит магловские книги и ворует их у Грейнджер, — завершил Нотт.

Они внимательно смотрели друг на друга, будто бы серьёзно подозревали Малфоя, а уже в следующую секунду громко рассмеялись, едва не разбив бокалы. Гермиона прищурилась, скрестив руки на груди. В отличие от них, её эта ситуация скорее пугала.

Заметив её взгляд, Нотт закатил глаза.

— Ладно тебе, Грейнджер, устрой засаду. Преступники всегда возвращаются на место преступления, — развёл руками Нотт. — Книга не вернулась?

— Вернулась, но пропала другая, — добавила Гермиона.

— Тогда вообще не понимаю, — выдохнул Забини. — Если вор в доме, то он знает, когда и куда ты ходишь. Сделай вид, что идёшь к Малфоя, а сама спрячься в соседней комнате.

— А лучше — под кроватью, — щёлкнул пальцами Нотт.

— Не делись своими привычками.

— Хам, — недовольно буркнул Нотт. — Но Блейз прав, поймай за руку.

Гермиона многозначительно кивнула. План формировался в голове сам по себе, и если сегодня ей не удастся решить ребус Малфоя, то хотя бы недельную историю о потерянных книгах она сможет закончить...

***

Не раз Гермионе приходилось сидеть в засаде, но впервые она делала это в собственной спальне. От этого страх по жилам нёсся скорее, наполняя тело железом, а сознание расплывалось в невидимой агонии. Это комната была для неё крепостью, местом, ворваться в которое мог только Малфой, а теперь сюда получил доступ посторонний. И раз уж даже Малфой, знающий каждый уголок своего дома, не заметил странностей — что оставалось ей? Как справиться с угрозой?

Был бы смысл вообще с ней бороться? «Некто» уже проникал сюда и мог вернуться в любой момент, даже когда она спит. У него была возможность убить её и не раз, но она всё ещё жива. Была ли её смерть истинной целью незнакомца? Неизвестно, потому что страдали от его рук лишь книги, появляющиеся и исчезающие ежедневно.

Посторонний читал их? Накладывал чары? Пытался завладеть её разумом сквозь строки? Если так, то он крайне глуп в выборе литературы. Пропадали только редкие издания, прочитанные Гермионой от корки до корки ещё в момент получения. Она не будет листать их заново, навряд ли...

Но чего тогда хотел добиться вор? Вопрос, терзающий слишком долго.

Вдруг Гермиона услышала хлопок аппарации. Крепко сжав палочку, она вобрала в лёгкие побольше воздуха и выкатилась из-под кровати. Поднявшись на ноги, она выставила древко перед собой и в ту же секунду удивлённо хмыкнула.

Возможно, дело было в темноте, но она могла поклясться, что видела...

— Энди? — воскликнула она.

Он мгновенно обернулся и едва не выронил книгу, удивлённо смотря на Гермиону. Казалось, впервые шок отпечатался на его лице дольше чем на минуту. Это поражало её не меньше, чем личность книжного вора.

— Госпожа, — тихо произнёс он, отправляя книгу на нужную полку и убирая руки за спину. — Добрый вечер.

Гермиона взмахнула палочкой, зажигая свечи, и медленно подошла к нему, всматриваясь в виноватое лицо молчащего Энди.

— Так это ты берёшь книги? — спросила она, опускаясь в кресло.

— С вашей стороны было опрометчиво держать подобные издания в соблазнительной близости, — буркнул он. — Только глупец не захочет прочесть их.

— До нас с тобой большинством из этих книг никто не интересовался, — улыбнулась Гермиона.

— А я и не говорю, что современные волшебники умны, — пожал плечами он. — Простите, что не спросил. Не хотел получить отказ.

Гермиона склонила голову набок и легко кивнула ему. Встав, она подошла к шкафу и выудила из него то самое издание, пропавшее последним. Волшебная сказка, очень учтиво списанная с известной «Рапунцель», называлась «Дитани» и была добыта Малфоем с великим трудом. Если Энди нельзя было обвинить в воровстве, то в хорошем вкусе вполне.

Опустившись обратно, Гермиона положила книгу на столик перед собой и кивнула Энди на место напротив. Нахмурившись, он взглянул на фолиант, после вновь на Гермиону и на кресло, словно опасаясь доверять столь непонятному жесту.

Но, вопреки сомнению, Энди сел, чувствуя себя непривычно в хозяйской мебели, и внимательно осмотрелся вокруг.

— Почему именно «Дитани»? — спросила Гермиона, с улыбкой смотря в глаза

Энди.

Несколько минут он глядел на неё, будто не понимая смысла вопроса и почему она вообще этим интересовалась. Но после длительной паузы всё-таки ответил:

— Дом, в котором я служил раньше... — начал он. — Хозяйка очень любила читать, она научила Энди.

Брови Гермионы поползли вверх, и Энди улыбнулся, заметив это.

— Когда «Дитани» попала в наш дом, госпожа обещала, что даст прочитать её Энди, когда сама ознакомится, но потом пришёл Тёмный Лорд и убил всю семью, — Энди опустил глаза, тяжело выдыхая. — Энди хотел прочитать книгу в память о хозяйке.

Домовые эльфы всегда удивляли Гермиону — иногда бесхребетностью, порой участью, реже смелостью, но всегда преданностью. У Добби она выражалась в страхе, у Кикимера в памяти, у Рене в бесконечной любви, а у Энди в скорби. Даже после смерти дорогих для себя людей он нашёл способ вспомнить о них.

Энди знал, что может случиться, если это заметят, и был готов к наказанию. Не важно, что станет с ним, главное — он отдал память дорогой для себя госпоже...

Это не просто трогало Гермиону — на задворках сознания это двигалось тенью зависти...

— Мне жаль, — произнесла она, смотря на Энди, который коротко кивнул. — Ты можешь брать любые книги, которые здесь есть, когда захочешь.

Он широко открыл глаза и искренне улыбнулся. Не так, как делал это обычно, без тени превосходства, злорадства или шутки. А легко, совершенно невинно, словно самое беззащитное создание.

— Спасибо, — тихо сказал Энди, вставая с кресла.

Он развернулся, собираясь уходить, но уже у двери замер, схватившись за ручку. Постояв так пару секунд, он вновь посмотрел на Гермиону.

— Госпожа... — Энди подошёл к ней, вновь усаживаясь на кресло. — Расскажите историю, связанную с этой книгой? Мне обещали, но...

— О том, как автор сжёг большую часть произведений? — выгнув бровь, спросила Гермиона.

— Да, именно так, — кивнул Энди. — На самом деле, многое в книге мне непонятно. Почему госпожа Готель для него плохой персонаж?

От этого вопроса и в сердце Гермионы неприятно кольнуло.

В «Рапунцель», с которой и списана «Дитани», не было столько несостыковок, сколько в волшебной вариации сказки. И что больше всего

удивляло её саму — это та самая колдунья по соседству. Если у братьев Гримм она была безоговорочным злом, то волшебный автор давал читателю почву для понимания её мотивов даже немного больше, чем следовало.

— На самом деле, — Гермиона встала с кресла и подошла к шкафу, забирая оттуда один из фолиантов и кладя его перед Энди, — эту историю первой рассказали маглы, а уже после автор переписал её на магический лад, из-за чего и сжёг книги. Маглорождённые, выросшие на оригинале, не смогли упустить из виду...

— Явное воровство! — удивился Энди, листая «Рапунцель». — Что это значит? Он похитил произведение?

Недовольство в голосе Энди звучало настолько ярко, что Гермиона даже удивилась, насколько это тронуло его сердце.

— Практически, — кивнула она. — Но он внёс изменения. Если в «Дитани» госпожу Готель понять мы можем, то в «Рапунцель» она безоговорочный злодей.

— Вот оно — волшебное общество, — недовольно развёл руками Энди. — Её обокрали, похитили бадьян, которым она хотела вылечить сына, и в итоге назвали плохой, когда она потребовала их ребёнка.

— Мне кажется, обществу в принципе нравится искать виновных в своих бедах. Не видела волшебников, которые бы признавались, что сами виноваты во всём, — пожала плечами Гермиона.

Энди закивал, продолжая высказываться о волнующей его проблеме. На глазах всегда сдержанный и моментами злорадный эльф превращался в человека. *Озабоченного проблемами мира больше, чем сам мир.*

Его голос звучал уверенно, выверенные жесты олицетворяли каждую эмоцию, а блеск в глазах подталкивал к осознанию, насколько для него это важно. Казалось, что Энди едва ли не жил этой историей те несколько часов, которые читал, и выговаривался Гермионе.

Постепенно от «Дитани» они переходили к другим сказкам, историям, произведениям. Будто бы двое, лишённые дара речи, наконец-то его обрели и делились друг с другом накипевшим. Гермиона рассказывала Энди свои взгляды на книги, он поддерживал или оспаривал её слова, говоря свои, тем самым заставляя минуты утекать.

Неизвестно, сколько они просидели, ощущение времени потерялось ещё на первом получасе. Оставались лишь взаимопонимание, поддержка и нарастающее желание поделиться, словно две заблудшие души нашли голос во тьме...

Это вдохновляло, поражало и одновременно удручало Гермиону. Энди был олицетворением того, какими она хотела видеть домовиков в будущем. Ещё когда создавала Г.А.В.Н.Э. и пыталась научить читать Кикимера. Но всё это закончилось на чёртовом Ордене Феникса и Сириусе Блэке, который заставил её прекратить и не позволил заниматься этим дальше, ведь *«Гарри ты нужна сейчас».*

Конечно, Сириуса никогда не волновало ничего, кроме драгоценного крестника. И вместо того, чтобы самому налаживать с ним «не родительские контакты», он заставлял Гермиону отказываться от важного для неё. Возможно, если бы тогда она продолжила своё движение, сейчас у неё осталось хотя бы что-то, но нет...

Август, 1995 год, площадь Гриммо, 12

— Когда мы складываем эти буквы, получаются слова, — с улыбкой сказала Гермиона, показывая Кикимеру алфавит.

Он нахмуренно разглядывал изрисованное полотно, пытаясь поближе рассмотреть каждое значение.

— И если Кикимер выучится, то сможет читать? — с недоверием спросил он, смотря на Гермиону.

— Конечно, представь, как будет прекрасно, когда новости ты сможешь узнавать не со слов кого-то, а видеть прямо в газетах, — воодушевлённо говорила она, указывая на выпуск «Ежедневного пророка».

Кикимер несколько минут недоверчиво смотрел на алфавит, но всё-таки взял его в руки и спустился на пол, уходя в дальнюю комнату. Улыбающаяся Гермиона провожала его взглядом, радуясь некому согласию на собственную авантюру. В свете всех событий это приносило ей хотя бы долю необходимого тепла.

К концу четвёртого курса она поняла важную вещь: возвращать в эльфах нужно не волю, а ум. Лишь познав, как может сложиться жизнь, они будут к ней стремиться. Поэтому она верила, что, обретя способность читать, писать, посещать нормальную работу и жить жизнью волшебника, домовики захотят свободы. Они будут бороться за неё сами, а она сможет помочь им в этом настолько, насколько сможет.

Отличный первый шаг.

— Ты ведь понимаешь, что это глупая трата времени? — слышался голос позади неё.

Повернувшись, Гермиона встретила взглядом с Сириусом. Он осуждающе рассматривал её, подперев плечом дверь и крутя между пальцами палочку. По её спине пробежал мороз, и Гермиона поджала губы, подходя к столу с разложенными слогами и выведенными буквами.

— Стремление к знаниям не может быть глупым, мистер Блэк, — на выдохе произнесла она, выравнивая стопку с пергаменами.

Взяв листы в руки, она прижала их к себе и уже хотела выйти из комнаты, когда Сириус перегородил ей дорогу, не позволяя. Гермиона вобрала в лёгкие побольше воздуха и подняла голову, чтобы попросить пропустить её, но встретила с холодом, струящимся из его глаз.

— Гермиона, давай поговорим с тобой начистоту об увлечениях? — он сделал шаг в комнату, заставляя её попятиться и опуститься на стул позади себя.

Дверь громко хлопнула, отчего Гермиона вздрогнула и подскочила на месте, крепче сжав листы пальцами. Сириус не сел, он бедром упёрся в стол и положил на него одну руку, внимательно смотря на Гермиону сверху вниз.

— Не думаю, что они *вас касаются*, — грубее ответила она.

— *Они касаются твоих задач* относительно грядущих событий, Гермиона. Мне нужно объяснить, что для Гарри ты поддержка, как и Рон? — вдумчиво спросил Сириус, протягивая руку к ней.

— Не совсем понимаю, какая связь между дружбой и моими целями, — сглотнув ком, подступивший к горлу, произнесла Гермиона.

Сириус звучно щёлкнул пальцами, словно она только что ответила на самый главный в мире вопрос.

— Гермиона, тебе нужно понять важную вещь, — произнёс он. — Нет «моих целей», есть «наши цели». Твоя умная голова должна быть занята не вот этими домовиками, которых уже ничего не спасёт, а Орденом Феникса и победой Гарри.

Рука Сириуса потянулась к листам, но Гермиона лишь крепче прижала их к себе, гневно смотря на него.

— Но будет жизнь после, — добавила она. — И я хочу строить её уже сейчас.

— Смысл в будущем, если без победы ты до него просто не доживёшь? — грубо спросил Сириус, выдёргивая листы из её рук.

— Мистер Блэк, — подскочила она, но он лишь взмахнул палочкой, обездвиживая Гермиону.

Подойдя к одному из шкафов, он вытащил металлическую тарелку. На глазах Гермионы Сириус показательно порвал все её материалы и заметки, подготовленные для Кикимера.

Гермиона пыталась бороться, пойти против заклинания, но сил не хватало, она не могла произнести и слова, лишь стоять и наблюдать за каждым его действием.

— Когда-нибудь ты скажешь мне спасибо, дорогая, — ответил Сириус. — Ты обязана забыть о своём будущем, потому что нужна Гарри. Иногда мы поступаемся собой ради других, и будет лучше, если ты поймёшь это по хорошему.

С этими словами он коснулся бумаги палочкой, разжигая огонь на тарелке. На глазах Гермионы пылали её труды, и она не могла поверить, что это делал любимый крёстный Гарри. Тот, кого они ещё несколько месяцев назад спасли от ужасной смерти.

Человек, который провёл годы в Азкабанае, должен был ценить свободу не меньше, чем она. Но нет...

Сириус не собирался говорить или предлагать. Он уничтожал важные для неё вещи, прикрываясь благими целями и общей победой. Словно её жизнь заканчивалась на этих двух понятиях.

Почему если он готов это сделать, то обязана и она? Речь даже не о домовых эльфах, а о значимых для неё целях. О движении, которое было именно её, заботило только её и могло стать тем, за что она бы боролась после войны...

Но Сириус вёл себя так, будто «после» никогда не наступит...

— Не обижайся, — сказал он, когда от её трудов остался лишь пепел. — В силу возраста тебе не понять многих вещей. Считай, что это помощь старшего товарища.

Когда он посмотрел на неё, по её щекам уже катились горячие слёзы. Движением палочки Сириус убрал все следы своего преступления и вновь подошёл к ней, снимая заклятие. Отмерев, Гермиона схватилась за древко, но в тот же момент была остановлена грубой рукой Блэка.

— Не делай глупостей, о которых потом пожалеешь, — строго произнёс он. — Я могу быть другом, Гермиона, и наставлять тебя на верный путь.

В его глазах виднелись осколки угрозы.

— А могу стать тем, кто уничтожит всё, что ты любишь, — тише добавил он. — Маглов убивают, и это уже норма. Мы же не хотим, чтобы твои родители появились в следующей сводке?

— Как вы смеете мне угрожать? — сквозь зубы произнесла Гермиона.

— Я всего лишь предупреждаю, — добавил Блэк. — Играй свою роль, слушай меня и не принимай опрометчивых решений, они наказуемы.

Он с силой оттолкнул её от себя и сделал несколько шагов назад, осматривая с ног до головы. От Блэка веяло решительностью и угрозой, а положение напоминало о безнаказанности. Возможно, ей стоило рассказать обо всём Гарри, Римусу, Снейпу, Дамблдору... Но нечто подсказывало, что между Сириусом и Гермионой выбор будет не в её сторону.

Она смирилась, спустя несколько недель приняла существующие порядки, а через месяц уже выполнила первое поручение Блэка, заботясь о Гарри. О себе пришлось забыть, оставаясь в одиночестве с отсутствием отдушины. Но зато её родители были живы...

Это стоило того...

Октябрь, 1999 год, Малфой-мэнор

— Госпожа, всё в порядке? — голос Энди заставил её выплыть из воспоминаний.

Гермиона внимательно посмотрела на него. Энди был олицетворением болезненного прошлого, и от этого она почувствовала яркий прилив ненависти. Переполюющий гнев и непреодолимое желание заставить Сириуса Блэка

ответить за всё, что он сделал. За угрозы молодой девочке, за манипуляции, за страх, который она годами испытывала, боясь сделать что-то не так.

Мечь играла в ней, давая понимание будущей цели. То самое, что лежало на поверхности всё это время.

— Я скоро приду, — произнесла она, вставая с кресла и выходя из комнаты.

На дворе было раннее утро, сквозь окна проникал яркий солнечный свет, и она бежала под его лучами прямо в спальню Малфоя, желая наконец-то дать ему ответ.

Сердце трепетало, воспоминания рисовались в сознании, и теперь это не уничтожало, выбивая остатки желания жить. Это придавало сил — настолько много, что в них можно было утопиться, но она выбирала другой путь.

Оказавшись около комнаты Малфоя, она потянула дверь на себя и вошла внутрь в тот момент, когда он застегивал на себе рубашку. Гермиона даже не смутилась. Ворвавшись, она так и застыла у входа, смотря в его глаза сквозь отражение того самого зеркала.

— Доброе утро, — сказал Малфой, оборачиваясь к ней. — Что-то хотела?

— Я знаю... — прошептала Гермиона, её губы дёрнулись в улыбке ровно на мгновение. — Мечь, Малфой, я хочу отомстить им всем...

И ответом служили заинтересованный взгляд и усмешка. Малфой был готов помочь, а большего сейчас ей и не нужно...

Примечание к части

Одна из моих любимых глав (и самая большая). Наверное, именно здесь мы ловим тот самый вайб и осознаем, чем в итоге закончится эта история. Последняя стадия принятия - мечь.

Также приглашаю вас в свой тг-канал, где мы смотрим спойлеры, тизеры к будущим главам и читаем мои мысли об уже вышедших <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 10 «Апогей спасения»

31 октября, 1999 год, поместье Лестрейнджей

Музыка ласкала слух, приторный аромат дорогого парфюма вызывал тошноту, а здешние разговоры заставляли кулаки сжиматься. Пожиратели смерти не умели праздновать весело, с блеском в глазах и лёгкостью в жестах. Каждое мероприятие походило на небольшую коронацию, где каждый хотел казаться лучше других. Только превосходство, дорогие одежды, высокомерные взгляды, полное отсутствие эмпатии и безразличие к чужим успехам.

Будучи рядовым, Драко никогда не был здесь частым гостем. Всегда находилось более благоприятное занятие: убийство, охота, вынашивание плана по свержению Тёмного Лорда. Драко не скучал. Но с некоторых пор, когда собственные цели стали осуществляться, ему пришлось здесь показаться. И не как Пожирателю смерти, а как лидеру.

Тёмный Лорд назначил его несколько месяцев назад своей правой рукой. В далёком мае, когда сам покинул собственных солдат, желая лишь наблюдать за победой. Так считали все, кроме четверых волшебников, прекрасно понимавших, что, если правда вскроется, мгновенная смерть — лучшая мера наказания, которая их ждёт.

Именно они — Малфой, Паркинсон, Нотт и Забини — знали, что Тёмный Лорд не набирается сил и не отдаёт Малфою приказы для других Пожирателей. Это всего лишь общепринятая ложь, которую потребляли с большим удовольствием.

Много ли нужно, чтобы приказы походили на отданные Томом Реддлом? Нет, меньше эмоций, больше одержимости, бесконечная кровожадность, отсутствие суда и следствия.

Драко справлялся удачно, пока сам Тёмный Лорд прозябал жизнь в самой защищённой башне на свете. Там стояло чуть больше сотни защитных проклятий, постоянно дежурил один из четверых — сегодня была очередь Блейза, — а в еду добавляли магловские препараты, притупляющие сознание. Было сделано всё, чтобы Лорд, лишившийся почти всех своих крестражей, оставался запертым.

План работал, никто не задавал вопросов. Пожиратели продолжали бороться, не подозревая, что их лидер давно на грани жизни, державшейся на Гарри Поттере...

— Иногда мне кажется, что в один из вечеров они наставят на нас палочки, — прошептала Пэнси, делая глоток шампанского.

— Эти? — усмехнулся Тео, осматривая Пожирателей смерти.

Все они разгруппировались по кучкам, выпивая, обсуждая и танцуя в хэллоуинскую ночь.

— Не думаю, что кто-то здесь способен усомниться в Малфое и устоявшейся легенде, — хмыкнул Тео.

— Но однажды это случится, они начнут задавать вопросы, — не унималась Пэнси. — И чем дальше Драко тянет, тем стремительнее растут шансы.

— Я рад, что ты так уверена во мне, — произнёс подошедший Драко, осматривая её с ног до головы.

Пэнси недовольно фыркнула и поставила бокал на поднос проходящего мимо официанта. Скрестив руки на груди, она недовольно осмотрела присутствующих, пытаясь скрыть собственное беспокойство за высокомерием.

— Чем сейчас занята Грейнджер? — выдохнула она, переводя взгляд на Драко.

Он сделал глоток из бокала с огневиски и очаровательно улыбнулся, поглядывая на часы.

— По моим расчётам, думает, куда убрать тело Сириуса Блэка, — буднично ответил Драко.

Тео и Пэнси переглянулись и мгновенно улыбнулись, смотря на довольного Драко. Все они ждали, когда наступят решительные действия. А вернее, Пэнси, Тео и Блейз ждали, а Драко надеялся. Он пытался понять, сколько ещё времени потребуется Грейнджер, чтобы прийти к нужным целям.

И он был рад, что это произошло достаточно быстро, с полнейшей отдачей и огнём в карих глазах. Потому что то упоение, с которым Грейнджер собиралась на убийство Сириуса Блэка, было подобно ласкающей слух музыке победы. Она решила это сама, она жаждала больше всего на свете и была благодарна, что у неё появилась такая возможность. А Драко... Он испытывал небывалое удовлетворение, что сам предоставил её Грейнджер.

Ему нравилось быть амбассадором границ её мести.

— Мы близко, — прошептала Пэнси и подняла взгляд на Драко. — Она знает обо всём?

Он ей не ответил, лишь отвернулся, кивая проходящему Рудольфусу Лестрейнджу.

— Драко, — недовольно произнесла Пэнси. — Только не говори, что скрываешь от Грейнджер происходящее.

— Пойду поищу Гринграссов, — бросил Тео, скрываясь в толпе Пожирателей.

Гнев Пэнси не был очень страшен, он выматывал. А так как заставить её молчать они не могли, хотя бы потому, что были друзьями, то скрывались от её нападков. Тео бежал с палубы первым, предвкушая, как за соучастие ему припомнят каждую неудачу с Дафной и количество ошибок в отношениях.

— Грейнджер, конечно, особенная, — хмыкнула Пэнси, — но не думаю, что она сильно обрадуется, когда поймёт, что ты используешь её.

— Она не готова к правде, — оборонялся Драко, продолжая улыбаться окружающим.

— Она верит тебе, Драко, — взмолилась Пэнси, тяжело выдыхая. — Исходя из всего, что вы мне рассказали, Грейнджер собирает себя по кусочкам, и последнее, что ей нужно, это очередное предательство.

— Я бы никогда её не предал, — гневно ответил Драко.

Пэнси нервно рассмеялась, отрицательно качая головой. Драко же стал всё чаще поглядывать на часы, ожидая своей скорой речи для Пожирателей.

— Придётся к ней со словарём, объясняя разницу между предательством и ложью, — хмыкнула Пэнси, скрестив руки на груди.

— Если потребуется, — добавил он. — Я сам знаю, как лучше, Пэнси. Ты верно заметила, она собирает себя по кусочкам, и я не лишу её единственного, кому она верит.

— Как удобно, что этот единственный — ты, — фыркнула Пэнси, прежде чем уйти в гущу толпы.

Драко остался в одиночестве среди сотен прислуживающих ему Пожирателей смерти. Казалось, каждый здесь способен исполнить любой его приказ, принять веру, позицию и пойти на плаху, не сказав и слова. Но для него здесь имело значение лишь три мнения, которые лишь частично совпадали с его, и это удручало.

Блейз и Тео соглашались с ним, были единогласны во всех вопросах и решениях относительно Грейнджер. Пэнси нет, с самого начала она твердила, что если Драко и правда любит её, то должен всё рассказать. Он обязан исходить из её потребностей не меньше, чем из собственных.

Пэнси говорила, что это и есть всепоглощающая любовь — когда ставишь чужие желания выше своих.

Возможно, Драко не любил? Если придерживался мнения, что сам способен подобрать правильное решение в их с Грейнджер ситуации. Но тогда почему ему было настолько важно, чтобы она верила ему, смотрела глазами, в которых витало обоюдное чувство, и при любой проблеме обращалась именно к нему? Он не мог быть равнодушен к человеку, забота о котором переросла в потребность.

Драко хотел верить, что это любовь. Может быть, неправильная, как он сам и существование их отношений, но именно она — всепоглощающая, изничтожающая и, самое главное, взаимная.

Часы пробили одиннадцать. Звон разошёлся по всему поместью, и Пожиратели расступились перед ним, позволяя пройти к небольшой сцене посреди зала.

Драко медленно двигался вперёд, смотря перед собой. Уверенный, жестокий, сильный и абсолютно безразличный ко внешним факторам. Лидер, которого, как он думал, все они заслуживали.

Взойдя на сцену, Драко осмотрел всех собравшихся. Тео и Пэнси расположились в одном из рядов. Родольфус стоял рядом с пустым местом, где

всегда находилась уже мёртвая Беллатриса. Престарелые Пожиратели, за исключением старшего Нотта, находились значительно ближе другу к другу, чем остальные.

Все эти люди постепенно сливались для Драко в одну серую массу, где он мог выделить несколько человек, которые для него важны. Другие — куклы, слепо идущие и преданные ему.

— Сегодня мы поднимем наши бокалы...

31 октября, 1999 год, площадь Гриммо, 12

Сириус Блэк праздновал каждый Хэллоуин в одиночестве, тем самым воздавая память Джеймсу и Лили, которых потерял в этот самый день много лет назад. Это знал абсолютно весь Орден Феникса.

Когда Гермиона планировала свой поход по душу Сириуса Блэка, то даже усмехнулась. Он собственноручно создал все условия для своего убийства. Дал понимание, когда он будет один находиться у себя дома. После исключил любую попытку спасения и появления команды поддержки в самый неподходящий момент.

Даже Кикимера, эльфа, живущего в этом доме веками, он заставлял уходить. Гермиона не знала, где пропадал несчастный домовик, но и этому была рада, потому что её никто не остановит. Поэтому она шла решительно, с чётким осознанием будущего отмщения и непреодолимой жаждой смерти на собственных руках.

Она хотела, чтобы он ответил: за отношение к домовикам, за угрозы, манипуляции, уничтожение важных для неё вещей и безразличие ко всем, за исключением Гарри Поттера. Любовь должна приносить силы, мотивировать идти вперёд, подталкивать к хорошим поступкам. А Сириуса она превращала в одержимого родителя, не способного мыслить за пределами эмоционального диапазона своего крестника.

Не было ничего плохого в безразличии к другим людям, но находилось чудовищное в уничтожении самовыражения... Пытаясь помочь домовикам, Гермиона высказывалась, спасала таких же ущемлённых, как и она сама. Этого Сириус её лишил. Забрал единственное, что могло стать продолжением жизни после войны. Он хотел, чтобы она была отдана Гарри Поттеру и поддержке его эго, забывая, что после всего ей придётся существовать ради пустоты...

Поэтому он умрёт от её рук. За всё сделанное.

Когда Гермиона аппарировала в один из коридоров дома, то мгновенно осмотрелась, примечая единственную дверь, за которой горел свет. Сделав несколько шагов вперёд, она заглянула в комнату.

Сириус сидел за большим деревянным столом, где обычно проходили собрания Ордена Феникса. Перед ним стояла полупустая бутылка огневиски и были разложены колдографии. Он с горечью смотрел на них, жадно глотая обжигающий алкоголь прямо из горла. Всего на пару мгновений в сердце неприятно защемило, и она подумала отступить, но после вобрала в лёгкие больше воздуха и прикрыла веки.

Воспоминания о боли от сожжённых листов, постоянных угроз о расплате родителей, если она не скажет, что он хочет, многочисленные манипуляции и беспощадное отношение к Кикимеру поплыли перед глазами причинами совершить задуманное.

Тряхнув головой, Гермиона крепко сжала палочку и схватилась за дверь, открывая её и бросая в Блэка Оглушающее. Мгновение, и он рухнул на пол без сознания, так и оставив недопитый огневиски и разложенные колдографии. Подойдя ближе, Гермиона взяла в руки его древко и с силой надавила, разламывая на две части. Швырнув их в одну из стоящих тарелок, она налила огневиски и произнесла:

— Инсендио...

***

Сириус Блэк никогда не являлся выдающимся студентом, поэтому страха, что он невербально разрушит её путы, не было. Привязав его к стулу, Гермиона сделала несколько шагов назад, опускаясь в кресло посреди коридора, и сложила ногу на ногу в ожидании.

Впрочем, к чему это? Если цель убить, то почему она чувствовала необузданное желание дожидаться, пока он придёт в сознание? Слово суть — это не смерть в доме, где он вырос и множество раз делал больно ей, а в одолевшей его агонии, когда она начнёт пытаться и истязать.

Смерть — это спасение, Гермиона не раз сама пыталась прибегнуть к ней. Но самоубийство — скорее жест отчаяния. А в случае Сириуса это будет конец, окончательный и безвозвратный. И она хотела, чтобы он был болезненным, а не облегчающим.

Сириуса не волновало её состояние ни разу, он не думал о том, что испытывает Гермиона, так почему она должна об этом переживать? Нет, даже напротив, почему она не может упиваться его страданиями с восхищением равным его безразличию?

Может. Должна. Обязана. Но что использовать? Круциатус? Насколько для него это будет больно? Хотелось верить, что до ужаса.

Подняв взгляд, Гермиона направила на Сириуса палочку:

— Агуаменти, — шёпот сорвался с губ, и поток воды обрушился на тело Блэка, приводя того в чувства.

Он попытался вырваться, порвать путы и осознать происходящее. Но лишь спустя несколько секунд открыл глаза, встречаясь взглядом с сидящей Гермионой. Губы сами расплылись в улыбке, а пальцы крепче сжали древко, она склонила голову набок, видя страх.

Это умиляло.

— Здравствуйте, мистер Блэк, — медленно произнесла она. — Как

поживаете?

— Ты мертва, — тяжело дыша, проговорил он. — Передо мной призрак?

Она усмехнулась, поражаясь, что даже своему любимому крёстному Гарри не смог сказать правду. Впрочем, от этого было даже веселее, ужас и страх в глазах Сириуса грели душу лучше любых чар.

— Призрак может так? — усмехнувшись, спросила она, прежде чем горло Сириуса окутали верёвки.

Он поднял голову выше, пытаясь поймать воздух, но путы стягивали кожу ту же, перекрывая доступ кислорода. Его глаза расширились с каждой секундой, зрачки закатывались, с губ срывался хрип, а тело сковывало судорогой. И Гермиона не знала, что ужаснее: картина перед ней или манящее ощущение превосходства, когда наконец-то они поменялись ролями.

Сняв заклятие, она внимательно наблюдала, как он ловит ртом воздух, дрожит, пытается прийти в себя, но всё тщетно, разум будто бы не возвращался к нему. Это выдавали взгляд, пестрящий животным страхом, и тихие мольбы, которые он бормотал, сам того не осознавая.

— Скажи, ты чувствуешь, будто не принадлежишь себе? — ласково спросила Гермиона, внимательно смотря на приходящего в себя Сириуса.

Он наблюдал за ней в ответ, рассматривая с ног до головы, словно она была демоном, пришедшим из ада. И если выбирать между забитой девочкой, которую он же лишал права выбора, и чудовищем, от которого страх пробивал его тело насквозь, то ответ очевиден.

Гермиона больше не хотела быть слабой и принимать судьбу, ожидая, пока вновь останется преданной в одиночестве. Она желала возвыситься и держать чужую жизнь в руках.

— Гермиона, ты же не такая, — выдохнув, произнёс Блэк. — Ты добрая девочка, которая не способна на подобное. Тебя заставили?

Она рассмеялась, качая головой и замечая, как его взгляд постепенно ожесточается.

— Твой крестник избавил меня от потребности подчиняться, — усмехнувшись, произнесла она, вставая с кресла. — Знаешь, как? Он обменял мою жизнь на свою, когда в лесу нас поймали.

Гермиона медленно подходила к нему, внимательно смотря в глаза. Секунда. Он ухмыльнулся, довольно, гордо, как будто Гарри сделал всё так, как и должен был...

— Думаешь, я буду его осуждать, Гермиона? — спросил Сириус. — Жизнь Гарри важнее, и ты знала это, идя с ним. Или что? Он должен был выбрать жалкую девчонку, которая ничего не стоит?

Обида вновь её захлестнула, тяжело, болезненно, настолько, что рука с дrevком сама взмыла в воздух, а с губ сорвалось:

— Круцио!

Но ничего. Блэк как спокойно сидел на стуле пару минут назад, так и продолжал делать это сейчас. Ни один осколок боли не коснулся его сознания после произнесённых слов.

Гермиона свела брови к переносице и повторила:

— Круцио!

Ещё раз

— Круцио!

Рука, державшая палочку, дрожала, смелость испарялась, а улыбка на лице Блэка становилась всё шире.

— Даже заклинание сотворить не можешь, — спокойно ответил он. — Гермиона, пока не поздно, развяжи меня, и мы спокойно поговорим...

Она смотрела на него, пытаясь вспомнить каждый болезненный момент и сконцентрироваться на проклятии, но оно не давалось. словно некая грань внутри неё не позволяла сделать больно.

Но она хотела этого, желала больше, чем могла вообразить, но заклинание так и не выходило. Это уничтожало, неужели всё то, во что она верила, становилось ложью? Вымыслом? Так ли это надуманно и преумножено обидой, нежели злостью?

— Гермиона, не глупи, ты не сможешь...

Его слова отражались от стенок сознания, пророча неутешительный исход. Они напоминали о слабости, о том, что без Ордена Феникса она не сможет ничего сделать, не сама...

А если...

Гермиона внимательно смотрела в глаза Блэка, пытаясь собрать себя воедино, чтобы наконец-то совершить задуманное. собственное сердце бешено стучало, она слышала его так же чётко, как своё дыхание, и ощущала настолько же ярко, как волнение. Последние слова встали комом в горле:

— Авада Кедавра

И вновь ничего. Ни одной искры или заклинания, только беспомощный взгляд и упивающийся ситуацией Блэк. словно её неспособность была лишним доказательством слабости, и это лишь подтверждало его слова.

— Ты не можешь убить меня, пойми же, — забавлялся он, жалостливо смотря на неё.

Тот самый взгляд, от которого она бежала, именно он заставлял пресмыкаться и склонять голову. Это стало апогеем перед её выбором.

Обернувшись, Гермиона заметила на столе кухонный нож. Схватив его, она быстрыми шагами подошла к Блэку и яростно вонзила лезвие в его бедро. Слуха коснулись сдавленный хрип и множество ругательств.

— Уверен? — спросила она, слыша, как собственный голос дрожит.

Казалось, что эта попытка убийства была прямым доказательством неспособности к мести, которую Блэк лишь распалаял. Словно в отместку, он не кричал, не скалился, просто молчал, смотря ей в глаза. В его взгляде она видела боль, тяжёлую, сдерживаемую и поглощающую.

Гермиона хотела, чтобы он испытал ещё.

Вытащив нож, она вонзила его с новой силой в другое бедро, чувствуя, как брызги крови касались лица. Рука дрожала, Гермиона с тяжестью смотрела на Блэка, видя разочарование, скрывающееся за болью.

С его смертью ей должно было стать легче.

— Да, потому что ты всего лишь обиженная жизнью девочка, которая не значит ничего, — сквозь зубы произнёс Блэк — И моё ранение, не закончившееся смертью, лишь доказывает это.

Он хотел смерти настолько же, насколько она желала убить его сейчас. Может быть, уже без пыток, многочасовых страданий и упоения, но его бездыханного тела становилось достаточно.

Вырвав нож из его бедра, Гермиона последний раз посмотрела в изничтоженные глаза, и следующий удар пришёлся в сонную артерию. Кровь хлынула, и он задрожал перед ней, глядя вперёд. Она видела, как жизнь уходит из его тела...

Отшагнув, Гермиона ощутила пронизывающий сознание холод, руки машинально коснулись плеч, и она чувствовала, как кровь липким слоем касалась кожи.

Она убила его. Вонзила нож и отобрала жизнь. Так легко и моментами просто, словно перед ней не человек, а сломанная игрушка. Это пугало, отторгало её от самой себя настолько жестоко, что дрожь пробивала сознание. Никогда раньше убийство не погружало в ужасную апатию и полное опустошение.

Она должна была испытывать счастье, удовлетворение, страх, но всё, что она чувствовала, — это ничего. Мозг понимал, что это обязано пугать, приносить хотя бы что-то, но в душе царила пустота.

Нужно уничтожить труп.

Мысль, пришедшая на ум первой. Кивнув самой себе, она подошла к одному из шкафов, вытаскивая оттуда огневиски. Открыв его, Гермиона заметила отпечатки собственных окровавленных пальцев и вобрала в лёгкие побольше воздуха. Пройдя вперёд, она облила алкоголем труп, а после окропила им всё по кругу, пока бутылка не закончилась, её Гермиона поставила рядом с Блэком.

Отшагнув от него, она взяла свою палочку и поднесла кончик к началу влажной дорожки, произнося заклинание.

Мгновение, и огонь заструился, подобно эффекту домино поглощая всё на своём пути. Он окутывал пол, стул, крепкие верёвки, бездыханное тело и уничтожал все следы её преступления прямо на глазах. Но всё, что она чувствовала от этого пожара, — тепло, едва не касающееся её кожи, горящее совсем рядом...

— Энди, — прошептала она, опуская взгляд.

Домовик появился рядом через несколько секунд, осматривая происходящее и крепко хватая госпожу за руку. Мгновение, и они оказались в её комнате.

Пустой, тёмной и холодной, где она провела множество дней ментальной каторги в гонении за спасением от предательства. И кажется, когда она его нашла, наконец-то ощутила, что всё исчезло, оставляя лишь осознание чужой смерти. Потому что она его убила, забрала жизнь и заставила сгореть дотла без шанса на успокоение.

Ноги несли её в злополучную ванну прямо к раковине, из которой мгновенно пошла вода. Опустив руки внутрь, она смотрела, как кровь смывается с них, оставаясь под ногтями, будто бы Гермione стоит постараться, чтобы не помнить об этом.

Но хотела ли она забывать?

Ощущение всевластия, когда в твоих руках жизнь и ты волен делать с ней всё, что хочешь. Можешь спасти, убережешь, заставить страдать или вовсе отобрать. Будто бы всевышний, который способен вершить судьбы без суда и следствия, как она и сделала.

Это не казнь, не наказание, расплата или отмщение, как верилось раньше. Произошедшее — убийство из личных мотивов, которые, может быть, и не стоили жизни.

Было ли в смерти чистое возмездие? Если да, то почему в сердце начинала kloкотать не радость, а вина. Именно она тугим узлом стягивалась на горле, не давая дышать, как когда она сама душила Сириуса. Отбирала у него банальное право на воздух, как когда-то забирали у неё.

Почему она уподоблялась им? Неужели это было так важно? Настолько нужно? Это стоило его жизни и смерти от её рук?

Подняв голову, Гермione увидела на плечах остатки крови. Осознание медленно пробивало барьер апатии, выпуская наружу сожаление и муки совести.

Звуки шагов, и она вновь смотрела в отражение, встречаясь взглядом с *НИМ*. Малфой стоял чуть поодаль в этой злосчастной ванной.

Что там? Осуждение? Счастье? Радость?

— Я убила Сириуса Блэка, — сорвалось с губ хриплым голосом. — Я не смогла проклясть его и вонзила нож в сонную артерию, видя, как из него уходит жизнь...

Она дрожала, но не от холода или страдания, а от осознания происходящего и понимания чужой смерти от своих рук. Гермиона убила его и окрасила огнём площадь Гриммо, не дав близким попрощаться. Даже чёртовы Пожиратели оставляли после себя тела...

— А после я сожгла его...

Гермиона опустила голову и ощутила, как слёзы текут по щекам прямо в раковину.

Сириус был семьёй для Гарри, заменой родителей, неужели Гарри даже после произошедшего это заслужил? Её обида стоила жизни Сириуса? Человека, который прожил столько лет и не знал ничего, кроме боли, как и она сама.

Родители Блэка не понимали, он всегда был выродком. Его выжгли с семейного древа за дружбу, посадили в Азкабан за преданность и ненавидели всю жизнь те, кого он любил. Могло ли после этого сердце очерстветь? Почему она не попыталась простить его? Она умела понимать, жалеть, почему в этот раз она предпочла себя вместо другого человека?

Чудовище...

Тёплые руки легли на её плечи, прижимая ближе к себе.

Малфой. Он заботился о ней, помогал, поддерживал, находился рядом всегда, когда был ей нужен, почему? Потому что видел в ней нечто особенное? Разве сейчас она это сохранила? Отняв жизнь, она перечеркнула всё хорошее, что в ней существовало, то, что так сильно любил Малфой, если ещё любил?

Она уткнулась носом в его белоснежную рубашку, пачкая её чужой кровью и рыдая от безысходности и мук совести. А он был рядом, опять, вопреки всему и вся, Малфой оставался здесь, принимая всё...

Заслуживала ли она этого теперь?

***

Грейнджер уснула быстро, в ней не осталось сил, лишь затравленное сознание. И это удручало Драко. Увидев её в ванной, он стал сомневаться в правильности и необходимости своего плана. Драко ждал, что она будет счастлива после первой смерти, что отпустит все свои переживания и отдастся событию, но она...

Не получившееся проклятие заставило её усомниться в верности своих решений и выбора. От этого Грейнджер начинала страдать, рыдая над раковиной в крови убитого ею же человека. Зрелище ужасное и, что самое проблемное, неисправимое.

Драко знал, что любой ментальный недуг — это в первую очередь решение

человека. Ни одно лекарство или зелье не сможет справиться с твоей болью быстрее тебя самого.

— Как чувствует себя госпожа? — настороженно спросил Энди, появившись рядом с её постелью.

Драко, на бёдрах которого и покоилась голова Грейнджер, поднял взгляд.

— Ей нужно время и больше успокаивающего зелья, — выдохнул Драко.

Его рука касалась её волос, поглаживая их и массируя макушку. Жест, совершенно непозволительный в обычной ситуации, но абсолютно необходимый ему сейчас. Пока он чувствовал её, кожа к коже, дышать было легче.

— Я принесу, — бросил Энди, поглядывая на свою хозяйку.

Медленными шагами эльф пошёл к двери, стараясь двигаться максимально тихо, чтобы не разбудить хозяйку. Грейнджер всегда спала плохо, кричала во сне, плакала, звала друзей, просила её не бросать. Драко наблюдал это с самого первого дня её появления, выслушивал от Рене, обеспокоенной состоянием «мисс Гермионы».

Но не сегодня. К его удивлению, после произошедшего Грейнджер спала спокойно и умиротворённо. Будто бы до этого её сознание было окутано ужасом и в один момент очистилось. Возможно, убийство Сириуса Блэка ударило по ней лишь отражающей волной, а внутри Грейнджер наконец-то обрела искомое спокойствие?

Вопрос, ответ на который родится не скоро...

Примечание к части

И вот мы плавно подбираемся к первым смертям. На плахе Сириус, кто же будет следующим...

Делитесь, что думаете об этом повороте сюжета?)

Больше о работе, спойлерах и авторе на канале <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 11 «Предпочтительное насилие»

Май, 1985 год, поместье Ноттов

Портреты кричали ей вслед: «предательница крови». Тело ломило от нескольких часов пыток, колени подгибались с каждым шагом, а ноги, касаясь ледяного пола, дрожали. Она бежала вперёд по многочисленным коридорам, не оглядывалась и не останавливалась, чтобы выдохнуть, только неслась, желая скорее найти выход. Страх вернуться в злополучную комнату был сильнее любой боли, а смерть казалась не такой ужасной в сравнении с парой десятков Круциатусов.

Если бы Эвелин погибла, то пришла бы к концу. Больше не нужно было бы терпеть, умолять, страдать и надеяться, что происходящее однажды закончится. Всё это стёрлось бы с лица земли, забрав её с собой, и лучшей награды сейчас она себе не представляла.

Свобода в смерти — не такое будущее Эвелин себе пророчила, но это единственное, что ей в итоге досталось. Будучи лучшей и самой талантливой студенткой Слизерина, она верила, что после школы врата идеальной жизни раскроются перед ней. Но впереди была лишь тьма. Обусловленная вынужденным браком, постоянными упрёками, изнасилованиями и семьёй, построенной на угрозах.

Конец страшной сказки на ночь — вот что представляла из себя её жизнь теперь. Ни любви, ни счастья, ни благородной старости или достойного продолжения рода. Боль, ненависть, гнев, предательство, пытки и истязание — настоящее, в котором пришлось жить.

От досады хотелось кричать и рушить, но всё, что она могла, — это бежать. Настолько быстро, чтобы *он* никогда не догнал. Чудовище, по случайности ставшее её супругом.

И если раньше Эвелин считала одним из самых жестоких волшебников Тёмного Лорда, испытывающего удовольствие в лицезрении смерти, то Теодор Нотт стал для неё воплощением магловского дьявола. Существо уже мёртвое, измученное и не знающее ни сострадания, ни любви, а понимающее лишь язык насилия и многовековое устройство общества.

Очередной поворот, и она оказалась в тупике. Каменные стены и одно большое окно, занавешенное тёмно-синими шторами. Ни нового коридора, ни двери, лестницы или любого другого продолжения, ведущего к выходу. Единственное, что ей оставалось, — это стеклянная рама с понятным и изученным замком.

Подойдя к ставням, Эвелин повернула ручку и дёрнула её, открывая перед собой путь в будущее. Очень короткое, болезненное, но единственное, способное спасти. Жадно вдохнув свежий воздух, она схватилась за горло, чувствуя колющую прохладу. На территорию поместья уже опустился вечер, солнце не светило, небо заволкло тучами.

Она смотрела в темноту, надеясь, что не останется спасённой.

— Мама? — голос заставил оглянуться.

Облачённый в атласную пижаму, с плюшевым медведем наперевес маленький Теодор стоял и смотрел на неё. Настолько любяще и радостно, что она возненавидела себя, потому что ничего не испытывала.

Безразличие к собственному ребёнку — одна из «наград», доставшихся ей благодаря мужу. Надежда, что младший Теодор Нотт сможет стать смыслом жизни, что в нём она найдёт отдушину и из-за него захочет жить дальше, с годами разбилась вдребезги.

Похож на отца, зачат во время изнасилования, родился с трудом, принесся ей немало боли. Всё это выросло преградой к любви.

Сделав несколько шагов вперёд, Эвелин присела перед ним, едва касаясь детских щёк пальцами. В эту секунду она ощутила, как горячие слёзы потекли по лицу от сожаления.

Ребёнок не виноват. Он просто родился не в то время и не в той семье, чтобы расти в искренней любви и материнской заботе. Маленький кудрявый мальчик с глубокими синими глазами точно не заслужил такой судьбы, но она ему досталась.

Эвелин поняла это быстро и терпела слишком долго. Она пыталась найти в нём радость, счастье, отдушину, но видела лишь боль и отражение собственных страданий. А поступки, которые ребёнок принимал за выражение такой нужной ему любви, были не больше, чем необходимостью, заложенной обществом.

С годами он бы это понял, а она не хотела стать разочарованием...

— Ты вернёшься ко мне? — спросил Тео, смотря в её глаза и улыбаясь.

Его маленькая ладонь потянулась к ней, вытирая слёзы. В этот момент медведь едва не вывалился из его рук, но Тео быстро подхватил его, вновь возвращая взгляд к матери.

— Нет, малыш, я больше не вернусь, — покачала головой она, забирая у него игрушку.

Прошептав заклинание, она вытащила из медведя небольшой пузырёк, который мгновенно коснулся её щёк, вбирая слёзы. Закрыв его, она вложила склянку обратно в игрушку, отдавая сыну и смотря на него.

— Это из-за меня? — осторожно спросил он, хлопая густыми ресницами.

— Конечно, нет, — ответила она и крепко обняла его, прижимая к себе и целуя в макушку. — Ты не виноват, Тео, никогда не был и не будешь.

Оторвавшись от него, она заглянула в его глаза вновь, видя там отражение супруга, отчего боль сильнее пробила сердце. Поджав губы, она продолжила:

— Тебе просто не повезло, как и мне, — тихо сказала Эвелин и кивнула на медведя. — Когда-нибудь ты узнаешь всё.

Он внимательно смотрел на неё, всё ещё не понимая происходящего, но следом послышался возглас отца в одном из коридоров. Эвелин подорвалась с места, подходя к окну, ровно на мгновение она оглянулась, прошептав последнее:

— Прощай, дорогой...

Шаг, и она полетела вниз. В ушах свистел ветер, а на задворках сознания слышался крик сына, он звал её. Но ей было безразлично...

Ноябрь 1999 год, терраса Малфой-мэнора

Гермиона поёжилась от очередного потока холодного ветра и натянула плед выше, закрывая плечи. Заметив это, Энди щёлкнул пальцами, накладывая на неё согревающие чары. После он пододвинул чашку с горячим чаем ближе, продолжая делиться впечатлениями от недавно прочитанной книги.

— Никак не возьму в толк, почему маглам нравится превращать адекватно-мыслящих персонажей в злодеев, — недоумевал он, разводя руками. — Убивать, конечно, нехорошо, но давайте объективно. Этой старушке и так недолго оставалось, а Раскольникову жить да жить.

В ответ Гермиона усмехнулась, всё ещё чувствуя непривычное удивление от рассуждений Энди о Достоевском. Впрочем, это оставалось одной из самых очаровательных отдушин в Малфой-мэноре, за исключением разве что бесконечного обмена взглядами с Малфоем. Они отдавали недосказанностью, пылающим сердцем и зудом по всему телу.

Желание, превращающееся в невыносимую потребность, достичь которой хотелось сильнее, чем понять саму себя.

Последнее становилось сложнее после смерти Сириуса. Уже несколько дней Гермионе не давало покоя несработавшее заклинание. Она искренне считала, что желала этой смерти, мести и отмщения больше, чем жить. Но при этом проклятие, подпитываемое тем самым чувством, которое её и переполняло, не вышло. Будто бы всё, что её окружало и поглощало, оказалось надуманной ложью — и на самом деле Гермионе не нужна была ничья погибель...

Возможно, она бы в это и поверила, но происходящее после смерти Сириуса окончательно разубедило её в нежелании отомстить. Несмотря на совесть, кричащую о неправильности поступка, Гермиона испытывала невероятное облегчение от случившегося.

Словно, убив Сириуса, она закрыла гештальт собственных страхов и нереализуемых задумок. Дышать стало легче, мир обрёл яркие краски, а потребность сделать это ещё раз, покарать тех, кто причинил ей боль, маятником кружилась на горизонте, маня идти дальше.

Поэтому произошедшее сводилось к неспособности творить Непростительные, направлять боль сквозь палочку в сердце обидчика и проходить путь отмщения. Всё последнее время Гермиона желала понять, как правильно концентрироваться, чтобы познать суть мести в лучшем её воплощении. Но тщетно, попытки проклясть даже несчастный цветок, выбившийся из общей композиции сада, были проблемой, что до людей...

Решение ситуации пришло быстро, но осмелиться на него сил не хватало.

Насколько осуждающим мог стать взгляд Малфоя, если она придёт к нему с подобной просьбой? Гермиона плохо помнила вечер после смерти Сириуса, но ощущение близости Малфоя оставалось в памяти надолго. Вместе с этим уверенность, что он поймёт её и поможет, подкреплялась его желаниями. Он хотел, чтобы она справилась, чтобы ей стало лучше, сам подталкивал её к этому. Но вопреки этому, по непонятной для самой себя причине Гермиона не могла попросить его о помощи.

При условии практически полного доверия к Малфоя Гермиона продолжала возводить невидимую стену, боясь разочаровать его. Раньше её это не волновало, мнение Малфоя ей оставалось не важным. Но с каждым вожденным взглядом, жжением кожи и потребностью в нём прошлое сходило на нет. Гермиона нуждалась в Малфое больше, чем в самой себе, и страх, что его не обрадует её просьба, был выше.

Она боялась, что её неверное решение перечеркнёт всё, что он мог к ней испытывать. Возможно, в этом и была главная её ошибка, потому что бездействие приводило её к большим опасениям. Гермиона шла по кругу: от тревожности, что он разочаруется из-за её поступка, до страха, что её бездействие наскучит ему и он отвернётся.

Шаг — расстрел; остановка на месте — медленная смерть. Казалось, что выхода нет.

Возможно, стоило найти альтернативу...

— А потом Мефистофелю надоело исполнять желания, и он прирезал Фауста, — скучающе произнёс Энди.

Гермиона свела брови к переносице и удивлённо посмотрела на Энди, который хмыкнул, закатив глаза.

— Неужели? Вы меня слушаете, госпожа?

Он ухмыльнулся, радуясь, что подловил её, а после сделал глоток из своей чашки с чаем.

— Прости, я задумалась, — махнула рукой она, отпивая уже холодный напиток.

Поморщившись, Гермиона вновь отвела взгляд, пытаюсь совладать с непреодолимым чувством безвыходности. Это ощущение не отпускало, вместе с тем лишь усугубляя и без того тяжёлое положение.

Смотря на неё, Энди соскочил с кресла и медленно подошёл к Гермионе, убирая чашки и чайник на поднос.

— Знаете, госпожа, — буднично произнёс он, — иногда решения могут быть совсем рядом.

Посмотрев на Энди, Гермиона заметила его хитрый взгляд. Явно знающий

больше, чем говорит, он учтиво перекладывал чашки, иногда посматривая в сторону единственного окна, ведущего в подzemелье.

— И чтобы вырваться из собственного заточения, достаточно увидеть чужое, — добавил он, прежде чем улыбнуться и удалиться на кухню.

Гермиона оглянулась, внимательно смотря на окно, и спустя несколько секунд заметила в нём небольшую вспышку. Осознание окатило её с головой, а ноги сами понесли в поместье, прямо к двери в злополучное подzemелье, вход в которое никогда не был особо спрятан.

Зачастую Гермионе просто не хотелось туда спускаться, камеры и пути пробуждали не лучшие воспоминания. Поэтому, предпочитая не будить их, она обходила это место стороной, но, судя по всему, не все придерживались подобного выбора.

Малфоя в доме сегодня не было, лишь она и пара домовиков, но тогда кто мог быть там, внизу? Ответа Гермиона не знала, но желала получить. Вопреки всем убеждениям, опасениям и звучащим в разуме речам, она ускорила шаг, двигаясь к небольшой двери с высеченным фамильным гербом.

Не мог же Энди послать её на верную смерть? Даже если мыслить из шкурных соображений, то едва ли с Рене он сможет обсудить творчество Шекспира или того же Достоевского. Гермиона гораздо приятнее ему, будучи живой, здоровой и, как стало понятно сейчас, не обременённой недугами.

Оказавшись перед входом в подzemелье, она толкнула дверь, быстро заходя внутрь и спускаясь вниз.

Витиеватая лестница гуляла под ногами: некоторые ступени были короткими, порой длинными, зачастую широкими, иногда узкими. Перил не существовало, освещения тоже, маленький огонёк Люмоса был одинокой точкой, освещающей путь разве что на пару сантиметров, а следом — поглощающая темнота.

Абсолютно всё было сделано для удержания и сокращения любых перспектив побега. Чтобы даже если кто-то и сможет вырваться из камеры — его задержала лестница, бежать по которой невозможно.

Продуманная тюрьма для неугодных.

Оказавшись внизу, Гермиона оглянулась, заметив несколько свечей, вставших в воздухе, и небольшой коридор.

— Прекрати, ничтожное отродье! — истошный крик прозвучал из близлежащей камеры.

Гермиона замерла, крепче сжав палочку и прислушавшись к происходящему. Ком подступил к горлу, а жар одолел тело, страх медленно пробирался по коже вверх к голове, подавая сигналы к бегству.

— Ни за что! Круцио! — голос знакомый, мужской, молодой.

И после вновь крик, уже о помощи, без примеси проклятия. Подбрасывая

самой себе имена говорящего, Гермиона пришла к единственному выводу. Лишь двое мужчин обладали доступом в поместье, иногда даже без разрешения Малфоя, могли быть приняты домовиками и умели пользоваться тёмными проклятиями.

Вопрос один: Забини или Нотт стоял по ту стороны решётки?

Подойдя ближе, Гермиона вобрала в лёгкие побольше воздуха и наконец шагнула в одну из камер. Картина, развернувшаяся перед ней, едва ли отвечала нормам морали, семейным традициям или здравому смыслу, но разубедить собственные глаза у неё не получалось.

Нотт-старший, облачённый цепями, был прикован к полу, а его сын стоял над ним, насылая один за одним Круциатус и испытывая от этого небывалое удовольствие. Здесь не было того весёлого Тео, которых отпускал шутки, любил выпить и постоянно подначивал друзей. Словно одержимое чудовище без эмоций, он с каменным лицом наблюдал за страданиями отца и продолжал мучить его.

Но что заинтересовало Гермиону больше причинно-следственной связи в происходящем, так это то, с какой лёгкостью Тео насылал на отца Непростительные. Будто бы это обычное заклинание левитации, а не причина попасть в Азкабан. Впрочем, сейчас Гермиона была уверена, что Тео мог бы поспорничать даже с дементором в готовности к изничтожению жертв.

— Грязнокровка, — сквозь зубы произнёс старший Нотт, смотря прямо в её глаза.

Тео повернул голову и на мгновение, кажется, потерял дар речи, он просто глядел вперёд и не мог сообразить, что делать дальше. Объяснения здесь бы сгодились, но явно не те, о которых он думал.

— Круцио, — произнёс Тео, посылая в отца очередной поток боли.

Быстрыми шагами подойдя к Гермионе, он схватил её за запястье и вывел прочь из камеры, закрывая ту на один из замков и накладывая защитное заклинание.

Оглянувшись, он кивнул ей в сторону небольшого коридора, куда она скорее и направилась.

— Ты пытаешь отца в подземельях Малфоя? — не веря в происходящее, спросила она.

— Не переживай, он в курсе, — натянув привычную ухмылку, ответил Тео. — А вот знает ли он, где ты ходишь, пока его нет, вопрос отличный.

— Не переводи тему, — строго произнесла Гермиона, осадив его. — Почему твой отец здесь? Зачем ты его пытаешь и что вообще думают об этом ваши братья по несчастью...

Последнее она спросила, бросая неоднозначный взгляд на метку. Тео мгновенно опустил рукав рубашки, прикрывая её. После он скрестил руки на груди и с ног до головы осмотрел Гермиону.

— Не твоё дело, Грейнджер, — грубо ответил он и кивнул в сторону выхода.
— Занимайся своими смертями.

Развернувшись, он поспешил вновь к камере. Гермиона начала оглядываться, не желая отпускать его. Потому что Тео сейчас становился отличным решением, самым верным, которое она могла представить.

— Научи меня, — крикнула она ему вслед.

Мгновение. Он замер. Несколько секунд Тео стоял практически неподвижно, смотря перед собой, его спина была напряжена, а пальцы крепко сжимали палочку. Гермиона не знала, что именно происходило сейчас в его голове, но очень надеялась, что её просьбу он оценит с тем же энтузиазмом, что и предложение выпить.

Развернувшись, он смерил её заинтересованным взглядом, будто бы пытался уловить некую игру и обман. Она верила, что выглядит сейчас как самый искренний человек во всём чёртовом мире.

— Я слышал, как твой эльф говорил Малфоя, что смерть Сириуса прошла не очень...

— Мне не удалось ни одно проклятие, и я вонзила нож в его шею, — спокойно ответила Гермиона, смотря на него. — И я не понимаю, почему мне недостаёт сил, чтобы наслать столько боли, сколько я способна испытать.

Тео усмехнулся, не зло, скорее с некой иронией, словно это удивительно, что именно она сейчас хочет научиться проклинать некогда друзей. Сделав несколько шагов к ней, Тео вновь взял её за запястье и взглянул на палочку, пальцами проводя по витиеватым узорам.

— Сколько раз пыталась? — спросил он, неотрывно смотря на древко.

— Две, может быть, три сотни раз. На растениях, — пожалала плечами она. — Но всё тщетно, пара слабых искр — это всё, что я могла.

Он хмыкнул, а после кивнул в сторону камеры. Как только они оказались там, он мгновенно снял чары и плечом подпёр проём. Тео внимательно смотрел на отца, который только успел восстановить дыхание.

— На живых людях тренироваться проще, Грейнджер, — улыбаясь, ответил Тео. — К твоему счастью, у меня заваялся один подопытный.

Лицо старшего Нотта искажил ужас, с которым он смотрел на Гермиону и собственного сына. Казалось, такого она не видела даже во взгляде самого Тёмного Лорда. Она ещё не знала, за что Тео пытал отца, но предполагала, что очень скоро познает все тайны семейства Ноттов и поможет в осуществлении персонального отмщения...

***

— Ты не должна ненавидеть или презирать жертву, — спокойно произнёс

Тео, вставая за её спиной. — Необходимо наказывать его за содеянное болью.

Коснувшись её запястья, Тео легко потянул его вверх, обхватывая пальцами её руку, державшую древко. На мгновение Гермiona почувствовала ком в горле, а после равномерное дыхание Тео у своего уха. Словно он не собирался проклинать, а преподавал безобидные заклинания.

— Когда я говорю Непростительное, я представляю, что оказываюсь в прошлом, в моменте, когда он заслуживал этого больше всего, — твердил Тео немного тише, неотрывно смотря на прижавшегося к стене отца.

Вид старшего Нотта, Пожирателя смерти и убийцы грязнокровок со стажем вызывал жалость и сострадание. Ни капли желания пытать, и это становилось одной из главных её ошибок. Жалеть казнённых перед наказанием...

— Дело в идеологии. Он не обязан осуществить зло, по мнению мира, его поступок должен являться роковым и достойным наказания конкретно для тебя, Грейнджер, — спокойно продолжал Тео.

Но вместе с голосом, спокойно идущим, подобно лодке на тихой реке, Гермiona чувствовала силу, с которой он сжимал её руку. Будто бы это проклятие, злость и воспоминания, клубящиеся в нём, выходили наружу через насилие.

— И лишь когда ты это видишь, ощущаешь, то произносишь, — шепнул он, и в этот момент его палец скользнул на её палочку. — Круцио.

Проклятие из её собственного древка ударило по старшему Нотту настолько сильно, что тот мгновенно упал на землю, кашля кровью. Улыбнувшись, Тео сделал шаг назад и обошёл Гермionу, вставая перед ней и вновь касаясь её рук. Но вместо того, чтобы обхватить их, он положил её пальцы на свою голову.

— Когда я родился, моей матери было девятнадцать, а отцу пятьдесят два, — произнёс он. — И если думаешь, что это был счастливый брак по взаимной любви, то ты ошибаешься.

Гермиона кожей ощутила кудри Тео. Он кивнул ей, прикрывая глаза и будто впуская в собственное сознание. Оставалось лишь войти и увидеть то, что он собирался ей показать. Гермiona понимала, что ничего доброго и хорошего от этого ждать не придётся. Поэтому вобрала в лёгкие побольше воздуха и поджала губы, прежде чем ворваться в разум Нотта.

Воспоминания, заструившиеся перед ней, явно принадлежали не самому Тео, они были женские и горькие. Насилие, словно краска, окутывало каждую мысль, каждый кадр, подобно фильмам ужасов, которые транслировали по старому телевизору у неё дома. И самое страшное, что всё это не выдумка сценаристов или опережающие время спецэффекты, перед ней стелилась реальность.

— Нет, умоляю, пожалуйста, не надо, — говорила молодая девушка, в одной сорочке стоящая посреди дорогой спальни.

Нотт-старший в ответ на её слова лишь ухмылялся. Словно зверь, он медленными шагами подбирался к своей жене, нагоняя ужас и страх. Казалось, что он наслаждался подобными эмоциями в её глазах и испытывал истинное

удовольствие от слёз, катившихся по её щекам. Она же лишь качала головой, умоляла, просила, пыталась сбежать, но на него это действовало будто красная мантия для быка, лишь раззадоривало.

— Эвелин, ты же знаешь, мне нужен наследник и очень скоро, — добавил Нотт-старший, делая очередной выпад вперёд.

— Я не хочу, вы же обещали повременить, — твердила она, захлёбываясь в собственных слезах. — Мне страшно, отойдите.

Нотт-старший лишь фыркнул и сделал два больших шага к ней. Мгновенно Эвелин бросилась в сторону, пытаясь взять палочку, но сильные руки тут же схватили её за талию и швырнули на кровать животом вниз.

— Отпустите меня, пустите, — кричала она, вероятно надеясь на помощь, но никто её не слышал, кроме супруга, придавившего собственным телом.

Схватив её за запястья, он заломил их назад, прижимая к поясице, отчего послышались звонкий хруст костей и громкая мольба о помощи. Она пыталась вырваться, бороться, оттолкнуть его, но за каждым действием следовал удар, поворот руки, приносящий боль, и слова о том, что никто её не слышит и никогда не поможет.

— Громче, милая Эвелин, я хочу слышать, каково тебе, — говорил Нотт-старший.

Его ладонь опустилась на её бедро, коленом он прижал её ноги к кровати, продолжая удерживать руки, и дёрнул к низу бельё. В эту секунду Гермiona, наблюдающая за происходящим, отвернулась, не желая смотреть, но продолжая слышать. Женские крики, истошные, надрывающие горло, молящие о помощи, о спасении и его смех, стоны наслаждения и требования, чтобы она была громче.

Ему нравились её страдания.

Мгновение, и картина сменилась следующей, открывая перед Гермioniоной камеру и ту же Эвелин, прикованную к стене. Нотт-старший вливал в её горло зелье, которым она давилась и всё пыталась выплюнуть. Но он слишком сильно удерживал её голову, заставляя глотать каждую каплю.

— А теперь мы продолжим нашу увлекательную беседу, — с улыбкой произнёс Нотт-старший. — Ты любишь меня, Эвелин?

Он спрашивал это, смотря в её заплаканные глаза, удерживая за волосы, которые местами оставались на его пальцах. Её губы дрожали, словно она пыталась совладать с действием зелья, и это подвело Гермioniону к понимаю — Сыворотка правды.

— Ненавижу, я ненавижу тебя, — говорила она, не сумев побороть себя.

— Круцио! — произнёс Нотт-старший, направляя на неё палочку.

Она вновь кричала от боли, раз за разом. И так повторялось по кругу: он спрашивал, получал ответ, который его не устраивал, и за это же истязал. Старший-Нотт сам лишил её возможности солгать, заставлял говорить правду и

пытал, потому что ему она не нравилась.

Ситуация безвыходная, не имеющая альтернативы или спасения, лишь удручающий финал, который рано или поздно настанет.

Кадр вновь сменился, перемещая их в небольшую башню с распахнутым настежь окном и маленьким мальчиком, стоящим напротив Эвелин и держащим в руках плюшевого медведя. Лишь сейчас Гермiona понимала, что последнее воспоминания не принадлежало Эвелин. Оно было Тео, маленького мальчика, мать которого в это же мгновение от него отошла.

— Прощай, дорогой, — произнесла она, шагая за окно.

Тео подбежал к краю, едва ли не выпрыгивая за ней, когда за руку его схватил отец, утягивая назад и выглядывая на улицу. Маленький Тео заплакал, начал звать маму и просил вернуть её, на что отец лишь ухмыльнулся и тотчас вызвал домовика...

Вынырнув из головы Тео, Гермiona ощутила горячие слёзы, омывающие собственные щёки, и с сожалением взглянула на уже повзрослевшего сокурсника. Он же сразу, как она его отпустила, схватился за собственную палочку и наслал очередное проклятие на отца. Тело Нотта-старшего едва функционировало и уже было не способно даже кричать...

— Я хочу, чтобы от боли его сердце остановилось, — добавил Нотт. — Он умрёт так же, как она, своей смертью, потому что не выдержит мучений.

Развернувшись к Гермione, Тео вновь обошёл её вокруг, вставая за спиной и кладя свою руку поверх её.

— Попробуешь? — спросил он, направляя палочку на отца.

Несколько секунд она смотрела на Нотта-старшего, раз за разом воспроизводя в голове картины минувшего и представляя, как сама оказывается там, спасая Эвелин. Древко само потянулось вверх, а с губ сорвалось:

— Круцио.

Поток силы и энергии прошёлся по её телу, прямо из ноющего сердца до конца палочки, практически выстреливая проклятием в сердце едва дышавшего Нотта.

Последний вскрик, и он рухнул на пол без сознания, а спустя пару секунд его тело не двигалось даже при дыхании, возможно, потому что трупы не имеют свойства втягивать воздух...

***

Сменивший Драко Тео казался счастливым, будто бы одна из главных целей его жизни была исполнена в одночасье. Как оказалось потом, так и было, Теодор Нотт-старший умер, его сердце остановилось, не выдержав нескольких месяцев пыток. Драко считал эту смерть правильной, словно ужасный злодей наконец-то ощутил на себе раны, нанесённые своим жертвам. Наверное, так выглядело

возмездие, не приукрашенное, красивое или вознесённое, а честное, справедливое и громкое.

Однако, когда Драко спросил у Тео, каково это, бросать смертельный Круциатус в человека, сломавшего жизнь его матери и ему, тот ответил, что не знает. Последний удар нанёс вовсе не он, а Гермиона Грейнджер, ставшая неожиданным свидетелем насилия в подzemелье Малфой-мэнора. Удивило ли это Драко? Безусловно, он не ожидал, что именно в Нотта-старшего полетит первое успешное проклятие Грейнджер.

Но Драко был рад, слишком сильно, чтобы не найти её сразу же, как оказался дома. Он хотел заглянуть в её глаза, не уставшие от боли, измученные совестью и изувеченные прошлым. Драко надеялся увидеть там свет, тот, который любил, возносил и желал больше, чем собственного благополучия.

Она сидела в саду среди опавших осенних листьев и слушала свист ветра, блаженно прикрыв веки. Казалось, что мир остановился. Уже не имели значения Тёмный Лорд, возмездие Тео, какой сейчас год, обстоятельства или что их ждёт в будущем. Они с Грейнджер находились друг напротив друга, она улыбалась, жадно вдыхая свежий воздух, а он наблюдал за ней, чувствуя себя счастливым.

— Малфой, ты самый странный маньяк, — произнесла она, открывая глаза и смотря на него.

Драко хмыкнул и подошёл ближе, не опускаясь рядом на лавку, а просто становясь поблизости.

— Учился у лучшей, — прищурившись, ответил он.

Грейнджер громко рассмеялась и поднялась на ноги, внимательно смотря на него. Поджав губы, она схватила его за запястье, утягивая в глубь сада.

— Хочу тебе кое-что показать, — загадочно произнесла она, ведя его за собой.

— Хочешь удивить меня предметом в моем же саду? — продолжал смеяться Драко, но всё же шёл за ней.

Грейнджер закатила глаза и не ответила, лишь ускорила шаг, подводя его к одной из мраморных статуй. Когда они замерли, он наконец понял, что настолько заинтересовало её.

Перед ними был изображён волшебник, палочкой вытягивающий из разума воспоминания. Пробная версия легилименции, более легальная, но вместе с тем практически бесполезная, если не любить проживать одну историю несколько раз.

— Сегодня я была в голове Тео, — произнесла Грейнджер, поджав губы. — Он сам меня пустил туда. И знаешь, я почти прожила с ним и его матерью произошедшее.

Развернувшись, она отпустила его руку и, вобрав в лёгкие больше воздуха, продолжила:

— Когда я была в твоём разуме, то не чувствовала ничего.

— Потому что тебя там не ждали, — хмыкнул Малфой, прищурившись.

— Да, — выдохнула она, на мгновение опустив голову. — Беспорядочное брожение по чужой памяти подобно насилию. И если раньше мне было безразлично, что ты при этом чувствуешь, то сейчас...

Она замолчала, подбирая слова, на которые решилась. Ожидание было словно пытка, он внимательно смотрел в её глаза, испытывая невероятную жажду продолжения. По её инициативе, с её слов и согласия, потому что она хотела этого, а не он заставил. Вот к чему он стремился и, кажется, наконец обретал.

— Прости меня, — добавила Грейнджер. — Мне жаль, что я так поступила, и надеюсь, что однажды у меня получится искупить вину перед тобой.

Он тепло улыбнулся, видя в её глазах сожаление и бесконечно прекрасное чувство, подпитывающее её смелость и потребность в прощении. Не мог... Малфой просто не смог бы её оттолкнуть, даже если бы очень сильно этого захотел.

— Прощаю, Грейнджер, — выдохнул Драко, наблюдая, как улыбка расцветает на её лице.

— Ещё никогда прощение Драко Малфоя не давалось так легко, — удивилась она. — Я особенная?

Вопрос с явным намёком на взаимность, но он её не даст, не первым. Драко хотел, чтобы это был её шаг, полноценный, не обусловленный необходимостью или страхами. Только собственными желаниями и чувствами, вырывающимися наружу из трепещущего сердца.

— А ты ещё не поняла? — спросил Драко. — Грейнджер, огромное количество людей обманом проникали в мой разум, но лишь ты среди них ещё дышишь.

Она свела брови к переносице, а после шагнула к нему ближе, почти вплотную, он чувствовал её грудь и тёплое дыхание на подбородке.

— Так убей меня, — произнесла она, смотря в его лицо, словно ища там подтверждение.

Но он лишь усмехнулся, качая головой. Грейнджер рвано выдохнула, опустила взгляд на его губы, а после вновь заглянула в глаза. Сейчас она находилась на тонкой грани между решительностью и опасением, он думал, что же Грейнджер выберет сегодня, но ответ пришёл совсем скоро.

Подавшись вперёд, она накрыла его губы своими, нежно проводя языком между ними и толкаясь внутрь, жадно вдыхая дурманящий аромат парфюма. На несколько мгновений она отстранилась, будто ища подвох. Но в следующую секунду её ладони скользнули по его плечам вверх и сомкнулись на затылке, и она прижалась ближе, целуя. Неумело, но решительно и желанно, словно крича о том, насколько он ей сейчас необходим и как каждое прикосновение становится важным.

Он отвечал ей, забирая инициативу, прижимая к себе за талию и нежно поглаживая большим пальцем уголок губ, слыша запах пионов осенью. Отдача, с которой она погружалась в их совместный момент, грела его изувеченную душу, чтобы он делился этим с ней, залечивая раны.

Это был слишком долгий путь к столкновению, чтобы не насладиться им вдоволь, не прочувствовать друг друга. От редких вдохов, бьющих по слуху, до биения сердца сквозь ткань и кожу. Полноценное, необходимое, важное и обретённое, не важно насколько, главное — сейчас.

Примечание к части

И вы этого дождалась) Как там эмоции от происходящего?)

Для спойлеров и обсуждений оставляю ссылку на тг-канал
<https://t.me/friendmalfoy>

Примечание к части Фанатам Рона Уизли рекомендуем быть бдительными. В главе описаны сцены, которые могут сильно вас обидеть. Прошу, не принимайте близко к сердцу ♥

Глава 12 «Безразличные мужчины»

Январь, 1997 год, Хогвартс

Претензия к себе — один из часто встречающихся недугов у девушек-подростков, когда самооценка опущена на уровень пола. И им Гермиона страдала с заметной периодичностью.

Первым её чувством, когда боль от недоступности желанного стала проскальзывать в сознание, оказалась зависть. Ощущение для Гермионы очень простое, понятное, но не всегда ею признаваемое. Зачастую оно переходило в злость и презрение к тем, кому доступно необходимое ей. Но иногда превращалось в ненависть к собственному отражению и бесконечным попыткам сделать себя лучше.

Мозг пускался в погоню за недостатками, насильно искореняя даже небольшую деталь, способную преградить путь. В такие моменты её сознание было безжалостно, уже не существовало золотой середины, правильного или неправильного, а только хорошее и плохое.

И Гермиона верила, что, пока не уничтожит всё ненужное и бесполезное, не обретёт желаемое и счастлива не будет. Упущение, за которое платила психика.

После выявления «недостатков» она действовала, пыталась выковать из себя идеал с помощью злости и ненависти. А следом удивлялась, почему из боли не получается счастье, и приходила к мысли, что всегда делает недостаточно. Постепенно Гермиона забывала о своих успехах, запоминала лишь недостатки и ненавидела себя за последние. Это искореняло в ней желание жить, убивало стремления и заставляло слепнуть, когда речь заходила о достижениях.

Наблюдая за счастливыми Роном и Браун, Гермиона всё чаще чувствовала себя ущемлённой. По утрам она часами стояла у зеркала, пытаясь найти недостатки тела, днём следила за Браун в поисках «изюминки» и ощущала неугасающую боль, когда сознание заходило в тупик. Гермиона не видела в ней положительных качеств, которыми бы не обладала сама, не замечала навыков, не дававшихся ей, но Рон всё равно выбирал Браун.

И самое болезненное даже не его любовь к Браун, а факт, что он знал о чувствах Гермионы и всё равно продолжал показывать своё счастье. С одной стороны, это всё неправильно, Рон не обязан любить её, но с другой — Гермионе всё чаще казалось, будто его отношение к Браун было лишь изощрённым наказанием.

Даже сейчас... Рон не заходил в библиотеку месяцами, но именно сегодня, после их с Гермионой утренней ссоры, он пришёл и сел прямо перед её столом.

Показательно, ярко, страстно и практически без остановки он целовал Браун, игнорируя её вопросы о чрезмерной тактильности и просьбы не отвлекать. Казалось, будто Рон мстил Гермионе за утренние слова, и если

раньше ей это виделось надуманным, то сейчас она лишь больше убеждалась.

В голову закрадывались мысли: а стоил ли человек, который с ней так поступал, таких страданий? Она бы хотела сказать, что нет, но клокочущий огонёк надежды сдавался, предавая гордость ради кратких мгновений близости.

— Гермиона, — с улыбкой произнёс Рон, усаживаясь рядом с ней. — Как хорошо, что ты здесь.

— Я нахожусь тут практически всё время, — грубо ответила Гермиона, продолжая смотреть в книгу.

Минутное молчание, и краем глаза она заметила лёгкое недоумение на его лице.

— Не важно, — махнул рукой Рон. — Мне нужна твоя помощь. Ты же девушка.

— Какой наблюдательный, — прыснула она.

Возможно, дело было в манипуляциях Рона, всплывающих в разуме Гермионы одна за одной. Может быть, в сценах любовного характера, которые он разворачивал перед ней. Но желание зацепиться за каждое его слово брало над ней верх, сознание будто само подсказывало колкие фразы в ответ.

— Я хочу устроить свидание Лаванде, — пропуская её слова мимо ушей, произнёс он. — Какое бы тебе понравилось?

Издевательство. Чистой воды.

В голове Гермионы пронеслась мысль: приносит ли ему это удовольствие? Она прекрасно понимала, что Рон знает, насколько ей больно видеть их с Браун вместе, и при этом просит её рассказать собственные желания. Мечты, воплотить которые ей бы хотелось с ним самой, но он узнавал их для другой.

— Я не думала об этом, — пожала плечами Гермиона. — Спроси у Джинни.

— Странно обсуждать с сестрой своих девушек, — спокойно ответил Рон, наклоняясь над столом. — Может быть, посмотришь на меня? Неудобно разговаривать с твоим затылком, книжки не убегут.

Гермиона подняла голову, сначала смотря в пустоту перед собой, а уже после взглянула на улыбающегося Рона. Убеждение, что её боль ему и правда доставляла удовольствие, более прочно осваивалась в сознании.

— А со мной не странно? — спросила она, выгнув бровь.

— С тобой проще, — пожал плечами Рон. — Я же нравлюсь тебе, наверняка думала об этом, поделись.

Он говорил так просто, словно перечислял список покупок для Хогсмита, и это уничтожало. Рон намеренно делал ей больно, всё равно, была ли это месть или у него просто садистское настроение. Он делился этим осознанно, целенаправленно и ждал результата, стараясь увидеть страдание в её глазах.

В горле застрял ком, желание ударить его, наслать проклятие, сделать всё, чтобы ему было так же больно, как и ей, стало возвышаться над рациональным мышлением.

Гермиона не ответила ему, лишь быстро поднялась и скорее двинулась в дальнюю сторону библиотеки. Но дойти туда ей не удалось, влага застилала глаза уже у второго шкафа, и она свернула за него, приземляясь на твёрдый пол и чувствуя, как слёзы катятся по щекам.

Хрипы и крики застревают в горле, а мысли уже не складываются в единую картину, оставляя лишь боль.

Он никогда не будет с ней, ни за что, как бы она ни старалась и чего бы ни делала. Потому что не мог человек, которому ты небезразличен, так с тобой поступать. А Рон не просто поступал, он наслаждался, и та улыбка, не сходящая с его лица при каждом слове, лишь это доказывала.

— И что за парад злорадства? — хмыкнула Джинни.

Подняв голову, Гермиона выглянула из-за стеллажа. Джинни опустилась около веселящегося Рона и ударила его по плечу. На мгновение он повернулся, но Гермиона тут же вернулась за шкаф, надеясь, что он всё-таки её не заметил.

— Мы разговаривали, — спокойно ответил Рон.

— Поэтому она чуть ли не в слезах ушла отсюда? — злостно произнесла Джинни.

Послышался тяжёлый вздох.

— Иногда Гермионе стоит напомнить, как следует себя вести, — сказал Рон. — Утром мы поссорились, и она была со мной груба.

— Прости, что? — удивлённо переспросила Джинни. — Вы поругались, и ты специально сел сюда, чтобы довести её? У тебя всё в порядке?

Возмущению Джинни не было предела, и Гермионе даже на пару мгновений показалось, что скоро этот разговор услышат люди, сидящие дальше двух стеллажей от стола.

— Я помогаю ей, — хмыкнул Рон. — Гермиона хочет быть со мной, и я, в принципе, не против, но мне нужно понимать, на что я меняю Лаванду.

Сведя брови к переносице, Гермиона покачала головой. То, что говорил Рон, звучало настолько ужасно, что поверить в реальность происходящего она не могла. Может быть, это всё-таки сон?

— И если Гермионе удастся померить свой пыл поучать, — в голосе слышалась улыбка, — у неё есть шанс. Я помогаю ей как друг.

— Ни одна уважающая себя девушка...

— Именно, — щёлкнул пальцами Рон. — Если бы Гермиона уважала себя, она бы не возвращалась к нам каждый раз. Мы не всегда хорошие друзья, но это

лучше, чем ничего. Она это понимает.

Постоянно предпочитая друзей себе, Гермиона перестала быть для них важной, превратившись в удобную. Возможно, после этого диалога, который разбил сердце в осколки и заставил дрожать на полу библиотеки, ей стоило всё осознать, изменить. Но она не смогла. Рон был прав — Гермиона боялась одиночества настолько, что терпела. Это было больно, тяжело, но лучше, чем пустота...

Главная ошибка.

В ту ночь она не вернулась в комнату, уснув на одном из диванов в библиотеке. Ей не хотелось видеть людей, было необходимо то самое одиночество, чтобы на некоторое время перестать чувствовать себя бесхребетной.

Ноябрь, 1999 года, Штаб №8

И лишь спустя несколько недель одиночества и ощущения, что у неё не осталось ничего, Гермиона стала понимать. Она не была для них человеком. Её желания, мечты, цели и потребности пресекались сразу, когда появлялась надежда на лучшее. Что Сириус, что Рон лепили из неё удобное создание, которое было вынуждено слушаться и потакать из страха остаться одной.

С этим пониманием месть давалась проще, Круциатусы получались лучше, а желание поквитаться становилось ярче. Так холодной ноябрьской ночью Гермиона оказалась в штабе номер восемь, где и обитал Рон Уизли. Оглушить его было несложно, вечер он проводил в полусонном состоянии, лёжа в кровати. Почти пустая бутылка огневиски убеждала в отсутствии сопротивления, а железный стул, принесённый из допросной за неимением своего, гарантировал прочные путы.

Поэтому сейчас Гермиона спокойно сидела в одном из кресел, наблюдая за радостным Энди. Домовик довольно улыбался и кружил вокруг Рона, создавая всё новые и новые узлы, чтобы тот ни в коем случае не сумел выбраться. Издалека могло показаться, что поведение Энди было обусловлено врождёнными садистскими наклонностями, но нет.

Энди получал истинное удовольствие не от стягивания узлов, а связывая человека, расстроившего его госпожу.

После её возвращения из подземелья Энди очень «тактично» уговаривал взять его с собой. Да, он, конечно, говорил, что ему так будет удобнее, что без неё в поместье совсем нечего делать и что он давно хотел подышать лесным воздухом, но Гермиона знала истинную причину.

Несложно было догадаться: эльф испытывал непреодолимое желание заглянуть в глаза «уроду Уизли», как называл Рона Малфой, который никогда не ценил свою подругу, а в итоге и вовсе предал. Именно после многочисленных тирад Малфоя о Роне Энди решил отправиться с Гермионой и явно не из благородных побуждений. Но, как бы странно ни было, Гермионе это нравилось.

Энди знал, что быть ему здесь не обязательно, что она справится сама, ему достаточно вовремя забрать её. Но он пошёл с ней, желая помочь, быть рядом и

вдоволь насладиться её мезтью. Это ценилось, потому что Энди поступал так не из-за её слов или уступок, а потому что хотел.

Преданность, не обусловленная долгом.

Это грело её душу, напоминая, что не все домовики рабы. Иногда они со своим господином вовсе не из-за приверженности или отсутствия выбора, а потому что сами этого хотят. Энди был одним из таких, и это не забывалось.

— Что происходит? — сипло произнёс Рон, открывая глаза.

Энди и ухом не повёл, затягивая узел на запястьях туже и обходя Рона по кругу, чтобы привязать ноги к стулу.

— Ты чего это делаешь? — возмутился Рон, пытаясь выбраться, но пути лишь крепче стиснули его кожу, отдавая болью. — А ну-ка прекрати! С кем я говорю?!

— Он не общается с людьми глупее гиппогрифа, — спокойно ответила Гермиона, переводя взгляд с собственного маникюра на Рона. — Считает, что это атрофирует мозговую деятельность.

Рон замер, неотрывно смотря на довольно кружасьего вокруг ножки стула эльфа. Гермиона же продолжала внимательно наблюдать, чтобы увидеть его глаза, когда он поднимет голову и наконец осознает происходящее. Рон узнал её голос, это она поняла по лёгкой дрожи и застывшему на лице удивлению, и боялся убедиться в своих догадках наглядно.

— Госпожа, я закончил, — сказал Энди, поворачиваясь к Гермионе и выставляя перед собой ладони. — Можно помыть руки после этого?

Улыбка на лице Энди была настолько широкой, что Гермиона даже усмехнулась, прежде чем кивнуть. И пока Энди отправился к одному из тазов, очищать себя от Рона, тот наконец-то поднял взгляд на Гермиону.

— Привет, Рональд, — помахав ему, произнесла она. — Как день прошёл?

Он прикрыл глаза и покачал головой, словно пытаясь отогнать её от своего сознания.

Считал, что перед ним мираж. Наивно.

Вновь посмотрев на неё, он вздрогнул, убеждаясь, что сидящая Гермиона более чем реальна и это не плод воображения или давно мёртвой совести.

— Это ты убила Сириуса, — прошептал он.

— Правильно, — улыбнулась она. — Наконец-то и от тебя поступают верные ответы.

— Зачем? Что с тобой сделали? Это Империиус?

Энди подошёл ближе к ней, разводя руки в разные стороны, тем самым стараясь их высушить.

— Считаешь, у меня нет мотивов сделать это по своей воле? — хмыкнула она.
— Вот чего-чего, а их у меня достаточно.

— Говоришь, как злодей из плохих историй, — рассмеялся Рон. — Развяжи меня и спокойно всё обсудим, Гарри будет рад...

— Круцио, — не дав ему продолжить, произнесла Гермиона.

Проклятие заставило Рона закричать, дугой выгнуться на стуле, широко раскрыть рот и с ужасом посмотреть на спокойную Гермиону. То самое удовольствие, за которым она шла убивать Сириуса, наконец-то заструилось по венам желанным адреналином, наполняя силами.

— Гермиона, прекрати, мы же друзья! — тяжело дыша, сказал Рон, смотря на неё.

Встав с кресла, она медленно подошла к нему, постукивая палочкой по подбородку и наблюдая за всеми рваными вздохами и нотками ужаса на его лице. Уперевшись руками в колени, она пригнулась, заглядывая ему в глаза.

— Разве? — играючи удивилась она. — Не девочка, которую нужно учить быть правильной для тебя?

Огонёк понимания заискрился в его взгляде.

— Не наивная, которая всегда возвращается, как бы больно ей ни сделали?

Гермиона склонила голову набок.

— Не та, кого продали взамен на твою жизнь, Рон? Я точно друг? Потому что ты никогда не обращался со мной по-дружески, — грубее ответила она, всматриваясь в его лицо.

Это было приятнее, чем с Сириусом. Каждое слово, напоминание словно откалывалось от неё ледником, уплывая в далёкий океан, где потопит всех обидчиков. Рано или поздно.

— Из-за этого ты убиваешь? Готова пытаться меня? — начинал злиться Рон.

Он никогда не умел контролировать агрессию.

— А почему нет? — улыбнувшись, спросила она.

Выпрямившись, Гермиона сделала несколько шагов, вновь опускаясь в кресло.

— Считаю, что путь к искуплению равен боли, — отметила она, перекидывая ногу на ногу. — А мы друзья, я обязана облегчить твой путь. Круцио!

Он закричал и стиснул зубы, жмурясь и трясясь от страданий. Словно приятная нега, его мучения разливались по её телу, вознося от неприкрытой злобы и многолетней обиды к искуплению. Разница в том, что Гермиона извинялась перед самой собой за то, что терпела, позволяла и соглашалась.

За то, что эти проклятия не сорвались с её палочки раньше.

— Это Малфой? Он тебя заставил? Ты променяла свою жизнь на наши? — обвинял Рон. — Продажная...

— Госпожа, он весь пол исцарапал стулом, — вклинился в разговор Энди, не позволив Рону закончить фразу. — Давайте приколотим его ноги?

С этими словами Энди начал спешно оглядываться.

— Я точно видел здесь молоток и гвозди...

Нескрываемый ужас мелькнул в глазах Рона в то же мгновение, когда Энди стал обходить хижину в поисках нужных предметов. Казалось, что за эти несколько секунд Гермиона изучила всю палитру эмоций Рона и уже сомневалась, равен ли его эмоциональный диапазон зубочистке. Бояться он умел многогранно...

— Не стоит, Энди, — произнесла Гермиона, на что домовик учтиво кивнул и подошёл обратно к ней.

— Ты же спасала домовиков, — прорычал Рон. — А теперь сама крутишь ими как хочешь! Чем ты лучше тех работорговцев?

И в это мгновение Гермиона даже не успела ответить. Энди преодолел расстояние между ними и Роном в считанные секунды и запрыгнул к нему на бёдра. Громкая пощёчина отпечаталась на лице Рона алым пятном, а после Энди схватил его за воротник рубашки, заставляя смотреть в глаза.

— Энди не раб, а преданный друг, — закричал он. — Но ты не знаешь, что это такое.

С этими словами он брезгливо оттолкнул Рона и спрыгнул обратно на пол, вставая около Гермионы и всё ещё косясь на угол с инструментами. Оба внимательно смотрели на эльфа, скрестившего руки на груди и ожидающего дальнейших указаний. Поджав губы, Гермиона вновь взглянула на Рона, и после уже ни один Круциатус не был для неё в тягость...

Проклятия раз за разом одолевали несчастного Рона. Он кричал, угрожал, умолял, просил, обещал. Казалось, что в один момент он сам перестал понимать, что несёт, но всё продолжал, желая остановить пытку. Но всё, что слышала и осознавала Гермиона, донимая его, это недостаточность.

Будто бы Круциатус — это меньшее из зол, которое она может ему причинить. Не только за его «воспитание», но и за то, что он не остановил Гарри, приняв его выбор и смирившись с её участью слишком быстро.

В одно мгновение Рон потерял сознание.

Когда его тело ослабло, еле ощутимое дыхание уже не было слышно, а глаза закрылись, Гермиона ухмыльнулась, довольная своей работой. Оставался последний шаг её плана, куда более извращенный и ужасный, чем можно было представить в начале...

— С бергамотом? — произнёс Энди, колдуя над заварочным чайником.

— Пожалуй, — кивнула Гермиона, отводя взгляд.

Вокруг них расстилался дивной красоты ночной лес, в воздухе витали ароматы горячего чая и холодной осени, а слуха касался глас кукушки. Прикрыв глаза, Гермиона на несколько секунд забыла, что импровизированный столик находился близ одного из штабов Ордена Феникса, а позади неё стояло надгробие, под которым был зарыт Рон Уизли. Пока что живой, ещё дышащий и способный кричать. Последнее и подводило её к завершающей части плана.

— Боится пауков, правда? — смеялся Энди, усаживаясь напротив госпожи.

— Это никогда не было тайной, — пожала плечами Гермиона, бросая взгляд на свежую могилу. — Он был прямолинеен, я тоже.

Энди довольно усмехнулся и с наслаждением вдохнул свежий воздух, делая первый глоток чая. Вдруг их слуха коснулся едва слышный крик снизу. *Из-под земли.* Улыбнувшись, Гермиона встала со стула и обошла могилу, вставая напротив и разглядывая надгробие.

**«Рональд Уизли
1 марта 1980 — 19 ноября 1999
Предатель и манипулятор».**

Взмахнув палочкой, Гермиона направила её на землю, надеясь попасть точно в Рона. Она не знала, получилось или нет, но, когда крик ужаса вновь коснулся слуха, она убедилась, что всё получилось. И сейчас Рон Уизли, лёжа в гробу под землёй, видел, как по нему ползла сотня пауков, и не мог от них никуда деться. Невербальная магия ему не давалась, древка не было, как и спасения из замкнутого пространства.

Присев обратно, она сделала глоток чая и откинулась на спинку стула, продолжая слушать крики ужаса и те же самые мольбы, словно вновь проживая мгновения пыток. В один момент на краю сознания мелькнула мысль: *это жестоко.* Но воспоминания обо всех словах, манипуляциях и «воспитании хорошей девушки для Рона Уизли» убедили, что всё правильно. Он платил, несвоевременно и с процентами.

Лишь несколько минут спустя крик прекратился, и Гермиона взглянула на Энди в надежде, что сердце Рона всё-таки остановилось от страха.

— Я проверю, госпожа.

Энди исчез, а Гермиона встала из-за столика и заставила его, как и все содержимое, исчезнуть, после чего замерла, услышав шелест травы. Оглянувшись, она улыбнулась — прямо к ней навстречу, видимо, в поисках брата, бежала Джинни Уизли.

— Рон, — прокричала Джинни, прежде чем зацепиться за один из камней и

упасть на свежую могилу, практически в ноги Гермионы.

Она лежала несколько секунд, смотря перед собой и не решаясь двинуться. Лишь через минуту Джинни подняла голову и тут же отпрыгнула назад, с ужасом глядя в глаза некогда мёртвой подруги. Ухмыльнувшись, Гермиона присела перед ней, радуясь её страху больше, чем фальшивой любви.

— Беги, — спокойно и чётко произнесла Гермиона.

Джинни попыталась подняться, но в ту же секунду вновь упала, а после подскочила и на дрожащих ногах понеслась обратно к штабу. Гермиона лишь смотрела ей вслед, ожидая речи Гарри Поттера или смерти Джинни Уизли.

Что-то из этого должно было произойти очень скоро.

— Госпожа, — произнёс Энди, оказываясь за спиной Гермионы. — Он мёртв.

Гермиона смерила Энди довольным взглядом и кивнула. Взяв его за руку, она последний раз посмотрела на надгробие, понимая, что завтра здесь его уже не будет...

***

Войдя в кабинет Малфоя, Гермиона ощутила на себе заинтересованный взгляд. И если несколько недель назад он её пугал, то сейчас был желанным и необходимым больше, чем месть.

Малфой вновь сидел за своим столом в большом кресле и перебирал известные лишь ему листы пергамента. Возможно, стоило поинтересоваться, что это, зачем они ему и с каких пор Пожиратели смерти занимаются бумажной работой. Но сознание было поглощено широкими плечами, светлыми, подобными небу, глазами и лёгкой ухмылкой на приоткрытых губах. Их особенно нравилось целовать, эти воспоминания жили в сердце, и оно хотело новые, свежие, настолько же чувственные.

— И кто же сегодня пал жертвой предательства? — спросил он, обходя стол.

Бёдра его коснулись крышки, сам Малфой сложил руки на груди крестом. Гермиона сделала несколько шагов вперёд, улыбаясь.

— Рон Уизли, по предварительным данным, — на последних словах она подмигнула. — Погиб от остановки сердца. В гробу. Будучи закопанным заживо.

Неосознанно, но она хотела увидеть восхищение в его взгляде. Словно преданный солдат, выполняющий указание своего командира, Гермиона жаждала одобрения. Ей нравилось понимать, что отмщение доставляло удовольствие не только ей, но и Малфоя. Это доказывало, что он не уйдёт, не отвернётся, останется с ней, несмотря на самый жестокий поступок. Потому что смерть Рона была одной из страшнейших, которую ей не то что довелось реализовать, даже увидеть.

Губы Малфоя искривились в одобрительной улыбке.

— И что ужасного сделал Уизли? Кроме того, что родился, — уточнил Малфой.

— На его счету очень много прегрешений, — разыгрывая строгость, ответила Гермиона. — Манипуляция женскими чувствами.

На этих словах она загнула палец, внимательно смотря за реакцией Малфоя на её слова.

— Принижения друга, — добавила она. — Потребительское отношение к окружающим...

Малфой прекрасно понимал, что натворил Рон, но вынуждал её поделиться, будто бы напоминая, зачем она это сделала и что её подтолкнуло. Это был шаг спасения, чтобы она ни разу не вернулась к сожалению, как после смерти Сириуса. Малфой в очередной раз спасал, даже от самой себя. Хотелось верить, в этом мужчине не существовало минусов, но разум подсказывал, что она просто их не видела...

Впрочем, Гермиона этого и не желала, ей нравилось замечать лишь хорошее в Малфое, потому что он заставлял её чувствовать исключительно приятное.

— Безразличие к сердцу любящей его девушки, — завершила она, загибая последний палец.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Малфой с сожалением, а Гермиона — с облегчением.

— Знаешь, — она опустила взгляд в пол, — он знал, что нравится мне, Джинни рассказала *«по-семейному»*.

— В случае Уизли — отвратительный аргумент, — фыркнул Малфой.

Гермиона горько усмехнулась.

— И когда мы с ним ссорились, он специально искал Лаванду, чтобы поцеловать её на моих глазах. Однажды даже подошёл ко мне и спросил, какое свидание я бы хотела, чтобы устроить для неё...

Последние слова дались с трудом, и Гермиона не сразу подняла голову, произнеся их. Но когда она встретилась взглядом с Малфоем, то, казалось, ощутила исходящие от него тепло и желание обнять её и прижать к себе.

— Ему было всё равно на то, что мне больно...

Она сделала шаг к Малфоя, вставая почти вплотную. Сейчас ей хотелось, чтобы он прикоснулся к ней, поцеловал, оказался рядом настолько, насколько это возможно. Стёр воспоминания о Роне раз и навсегда, чтобы тот остался ночным кошмаром, гниющим в могиле, а Драко стал новым осязаемым желанием.

— Надеюсь, что больше мужчины, к которым я равнодушна, не будут столь безразличны, — прошептала она, рвано выдыхая.

И в этот раз он опустил взгляд на её губы, прежде чем вернуться к глазам. Рывок, и она вновь почувствовала поцелуй и сильные руки на коже. Они обжигали, каждая часть тела, которой касался Малфой, горела, а остальные зудели, желая его ближе. Веки прикрылись от полученного наслаждения, а пальцы беспорядочно хватались за его плечи.

Малфой целовал поступательно, сначала нежно, едва уловимо, а после грубо, прикусывая губы почти в кровь.

Определение граней дозволенного измерялось силой, с которой она сжимала его рубашку и царапала обнажённые участки кожи. И сейчас можно было всё, любые фантазии, терзающие душу, и желания, не дающие покоя.

— Я не кажусь безразличным? — усмехнулся Малфой, отстраняясь ровно на секунду, чтобы после коснуться губами шеи.

Гермиона подняла голову и, увидев перед собой парящие свечи, почувствовала, как тепло скользит по её коже, а тяжесть опускается ниже, от талии к бедру. Дышать становилось практически невозможно, ногти едва ли не рвали его рубашку, а с губ сорвался неконтролируемый стон.

— Ты никогда не был безразличен, — ответила Гермиона, опуская голову и вновь целуя.

Пальцы спускались к рубашке, с переменным успехом вытягивая первую пуговицу из петли, пока ткань платья скользила выше, практически не прикрывая её бёдра.

Желанное, чувственное — каждое прикосновение как глоток настоящего и необходимого, а рваный вздох как сигнал к действию. Стереть весь мир и оставить их вдвоём — вот самое правильное из всех сегодняшних решений, которое хотелось ощутить с особым рвением.

— Малфой, я тут набросал план, — крик Забини послышался из-за закрытой двери.

Отстранившись, Гермиона мгновенно зашла за Драко, натягивая платье ниже и поправляя волосы, пока в комнату не успел зайти озадаченный Забини. Когда Гермиона оглянулась, то он с неподдельным любопытством и некой оценкой рассматривал Малфоя, всё ещё застёгивающего верхние пуговицы рубашки...

Со сколькими она успела справиться?

— Я не вовремя? — аккуратно спросил Забини, улыбаясь.

Он точно жалел, что закричал, прежде чем войти.

— Вовремя, что там у тебя, — строго произнёс Малфой, возвращаясь за свой стол.

Гермиона внимательно смотрела на него. Щелчок, и он лишён всего, что было с ним мгновение назад. Это либо талант, который мог нести ей как радость, так и горе, либо привычка, способная обернуться неизведанным. Об

этом стоило подумать, долго, опираясь на каждый факт, но кроткая улыбка, появившаяся ровно на секунду, заставила забыть.

Всё было в порядке. Это Драко, не безразличный, а чувственный и, кажется, её...

Примечание к части

Я считаю эту идею одной из лучших. Гермиона и Энди пьют чай на могиле Рона...
Я ЖДУ ВАШИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

А ещё жду вас в тг-канале, пообсуждаем?) <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 13 «Семейная идиллия»

Я бы отдал весь свой гений и все свои книги за то, чтобы где-нибудь была женщина, которую беспокоила бы мысль, опоздаю я или нет к обеду.

© Тургенев И.С.

Август, 1997 год, площадь Гриммо, 12

— Я не хочу лезть в это, Гермиона, — грубо ответил Гарри, закидывая в рюкзак фонарик и оборачиваясь. — Решайте с Роном свои проблемы сами, я не вмешиваюсь.

Гермиона нахмурилась и поджала губы, стараясь сдержать нахлынувшую агрессию. Заметив это, Гарри тяжело вздохнул и снисходительно улыбнулся, пытаясь сломать воцарившееся напряжение.

— Вы оба нужны мне, — добавил он. — И желательно без ссор, недомолвок и упрёков. Будь терпимее или пересмотри приоритеты.

Гарри похлопал её по плечу и быстрыми шагами вышел из кухни, оставляя её одну. Руки Гермионы сами поползли по предплечьям вверх, обнимая хозяйку, будто бы пытаясь успокоить истерзанное сердце.

Знал ли Гарри обо всём, что делал и чего добивался Рон? Исходя из последней фразы — да, навряд ли это в принципе было для него секретом. Две ссоры в жизни Рона и Гарри — это Турнир и вера в возвращение Тёмного Лорда. В остальном они всегда были заодно, знали друг о друге практически всё. А после последней недомолвки и вовсе старались быть более уступчивыми и дружелюбными, даже когда сердце требовало обратного.

Стоило надеяться, будто Гарри пытался объяснить Рону, что их с Гермионой взаимоотношения — не место для манипуляций? Навряд ли, да и зачем? Гарри придерживался политики невмешательства. Его не особо волновало, как Рон и Гермиона чувствовали себя рядом друг с другом, с ним — да, но не между собой. Зачастую он говорил, что все ссоры и неурядицы меркнут по сравнению с войной.

Раз за разом, слово за словом, и Гермиона начинала в это верить, забывая, насколько ей тяжело. Это было сложно, практически нереально, но иного выхода не существовало. Чтобы хоть немного заглушить боль, приходилось выделять из всех негативных поступков Рона хорошее. Так мозг охотнее опускал, что её опять предпочли другому, что Гермиона вновь вторая и ей нужно идти на уступки.

Может быть, Рон и не был плох? По крайней мере, он считал, что поступал правильно, тем самым заботясь о её желаниях и потребностях. Да, в очень извращённой манере, но это было из добрых побуждений. Гермиона убеждала себя в подобных доводах. С каждым днём получалось всё хуже, но альтернативы не было.

Она понимала: пора заканчивать свои попытки отдалиться от Рона. Это развивало у Гарри чувство отторжения Гермионы от Ордена Феникса и от него в том числе. Он был не так далёк от этой мысли сегодня, судя по взгляду, и подкреплять его опасения не хотелось.

Гермионе пришлось принять реальность такой, потому что поделаться с происходящим она ничего не могла.

— Гермиона, детка, как здорово, что ты здесь, — голос Молли послышался у входа в кухню.

Улыбающаяся Молли прошла внутрь и схватила со столика одну из тарелок с овощами, нож и доску. Положив всё перед собой, она опустилась за обеденный стол и начала спешно нарезать овощи, кивая Гермионе на стул напротив себя.

— Как твои дела, дорогая? — поинтересовалась Молли.

Гермиона медленно села, грустно улыбаясь напускному добродушию.

— Всё в порядке, — ответила Гермиона. — А ваши?

— Ужасно, честно говоря, — выдохнув, сказала Молли.

Голос изменился, становясь грубее, но вместе с этим не теряя ноток «доброжелательности». Словно приторный глас Амбридж, способной даже самые ужасные вещи говорить с искривлённой улыбкой, звучала Молли. Хорошего от этого диалога явно ждать не стоило, и Гермиона в то же мгновение пожалела, что не ушла сразу же за Гарри.

— Представляешь, подруга моих детей наговаривает на них, — спокойно произнесла Молли, стругая морковку. — Считаю, что это очень бессовестно. Наша семья столько для неё сделала...

Сглотнув ком, подступивший к горлу, Гермиона ощутила окутывающий жар, который заструился по телу из области груди.

— Приютила, когда та осталась без семьи, кормлю, общаюсь, — перечисляла Молли, сгребая нарезанную морковь в тарелку и приступая к картошке. — Девчонке вообще стоило радоваться, что её никто не выгнал на улицу.

Намёки прозрачные, словно водная гладь в чистом озере.

Гермиона встала и поспешила прочь, желая как можно скорее избавиться от нравучений Молли. В идеале — заснуть. Это всегда было хорошим выходом, потому что во сне не существовало реальности, Гермиона находилась в мире, который сама и создала.

Но, осознавая это, Гермиона терзалась, понимая, насколько всё неправильно. Нельзя скрываться в себе от настоящего, каким бы ужасным оно ни казалось.

— Я не отпускала тебя, Гермиона, — строгий голос Молли заставил замереть у выхода. — Вернись и сядь на место.

Хотелось воспротивиться и удалиться прочь. Но Гермиона покорно

развернулась и опустила на стул. Ссора с Молли была ей совершенно ни к чему, а находить благое в самых ужасных поступках она уже умела.

Молли не была злом, она являлась матерью, которая заботилась о благополучии своих детей. Ей безразличны их мотивы, поступки, виноваты они или нет, важно, чтобы они были счастливы. А за чей счёт и какой ценой — вопрос второстепенный.

— Я не потерплю, чтобы моих детей оговаривали. По *любым* причинам, — наказала Молли, указывая на Гермиону ножом.

Вероятно, она это делала лишь потому, что готовила, но страх в жилах Гермионы не становился меньше...

— Поэтому настоятельно рекомендую тебе прекратить так себя вести, — добавила Молли, прежде чем посмотреть на одну из кружек на столе.

Гермиона не сразу поняла, что было в посуде, но после Молли устремила взгляд на стеллаж с зельями, где отчётливо виднелась Сыворотка правды. Улыбка озарила лицо Молли, и она вновь повернулась к Гермионе.

— Я знаю, что происходит в твоей излишне умной голове, дорогая, — сказала Молли. — Будет невероятно ужасно, если твои реальные мысли узнают все здесь живущие.

Приёмы, манера общения и угрозы. Неужели Амбридж выпила Обратное зелье и стала Молли? А были ли они разными до этого? С первого взгляда, разумеется, да. Но когда коснулись дорогих для них вещей, людей и предметов, они стали худшей версией себя.

Амбридж горела Министерством, холила и лелеяла его, как рождённое ею же создание. Молли так же относилась к своим детям, несмотря на все замечания, они оставались для неё приоритетом. Поэтому в гневе эти две женщины были похожи, особенно когда дело касалось важных для них вещей.

И Гермиона понимала Молли. Если бы она сама была матерью, её меры оказались бы даже жёстче. Но сейчас Гермиона не была частью этой семьи, а в глазах Молли и вовсе становилась потенциальным врагом, от которого она избавится, если потребуется.

— Однажды я заставила тебя чувствовать себя здесь чужой, — говорила Молли.

Презрение и хитрое возмездие после статьи Риты Скитер о связях Гермионы тут же закрутились перед глазами. В тот день, ровно до слов Гарри, что всё это выдумка, Гермиона не то чтобы ощущала себя лишней. Она чувствовала, будто бы весь мир настроен против неё и деваться ей некуда...

— Тогда ты могла обратиться к семье, — Молли ласково улыбнулась. — Сейчас мы — единственное, что у тебя есть, и, если ты не хочешь оказаться на улице на радость всем Пожирателям смерти, держи язык за зубами. Поняла меня?

Решительность в глазах Молли не давала шанса на отступление. Вопрос

звучал с подвохом. У него не было правильного или неправильного ответа, только единственно возможный, который определял судьбу.

Облизнув губы, Гермиона ощутила, как ногти глубже впились в ткань джинсов, больно терзая кожу.

— Поняла, — ответила она.

— Вот и чудно, кушать будешь? — поинтересовалась Молли, вставая к плите.

— Нет, спасибо, я пойду посплю, — бросила Гермиона, вставая со стула и незаметно цепляя с нижней полки флакон Сыворотки правды.

— Правильное решение, — крикнула ей вслед Молли.

Гермиона быстро двинулась в сторону ванной комнаты и зашла внутрь, закрывая щеколду. Встав перед зеркалом, она опустила руки на раковину, внимательно смотря в собственное отражение. Измученное и напуганное лицо вызывало жалость у самой себя, а необходимое решение болью отдавало в горле.

Ходить по лезвию бритвы и ждать, пока Молли вновь не понравятся её слова или мотивы? Плохая идея. Гермионе нужно было предпринимать действия во спасение, решать, как обезопасить себя.

Бросив взгляд на Сыворотку правды в своих руках, Гермиона откупорила крышку и до дна выпила содержимое. Поставив склянку перед собой на раковину, она вобрала в лёгкие побольше воздуха и задала сама себе вопрос, желая ответить отражению ложь, но не получилось. Правда шёпотом вырывалась наружу, а сопротивление казалось невозможным.

Это был первый раз, когда Гермиона пила Сыворотку правду и пыталась лгать себе. Последний она не помнила, потому что зелье потеряло эффект. Теория, отработанная маглами на практике, проникла и в жизнь волшебников, спасая её. Организм привыкал к медикаментам, если использовать их слишком часто. А зелье, даже самое сильное, способно стать пустышкой, когда к нему выработан иммунитет.

Хотела ли Гермиона такой талант? Нет, но он стал необходим для существования. Жизнью протекающие события она назвать уже не могла.

Ноябрь, 1999 год

— Это нечестно, Грейнджер, — ответил Малфой, продолжая смотреть в небо. — Персефона была обещана Аиду, а Деметра манипуляциями над природой просто забрала у него законную жену.

Гермиона закатила глаза и сделала несколько шагов к озеру, опускаясь, чтобы коснуться ледяной воды. Дрожь заскользила по телу от непривычного мороза, и Гермиона прикрыла веки, с жадностью вдыхая свежий воздух.

— Я и не говорила, что легенда о созвездии Девы честная, — пожала плечами она, возвращаясь к нему.

Подходя ближе, она слегка одёрнула ладонь, осыпая Малфоя холодными брызгами. В ответ он схватил её за руку и рывком притянул к себе, заставляя врезаться в его тело. Гермиона шумно выдохнула, не сводя взгляда с Малфоя, а после довольно ухмыльнулась, отталкивая его от себя и делая несколько шагов назад.

— Всего лишь хотела разбавить наше ожидание, — игриво пожала плечами она, смотря на выход из леса. — Неужели было неинтересно? Макгонагалл считала меня хорошим оратором.

— То, что ты любишь поговорить, и не было секретом, — хмыкнул Малфой.

Он внимательно смотрел на неё, и от этого улыбка на лице Гермионы вырисовывалась сама. Было нечто такое в его взгляде, что вдохновляло, заставляло сердце биться чаще, губы зудеть, а дыхание замирать. Немое восхищение, струящееся серебристо-серым и наполняющее каждый уголок сознания и тела. Оно подводило Гермиону к мысли, что всё происходящее правильно, даже поступки, казавшиеся ей чудовищными.

Складывалось ощущение, что не важно, как она себя поведёт и что сделает. Не имеет значения, какое решение примет или на что пойдёт. Малфой *никогда* не перестанет так на неё смотреть. Это развязывало руки, расслабляло сознание и не требовало всегда думать о последствиях. В прошлом она жила в ловушке из предрассудков и опасений, а сейчас Гермиона испытывала невероятное умиротворение, не заботясь о будущем.

В чём было дело? Неужели одна практически смерть смогла уничтожить страх погибнуть? Или подсознание убеждено, что он останется рядом что бы ни случилось? Хотелось верить, что дело в Малфое, это было гораздо приятнее.

— Билл, где ты? — голос Молли вывел Гермиону из собственных мыслей, и она оглянулась.

Поодаль от них шла Молли Уизли. Завернутая в длинный плащ, она всё время оборачивалась по сторонам, ища своего сына, но тот не откликнулся. Поэтому голос Молли с каждым словом наполнялся ужасом, животным страхом за своего ребёнка, который был ей так дорог. Особенно в собственный день рождения.

Гермиона знала, на что давить. Понимала, куда Молли пойдёт без объяснения причин и опасений. К сыну, утверждающему в записке, что ужасно нуждается в ней и что их беседа — тайна.

Это иронично: гибелью Молли станет любовь к детям, ради которых она была готова уничтожить других.

— Имперо, — голос Малфоя прозвучал слишком близко к Гермионе, и она на мгновение оглянулась, видя направленную в сторону Молли палочку.

Та замерла, не в состоянии противиться. Теперь двигаться Молли могла лишь по приказу Малфоя. Это заставило Гермиону улыбнуться и скорее последовать к ней, чтобы заглянуть в глаза.

Гермиона желала не просто услышать, но и увидеть ужас, который концентрируется в ней. Наверное, Молли была единственной, от кого не

хотелось слышать и слова, только наблюдать, насколько той больно.

Гермиона знала: Молли не будет угрожать или насмехаться, а попытается воззвать к давно мёртвой в Ордене Феникса совести. Как истинная мать, она продолжит напоминать Гермионе, как нужно поступать, что говорить и кем быть.

Отличная манипуляция человеком, который всю жизнь считал Уизли второй семьёй. *До определённых моментов.*

— Уверен, что хочешь остаться? — спросила Гермиона, смотря на Малфоя.

— Уверен, Грейнджер, более чем, — ухмыльнулся Малфой, забирая из рук Молли палочку.

Вознеся ладонь над собой, он бросил древко в сторону воды.

Пути к спасению перекрыты, возможные шансы на побег искоренены. Оставалось насладиться краткими мгновениями возмездия и закончить с очередным человеком, принявшим участие в параде её одиночества и боли.

— По глазам вижу: Джинни уже всё рассказала, — улыбнувшись, произнесла Гермиона. — Она никогда не умела держать язык за зубами. Иронично, что учили этому вы меня, а не её.

Гермиона взяла один из булыжников, лежавших на земле, и направила на него палочку, превращая его в стакан и отдавая в руки Молли. Драко, управляющим её телом, свёл брови к переносице, наблюдая за задумкой Гермионы.

Поистине ужасной идеей, которая даже Гермионе казалась чудовищной, но очень правильной.

— Но я хотела показать вам не это, вовсе нет, — Гермиона подняла с земли другой камень, накладывая на него аналогичные чары. — Я мечтала отплатить вам той же монетой, как вы мне. Сами того не подозревая.

Палочка вновь коснулась уже новой посуды, превращая её в кучку битого стекла, которое Гермиона и высыпала в бокал. Глаза Молли наполнялись ужасом от понимания происходящего, и Гермиона улыбнулась собственной изобретательности.

В глубине души было желание послушать Молли, совсем немного. Чтобы понять, сколько напускного сожаления в ней будет, но Гермиона не решилась.

— Знали, что после ваших слов я несколько месяцев пила Сыворотку правды, чтобы выработать иммунитет?

Гермиона направила палочку в бокал, и из той заструилась вода, наполняя до самых краёв. После она склонила голову набок, наслаждаясь ужасом Молли с той же улыбкой, с которой та угрожала Гермионе изгнанием.

— Драко, скажи ей выпить, — произнесла она, бросая взгляд на Малфоя.

Вероятно, от небольшого шока, явно читавшегося на его лице, он не обратил внимания на обращение по имени и лишь отдал приказ Молли. Та пыталась сопротивляться, но тело не слушалось её, лишь исполняло указания кукловода. Вовсе не утешительные. Бокал коснулся губ, Молли широко открыла рот, а вода с примесью стекла потекла внутрь.

— На пятнадцатый день принятия Сыворотки у меня сложилось ощущение, что она разъедает гортань, — говорила Гермиона, наблюдая за Молли. — Если быть до конца откровенной, мне не удалось разобраться почему, — она издевательски улыбнулась, облизнув губы. — Представляете, никто до меня не пил это зелье как утренние витамины.

Молли продолжала глотать, даже когда кровь стекала по подбородку от многочисленных порезов во рту. А Гермиона всё наблюдала, вспоминая, насколько больно ей становилось с каждым днём от принятия зелья. Подобно стеклу, Сыворотка каплями бежала по горлу, принося ужасную боль.

Она надеялась, что сейчас Молли чувствует именно это, что ей настолько же больно и плохо, как было Гермионе все те месяцы.

Внимание невольно вильнуло к Драко, что с горечью смотрел, но не на страдающую Молли. Она, судя по всему, была ему совсем безразлична. Он глядел прямо на Гермиону, продолжающую свою тираду сумасшедшего убийцы.

— Лишь после я поняла — боли не было, — хмыкнула Гермиона. — Это психосоматика, мой организм убеждал меня, что мне больно. У вас всё проще.

Молли всё продолжала пить, делая последние глотки и давясь ими. Возможно, это должно было вызвать у Гермионы жалость, желание прекратить, остановиться, но ничего подобного не закралось в голову ни на секунду. Она чувствовала лишь лёгкое наслаждение и облегчение от когда-то испытываемой боли.

— А теперь, — произнесла Гермиона, смотря на водную гладь, — вы пойдёте туда и будете лежать под водой.

Но даже вопреки этому, некоторый соблазн оставался, ей хотелось услышать, что же скажет праведная Молли Уизли, мать семерых детей, готовая ради них на всё. Будет это оправдание, угроза, мольба или возмущение? Что она скажет? Стоило закончить всё здесь и сейчас, без объяснения и восприятия слов, но у Гермионы не получилось...

— Пусть скажет, что хочет, — сказала Гермиона, кивая Малфою.

Требование исполнено мгновенно, и всё, что смогла сказать Молли перед смертью:

— Гермиона, детка. Прошу тебя, остановись, ты разбиваешь мне сердце, — пролепетала она.

Из её рта продолжала капать кровь, а вместе со словами вылетали кусочки стекла.

— Остановиться я вам не обещаю, — покачала головой Гермиона. — Но вот

проблему решу. Сердце ведь не может разбиться, если оно не бьётся?

Вновь кивнув Малфой, Гермиона сделала шаг от Молли, прежде чем та направилась в сторону озера. Молли продолжала молить, говорить о детях, семье, напоминать о том, что Гермиона другая и никогда бы так не поступила с ней. Но все эти фразы скрылись под водной гладью, когда Молли наконец опустилась под неё с головой, не в состоянии сопротивляться магии.

Ухмыльнувшись, Гермиона подошла к озеру и вновь присела, на этот раз касаясь палочкой воды и шепча заклинания. Мгновение, и водоём покрылся толстой коркой льда, не давая шанса на спасение даже в случае снятия Империи на грани гибели.

Поднявшись, Гермиона оглянулась, смотря на Малфоя. Он с тем же удивлением наблюдал за происходящим.

— Кажется, нам пора домой?

***

Из старого магнитофона играла тихая классическая музыка, под которую и пританцовывала Рене, протирая пыль в шкафах с магическими артефактами. Энди же стоял чуть поодаль от неё, полируя бокалы для огневиски и украдкой посматривая на качество работы Рене.

— Почему каждый раз, когда я прихожу сюда, этих двоих нет? — возмутился заходящий в комнату Нотт.

Он быстрыми шагами прошёл к столику с огневиски и забрал у Энди один из бокалов.

— Пробовали предупреждать о своих визитах в чужой дом? — хмыкнул Энди, забирая посуду обратно, чтобы вновь протереть.

Нотт закатил глаза и достал один из дальних стаканов, чтобы наконец-то налить себе алкоголь и успокоиться хотя бы на несколько минут.

— Радует, что здесь всегда есть выпить, — произнёс он, беря графин.

В этот момент Рене повернула голову к Нотту и хмыкнула, недовольно прищурившись.

— Хозяин просил отрубать руки всем, кто трогает его огневиски, — вскользь упомянула она, переходя к другой полке.

Нотт сомневался в её словах ровно пять секунд, после чего поставил графин на место и обошёл столик, ложась на один из диванов. Домовики переглянулись между собой, довольно улыбаясь, а после продолжили прибираться.

Вдруг послышались хлопок входной двери и стук женских каблуков. Надеяться, что Пэнси пользуется дверью, было глупо, поэтому Нотт сразу же привстал, вытягивая шею, чтобы увидеть идущую к нему Грейнджер. Лицо её было наполнено решительностью, а взгляд устремлён на тот самый графин со

злополучным алкоголем.

Войдя, она даже не заметила Нотта, а сразу же схватила графин и налила себе огневиски, опустошая бокал залпом и рвано вдыхая. Энди тут же передал ей шоколадную лягушку, Гермиона благодарно кивнула и сразу же откусила лакомство, расплываясь в улыбке.

Нотт направил удивлённый взгляд на убирающуюся Рене, которая ничего не сделала вошедшей Грейнджер. Заметив это, Рене переместилась к камину, приводя дрова в порядок.

— Мисс Гермиона исключение, — произнесла она. — Всегда и во всём.

Нотт недовольно фыркнул.

— Вот оно, ваше хвалёное равноправие.

— А вы, я смотрю, поклонник магловской мысли, — ухмыльнулся Энди, обходя диван.

— Грейнджер, кто воспитывал ваших эльфов? — возмутился Нотт, переводя взгляд на Гермиону. — И где вообще Малфой?

Гермиона скрестила руки на груди и выгнула бровь, с усмешкой смотря в глаза Нотта.

— Скоро должен прийти, а эльфы всё правильно тебе сказали, — подмигнув ему, Гермиона обошла диван и приземлилась рядом с Ноттом, блаженно прикрывая веки. — Где потерял Забини?

Но не успела Гермиона сказать это, как тут же на пороге появился Блейз. Он быстрыми шагами подошёл к дивану, держа в руках скомканный, моментами порванный и испачканный пергамент. Нотт и Гермиона переглянулись.

— Перехватил у совы Поттера одно из писем, — произнёс Забини. — Таких сегодня он отправил четырнадцать. Чувствуете важные новости?

Гермиона сразу же вытянула руку, принимая от Забини пергамент и разворачивая его, чтобы прочитать содержимое:

«Тучи сгущаются над Орденом Феникса, то, что придавало нам силы, теперь оборачивается против нас. По последней информации: призрак Гермионы Грейнджер бродит по штабам и убивает каждого, кто попадётся на глаза.»

Неизвестно, какое проклятие могло поразить нашего соратника уже после смерти, но вступать с ней в контакт и пробовать вывести на диалог — верная гибель. Остерегайтесь и предпринимайте любые способы защиты.»

Проклятые призраки не ведут переговоры.

С сожалением, Гарри Поттер».

Гермиона усмехнулась. Что же ещё мог сказать Гарри Поттер тем, кто верит в него? Разумеется, придумать историю о мстительном духе, ведь объяснить, что она жива, он не мог — сам отобрал у себя такую возможность.

Интересно, а когда она будет вскрывать ему глотку, он начнёт читать заклинание, изгоняющее злых духов?

— Даже после смерти не даёшь им покоя, — ухмыльнулся Нотт, читая послание.

— Это ещё не все мои подарки успели всплыть, — улынулась она.

Отбросив письмо на столик, Гермиона тяжело вздохнула, морально принимая случившееся и всё больше желая завершить свои планы мести. Теперь это становилось делом принципа, чтобы наконец-то «воскреснуть» для мира, в котором Гарри её похоронил.

Но это будет потом. Сегодня смертей на её руках было достаточно.

— Предлагаю обсудить это за ужином, вы останетесь? — смотря на Забини и Нотта, спросила Гермиона.

Они переглянулись между собой. С каждой секундой тишины улыбки на их лицах становились всё шире.

— Раз ты нас приглашаешь, — начал Забини.

— То у нас просто нет возможности отказаться, — закончил за друга Нотт.

Стоявший немного дальше от них Энди громко цокнул, но всё-таки поспешил в сторону столовой, крича Рене, что две тарелки им всё-таки пригодятся. Как только он скрылся из виду, все трое переглянулись между собой и громко засмеялись.

Несколько секунд концентрированной идиллии, будто бы они не посреди войны и Гермиона не читала известие о путешествиях своего призрака...

***

Убеждаться в смерти Молли было не настолько утомительно, как Драко себе представлял, даже наоборот. Лицезреть лицо Поттера, нашедшего тело Молли под толщей льда, было особенно занимательно. В частности картина, где он успокаивал Уизлетту и говорил, что всё будет хорошо. Его слова были почти убедительны, если бы Драко не знал планы и настрой Грейнджер, возможно, даже бы поверил. На несколько минут.

Но не это волновало его в первую очередь. Из головы не шёл взгляд Грейнджер, когда она принимала решения. С каждым разом она смотрела на него с некой просьбой, немой просьбой о одобрении. Будто бы боялась, что Малфоя расстроит случившееся.

С одной стороны, это его окрыляло, потому что ей были важны его чувства,

восприятие, ощущение от происходящего. А с другой — он не мог справиться с мыслью, что из-за его неправильного взгляда она могла потерять свою силу, мотивацию идти дальше в собственном отмщении.

Грейнджер словно не понимала, что ни одно действие, слово или поступок не смогут его ранить сильнее, чем её смерть. Драко любил её, даже больше, чем она себе представляла, и, чтобы разрушить это чувство, нужно умереть, иначе его не сломить. Оно слишком давно пустило корни в его душу.

Придя домой, он надеялся поговорить с ней, обсудить произошедшее. Но когда переступил порог зала, то увидел Нотта и Забини, сидящих за столом, где они с Грейнджер обычно ужинали.

— Вот и ты, — сладкий голос Грейнджер послышался за спиной.

Её легкая рука легла на его плечо, а после он ощутил едва уловимый поцелуй в щёку и аромат пионов, окутавший его в следующее мгновение.

— Предупреждай, когда опаздываешь к ужину, — попросила она тише. — Я переживала.

С этими словами она двинулась вперед и села по правую сторону от его обычного места, начиная ругать Нотта и Забини за ещё не разлитые напитки. Эта картина выглядела необычно, удивительно, но настолько тепло и уютно, что приятная истома наполнила тело Драко. Ноги сами понесли его вперед и замерли прямо у стула, рядом с Грейнджер, которая улыбалась, накладывая еду ему на тарелку.

Его взгляд неосознанно замер на ней. Суетливой, внимательной, своенравной и чувствующей себя хозяйкой в поместье. Эта Грейнджер не была похожа на безжалостную, упивающуюся чужой болью и возмездием барышню, с которой он оказался у озера. Она не походила и на милую девушку, любящую книги и порядок, — такой он знал её в школе. Казалось, что перед ним калейдоскопом кружились разные дамы. В итоге соединяющиеся в одну, важную и любимую им же.

Грейнджер была прекрасна во всех своих проявлениях. От кровожадности до элегантности, от жестокости до заботы. Всегда разная, контрастная, но от этого ещё более притягательная. Сейчас Драко понимал, что вновь влюблялся, но уже не в ту девушку, чьи эмоции его привлекали в школе и которая заставляла его жить. А в сидящую по правую руку от него за ужином и шутившую над его друзьями не хуже его самого.

Происходящее казалось сном. И не хотелось просыпаться.

— Малфой, знал, что Орден теперь находится в страхе перед лицом новой опасности? — смеялся Нотт, протягивая Драко письмо.

Взяв пергамент в руки, Драко пробежался взглядом по строкам и невольно усмехнулся, поражаясь лжи Поттера, заходившей дальше с каждым днём.

— А завтра он скажет, что им всем это показалось, — хмыкнул Драко, отбрасывая письмо на стол.

— Что ж такое, — возмутился стоявший рядом Энди.

Подойдя, он аккуратно забрал письмо и положил в ящик к остальной почте.

— А потом будет ходить и кричать, куда же дели его бумаги, — хмыкнул Энди.

После он подошёл к Гермионе и лично налил ей вино в бокал, злобно косясь на Драко.

— Напомни, почему ты выбрала именно его? — тяжело выдохнул Драко, смотря на Грейнджер.

Она усмехнулась и благодарно кивнула Энди.

— У госпожи слабость к одиноким хамам с хорошим словарным запасом. Я думал, вы давно заметили, — сказал Энди и скрылся за поворотом в кухню.

Нотт и Забини громко рассмеялись, а Малфой лишь вздохнул, качая головой. В воздухе повисла идиллия, некая магическая связь, которая окутывала всех позитивными эмоциями. Словно они небольшая семья.

— У меня есть тост, — вдруг произнесла Гермиона, вставая со стула.

Все внимательно поглядели на неё, уже наполнив стаканы. Она ещё раз обвела взглядом присутствующих, задерживаясь на Драко, а после продолжила:

— Этот бокал я поднимаю за призрака Гермионы Грейнджер, — с победной улыбкой сказала она. — Именно он станет погибелью Ордена Феникса.

Столовая наполнилась звоном посуды, одобрительным свистом и словами поддержки. Ещё никогда чья-то смерть не воспринималась с такими радостью и воодушевлением.

Примечание к части

Считаю, что это самая жестокая смерть за весь фанфик. Дальше будет намного легче, но зато теперь мы буквально увидели значение фразы "есть стекло"....

И теперь мы наконец-то узнали причину названия фанфика, точнее одну из... А больше спойлеров и возможность обсудить главы есть на моём канале, вот здесь <https://t.me/friendmalfoy>

Глава 14 «Важность в обыденности»

Октябрь, 1997 год

Люди больше разделяли негативные чувства, чем позитивные. Ужасно сложно заслужить восхищение или любовь окружающих, но просто получить осуждение или ненависть. Обсуждать плохое всегда интереснее, чем радоваться за хорошее, да и сделать из положительного отрицательное никогда не занимало много времени. Другой угол, противоположный ракурс, и человек уже не гений, а шарлатан.

Гермиона Грейнджер в рядах Ордена Феникса прижилась быстро. И если исключить *некоторые кадры*, то имела прекрасный авторитет, заслужила огромное доверие и репутацию преданного, а главное, сильного союзника. Утратить это она смогла тоже очень скоро, всего лишь один наложенный Пожирателем смерти Империи, заставивший её оступиться на поле боя, и всё. Никакой любви, восхваления или хотя бы безразличия. Вокруг витали косые и полные презрения взгляды, слуха касался оскорбительный шёпот, а толчки при контакте с другими членами Ордена были вовсе не случайны.

Она медленно шла по площади Гриммо, 12 в комнату, где её уже ожидал Аластор Грюм. Вызов к одному из сильнейших волшебников не предвещал ничего хорошего, как и встреча с Гарри после неё. Гермиона понимала: будут лекция о важности защиты и тирада о её невнимательности.

Но что более важно, отчитывая её за эту оплошность, никто не вспомнит об успехах и тем более не подбодрит, сказав, что это её первый проступок. Когда человек герой, на ошибки права нет, потому что обесценивание заслуг происходит мгновенно. Без дальнейшей конвертации в достижения.

Однако, несмотря на это, она шла с высоко поднятой головой, стараясь сохранять лицо и зная, что исправится. Больше подобное не повторится, Грюм об этом позаботится. Гермиона ещё не понимала как, но уже готовилась к тяжёлой работе.

Замерев около двери, она постучала и, получив разрешение, вошла. Как только она переступила порог, за спиной послышались хлопок и характерный щелчок замка. Грюм повернулся и смерил её недовольным взглядом. Второй его глаз заставил вздрогнуть, отчего Гермиона крепче сжала древко и вобрала в лёгкие больше воздуха.

Происходящее нужно было принимать.

— Отложи палочку на тумбу и живо подойди сюда, — строго произнёс Грюм.

Этот человек никогда не отличался особой заботой или лояльностью. Это был настоящий мракоборец, для которого сострадания и других человеческих чувств не существовало. Есть задача? Её нужно выполнить, любыми путями, способами и тактиками. Совершенно не важно, пострадают ли при этом люди, каково будет число жертв и насколько больно станет родным.

Для Грюма жизнь была войной, а каждая смерть — вынужденным ущербом.

Иногда даже казалось, что он был рад пришествию Тёмного Лорда, потому что чувствовал себя как *дома*. В месте, кишасщем трагедией, кровью и Непростительными, там, где нет мира или спокойствия, а только события, на которых можно оставить жизнь.

Поэтому Гермиона понимала для себя единственную мысль о нём, неутешительную, но очень правдивую:

Аластор Грюм не человек, а солдат. И в его случае это было два разных понятия, не подстраиваемых под одно.

Опустив палочку на тумбу, Гермиона подошла к нему, стараясь держать марку и не показывать дрожи в собственном теле и опасения во взгляде. Грюм не должен почувствовать её страх, потому что ненавидел его.

— Я позвал тебя не отчитывать, — хмуро бросил он. — Но хочу, чтобы ты поняла важную вещь. Мы не в школе, вокруг нас война и смерть...

— Знаю, — твёрдо ответила Гермиона.

— Важно понимать, — хмыкнул он. — И так как Гарри настоял, что ты должна быть вместе с ним, отправить тебя подальше от поля боя я не могу.

Он сделал паузу и посмотрел, насколько далеко её палочка, будто готовился к решительному шагу, который ей не понравится.

— Зато могу научить противостоять Империи. Женщинам это, конечно, даётся с переменным успехом, — сексистские нотки звучали от него с небольшим пренебрежением. — Но выбора нет.

Гермиона хотела ответить, что согласна, но не потребовалось.

— Империи, — строго сказал он, направив на неё древко.

Мгновение, и контроль был потерян. Гермиона ощутила себя будто за пределами тела, при этом оставаясь внутри него. Конечности не подчинялись, говорить не получалось, но чувствовать, осязать и исполнять выходило в совершенстве.

Словно сторонний наблюдатель собственной беспомощности, она смотрела на движущийся глаз Грюма и понимала, что находится в одном шаге от провала.

— Не дыши, — спокойно произнёс он.

Тело слушалось. Кислород перестал поступать, и Гермиона ощутила катастрофическую нехватку воздуха. Попытки противиться проклятию были тщетны, сознание начинало пылать, звуки становились громче, а паника нарастала. Гермиона чувствовала, как медленно от неё ускользает реальность, и надеялась, что заклятие вот-вот спадёт. Но Грюм и не собирался его снимать, он будто ждал, пока она умрёт.

Вновь желание воспротивиться — и опять провал. Новый рывок, чтобы вдохнуть, и она терялась в агонии собственного рассудка. Секунды для неё превращались в минуты, а каждый десяток мгновений становился часом. Кожа

начинала пылать, а сознание стремительно покидало её, отдавая в руки смерти.

— Дыши, — приказ.

Гермиона жадно вдохнула и ухватилась за сердце, чувствуя, как оно нещадно колотится. Не было сил даже говорить или кричать, получалось лишь рвано дышать таким необходимым воздухом и осознавать происходящее.

Посмотрев на него, Гермиона не увидела ничего, кроме пренебрежительного взгляда. Он был ею недоволен, настолько, что глаз наливался кровью, а следующий приказ прозвучал сразу же, как дыхание восстановилось.

— Сопrotивляйся, Гермиона, если хочешь жить, — спокойно говорил он. — Другого выхода у тебя нет.

Рассудок раз за разом ускользал, не позволяя даже зацепиться за попытку противиться. Это уничтожало, но осознавать происходящее в полной мере не получалось. Кислорода не хватало на мыслительные процессы, спуская всё до механических действий: дышать или не дышать. Грюм на это и рассчитывал, вероятно, надеялся, что страх смерти однажды заставит её открыть ещё одну способность, но не выходило.

Всё, что Гермиона ощущала, — это непреодолимое желание дышать и остановить происходящее. Не бояться, что, как только её сердце вернётся в привычный ритм, а дыхание восстановится, у неё вновь заберут эту способность. Потому что всегда, когда она успевала об этом подумать или помыслить о палочке, лежавшей не так уж и далеко, он начинал вновь, с каждым разом сокращая интервалы.

— Прекратите, пожалуйста, — умоляла она, как только Империиус спадал.

Хотя бы на мгновение.

— Если ты от рождения слабая женщина, это не значит, что ты не сможешь, — твердил он.

— Думаете, это зависит от пола? — переводя дыхание, съязвила она.

— У Гарри вышло сразу, — ухмыльнулся Грюм и пригнулся, смотря в её затравленные глаза. — Не дышать.

И она вновь пыталась сопротивляться, изо всех сил вставала перед проклятием, не пуская его в своё сознание, но оно шло вперёд, ломая и забирая такой необходимый воздух.

Она плохо помнила, через сколько закончилась *первая тренировка*, но к её концу Гермиона не ощущала себя человеком. Лишь дрожащим созданием, которое по чужой воле способно делать всё что угодно. Хотелось сдаться, наложить это же заклинание на Грюма. *Чтобы он чувствовал то же самое*. Но всё, что она смогла, — выйти из комнаты и упасть на диван в соседней, где её ждал Гарри.

Весёлый, счастливый и воодушевлённый. Когда Гермиона посмотрела на Гарри, в ней проснулось непреодолимое желание закричать.

— Гермиона, я понимаю, — махнул рукой Гарри. — Мне тоже было тяжело, но у тебя получится, я уверен.

Голос такой, словно она не доходила до состояния клинической смерти, а просто бегала кросс вокруг дома. Из-за этого на секунду Гермиона подумала, что, возможно, методы Грюма и хороши. Может быть, и правда ей не стоит злиться и чувствовать себя ущемлённой.

— Когда я наконец-то смог сбросить мешок, то ощутил себя сильнее, — выдохнул Гарри.

— Мешок? — Гермиона свела брови к переносице.

— Конечно, — пожал плечами Гарри. — Я держал над головой тяжёлый мешок, и слабость в руках должна была стать ключом к сопротивлению.

Сказав это, Гарри налил в стакан воды и протянул Гермионе.

— Хотя он говорил, что с тобой хочет работать по-другому, ты же девочка, — добавил Гарри. — Наверное, что-то полегче...

Да. Разумеется.

С того дня Гермиона ежедневно приходила к Аластору Грюму, чувствуя психосоматическую боль с каждым шагом, потому что ни одного мешка не предвиделось. Только воздух и его отсутствие, последнее стало стимулом к свержению, но лишь спустя месяцы тренировок. Жестоких, лишенных сострадания и наполненных лишь садистским желанием изничтожить.

Несколько раз он смеялся, называя её беспомощной, и думал о том, что лучше один раз он забудет сказать «дыши» — и проблемы решатся...

Это Гермиона запомнила особенно чётко.

Декабрь, 1999 год, штаб №9

— Иногда призраки могут озлобиться, — заговорил Аластор Грюм.

Сегодня он стоял на небольшой импровизированной сцене посреди лагеря Ордена Феникса. Вокруг столпились волшебники и волшебницы, то и дело обновляющие Согревающие чары. На их лицах виднелись испуг, страх, опасение и полное недоверие к оратору. Это вызывало у Гермионы улыбку. Пока она стояла за спиной Аластора, ей удавалось чувствовать людское напряжение и лёгкое опасение самого Грюма.

Ощущение было в новинку.

— Насильственная смерть, которой и погибла важная для всех нас Гермиона Грейнджер, может привести к удручающим последствиям, — продолжал он.

Голос Аластора звучал настолько неуверенно, местами скомканно, а где-то и вовсе несвязно, что её пробирало на смех. Гермиона практически видела, как Гарри тёмными и холодными ночами писал эту речь, желая казаться

убедительнее. Без неё у него это не всегда получалось, а если быть до конца откровенным — никогда. Гарри, может быть, и был хорошим лидером, но оратор из него отвратительный.

Принимать «важные» решения, слепо нестись на врага, пытаться умереть в любой непонятной ситуации — это да, про Гарри Поттера. А вот убедить людей вступить в Отряд Дамблдора, подружиться с человеком без упоминания, что он Избранный, или выудить информацию из профессора без Жидкой удачи — нет, здесь помогала и подсказывала Гермиона.

Поэтому теперь смотреть, как праведный и «величественный» Гарри Поттер едва ли не рассыпался на кусочки перед всеми, кто в него верил, было для неё в радость. А Аластор Грюм, через предложения срывающийся на почти неприкрытую истерику, тешил самолюбие.

Ей нравилось слышать страх в его голосе. Она испытывала неповторимое удовольствие от ужаса в человеке, так спокойно распорядившемся чужими жизнями. Раньше каждый член Ордена Феникса боялся, когда его вызывали в кабинет к лучшему мракоборцу, а теперь он сам дрожал от мысли о её мести.

Чья смерть напугала его сильнее? Сожжённый Сириус? Рон, напуганный в гробу? Молли, утонувшая с осколками стекла в горле? Какой именно момент вызвал в Грюме, солдате, прикрывающем войной собственные садистские замашки, страх? Этого она не узнает, потому что план его смерти был немым, не имеющим красивых речей и слов, но крайне эффективным.

— Поэтому мы всех убедительно просим не покидать дома в одиночку, постоянно быть с товарищами и при первом появлении призрака уходить, — говорил Грюм.

Гермиона хмыкнула и обвела взглядом толпу, где и заметила его. *Гарри Поттера*. Он стоял в самой середине, внимательно смотря на Аластора и не подозревая, что позади Грюма, в мантии, которая принадлежала самому Гарри, была Гермиона. Готовая завершить жизнь известного мракоборца.

Это вызывало лёгкое удовольствие и покалывание в кончиках пальцев от доступной власти. Гермиона знала то, что не понимали и не предполагали другие. Будто у неё был сценарий жизни, в единственном экземпляре и единоличном доступе.

Наконец-то не окружающие решали, как жить и что делать, а она принимала на себя роль сосуда для судьбы.

— Не пытайтесь выходить на контакт или сражаться. Это уже не тот боец, которого мы знали, — с напускным сожалением добавил Грюм. — Гермиона была прекрасным человеком, сильной волшебницей и хорошим другом. Но, увы, покинула нас слишком рано.

Когда Грюм успел стать таким сентиментальным? Хотелось верить, что страх заставил его снизить до таких «ужасных» человеческих чувств, которые он всю жизнь презирал, о чём раньше активно кричал. Тогда это стало бы её личной победой, потому что она смогла заставить бояться человека, который прежде не ведал страха.

А дальше...

Он говорил. Много, нудно и настолько фальшиво, что руки чесались скорее уничтожить его. Но Гермионе хватало совести не прерывать оратора, в отличие от остальных, поэтому она дожидалась, пока он закончит.

У человека ведь должно быть право на последнее слово? Хоть и очень длинное, но всё-таки последнее.

Тем более перед ней был Гарри. С их последней встречи круги под его глазами увеличились, лицо стало на несколько тонов бледнее, а внушительная щетина придавала ещё пару лет к возрасту. Но не это привлекало, больше цеплял его взгляд — усталый, измученный и, казалось бы, равнодушный. Словно он потерял желание существовать, это было бы обидно, ведь отбирать жизнь приятнее, когда ею дорожат.

— Сейчас всем рекомендую удалиться в хижины и подготовиться к завтрашнему дню, — завершил Аластор и в эту же секунду попытался уйти.

Мгновение. Взмах древка, и решающее:

— Инсендио, — сорвалось с губ Гермионы промозглым шёпотом.

Всю сцену, ровно по краю, окрасило пламя, высоко поднимающееся над головой обеспокоенного Грюма. Он тут же схватился за палочку.

— Экспеллиармус, — произнесла она, и древко улетело за пределы огненного квадрата.

Он не видел её, метался по кругу, старался выбраться, кричал, звал Гарри, но каждый, кто подходил к огню, тут же был отброшен назад. Гермиона понимала: найдутся те, кто побежит в пламя даже за самым скверным человеком.

— Империио.

Заклятие мгновенно попало в Грюма.

Гермиона верила, что он, как каждый истинный *солдат*, не умел того, чего требовал от других. Поэтому, приблизившись к нему, она сняла с себя капюшон, увидела ужас в его глазах и шепнула последнее, но самое сладкое:

— Не дыши.

Гермиона отшагнула назад, вновь надела капюшон и замерла, наблюдая, как он задыхается.

Сначала подогнулись колени, после он рухнул на них, не в состоянии сопротивляться, но Гермиону не волновало, как терзалось тело. Его наполненное ужасом лицо было в разы увлекательнее.

Неконтролируемое хозяином, чистое и пустое, лишь по глазам можно было понять всю палитру эмоций, что плескалась в душе перед скорой смертью. А он и не пытался побороть проклятие, которое учил её перешагивать.

Она бы соврала, сказав, что это не приносит ей удовольствия, а Гермиона не любила лгать. Поэтому лишь наблюдала, выжидая, пока последние капли жизни улетят из бездыханного тела со всё ещё открытыми глазами.

Постепенно, пока Грюм умирал, усмирялся и огонь, сходя на нет ровно в ту секунду, когда Аластор погиб. Несколько волшебников кинулись к нему, пытались привести в чувства и помочь, хотели спасти, но было слишком поздно.

И лишь Гарри Поттер стоял дальше всех. Он смотрел, но не на Грюма, а на старую подругу. Казалось, будто он глядел сквозь магию мантии на саму Гермиону и уже был готов молить её о прощении. Потому что в глазах некогда друга была не скорбь, не сожаление или боль. В них Гермиона видела звенящий страх и животный ужас.

Но не сегодня, эту ночь Гарри ещё поживёт.

Долгое ожидание подобно медленной смерти, а она хотела, чтобы он настрадался.

***

В мэнор Гермиона зашла с лёгкой улыбкой, небольшой болью в мышцах и теплотой в сердце. И дело было не в отмщении, смерти Грюма или лице Гарри Поттера, когда он смотрел на неё под невидимой пеленой. Это она отпустила ещё на пороге, предпочитая не нести в дом вещи, способные хотя бы на несколько секунд её расстроить.

Приятные и трепетные эмоции навевал мэнор. Поместье тёмное, мрачное, чьи стены видели её боль и попытки умереть, но вместе с этим наполненное лучшими воспоминаниями, которые ей удалось сохранить. Именно тут она почувствовала себя нужной впервые за долгие годы, испытала эмоции, несоизмеримые с ранее прожитыми, и обрела друга. Поэтому сюда, на этот самый порог, ей хотелось возвращаться даже после тяжёлого дня.

А при упоминании дома, где тебя примут, выслушают, помогут и поддержат, на ум приходили не штабы Ордена, спальня Хогвартса, площадь Гриммо, 12 или Нора. А дорогое поместье, где когда-то убивали, пытали, омывали пол кровью не одного десятка людей и воспевали тёмного волшебника.

Именно сюда хотелось возвращаться, здесь Гермиона чувствовала себя своей.

— Госпожа, позвольте помочь, — перед ней появился Энди.

Он протянул руки, помогая ей снять верхнюю одежду, забирая мантию-невидимку и сумку с вещами. А после с улыбкой сообщил, что в гостиной разведён камин и ужин будет готов через час. Он знал, как она любила вечерами сидеть у огня, читая или размышляя, поэтому всегда заботился, чтобы к её приходу всё было готово.

Тепло улыбнувшись, Гермиона прошла в глубь поместья по направлению к одной из самых любимых гостиных. В голову лезли мысли о заботе, счастье и

умиротворении, которые постижимы только в этих стенах. Ни в одном доме, кроме потерянного родительского, к ней не было столько безвозмездного внимания. Поэтому ощущение возвращало её в приятное прошлое, где не существовало войны, не понята смерть и не приходилось убивать, чтобы справиться с демонами, терзающими душу.

Войдя в гостиную, Гермиона заметила Малфоя на диване, стоявшем напротив камина. Он лениво листал книгу, с неподдельным отвращением рассматривая названия и выражения.

Она усмехнулась.

Малфой не любил эти истории, как ни крути, для волшебника магловские книги редко были интересны, словно оказывались слишком скучны или непонятны. Но Малфой, смотря на Энди, с упоением обсуждающего с Гермионой очередную книгу, не мог смириться с этим.

Через силу он читал, пытаясь вникнуть и вклиниться в разговор. Словно для него было важно находиться с ней на единой волне. Человек, чужой по определению, старался ради неё впервые в жизни, и именно это делало его близким её сердцу и важным душе.

— Кто тебе не нравится сегодня? — спросила она, обходя диван и усаживаясь рядом.

Перекинув ногу на ногу, она с любопытством заглянула в книгу и тут же рассмеялась, откидываясь на спинку дивана.

— *«Он почти не удивлялся тому, что в последнее время стал относиться к другим не очень-то чутко; прежде эта чуткость была его гордостью»*, — зачитал Малфой, прежде чем захлопнуть книгу.

— Я бы больше радовался за Грегора, если бы он их всех съел, — произнёс проходящий рядом Энди.

— Он будет влезать во все наши разговоры? — недовольно фыркнул Малфой, переводя взгляд на Гермиону.

— Лишь в те, что касаются прочитанных им книг, — толкнув Малфоя в плечо, сказала Гермиона.

А после, словно по наитию, совершенно не думая, она пригнулась и оставила на его щеке лёгкий поцелуй. Совсем как вчера, во время ужина, будто это было обыденное действие.

Малфой повернул голову к ней и на несколько секунд замер, смотря в её глаза, а следом она ощутила касание его губ. В этом не было привычной отдачи, страсти или сводящей с ума потребности. Поцелуй был настолько обыкновенным и простым, что на секунду показался вырезкой из заезженной кассеты памяти.

Отстранившись, она улыбнулась.

Его глаза были красивы, отдавали теплом и нежностью, на бледной коже играли тени от камина, притягивая внимание, а ароматы сандала и кожи

напоминали о любимом прошлом.

Она дома. Это точно.

Взяв позади себя подушку, Гермиона опустила её на бёдра Малфоя, а после положила голову на неё, укладываясь на диван и смотря на огонь. Его рука легла на её макушку, совершая неспешные массирующие движения, заставляющие тело дрожать.

— Драко, — сказала она, вновь смакуя его имя на своих губах.

С замиранием сердца она ждала ответа, того, что именно он произнесёт, будто надеясь на обоюдный жест безусловного доверия. Она могла признаться, что в нём больше не сомневалась, но пойдёт ли на это он? Верилось, что да.

— Что, Гермиона? — шепнул он, пальцами играя с её локонами.

Она улыбнулась, сердце забилось быстрее, а рука, лежавшая под щекой, сжала подушку от прилива эмоций.

— Впервые за несколько лет я чувствую спокойствие, — произнесла она. — Не боюсь, что завтра всё это исчезнет, и не думаю, что из-за моего отказа меня оставят.

— Подводка отличная, — усмехнулся он.

— Не смейся, — улыбнулась она и перевернулась на спину, смотря на него.

Рука Малфоя опустилась на её живот, и Гермиона положила свою поверх, переплетая их пальцы.

— Спасибо, — тише произнесла Гермиона.

Он смотрел на неё несколько секунд, в его глазах едва заметно мелькнула вина, но тут же была прервана теплотой. Сегодня Гермиона решила не задавать вопросов, этот вечер она желала оставить неосквернённым.

Сейчас ей хотелось ощущать спокойствие, лежать и смотреть на Малфоя так, словно он единственный в мире способен её понять. Впрочем, вероятно, так оно и было, потому что ни с кем другим настолько любимой и свободной она себя не чувствовала.

Примечание к части

Метка "сексизм" вошла в чат. Всё ещё безмерно благодарна дорогой Любе, чья карта "Король Мечей", в виде Аластора Грюма меня вдохновила.

А тем временем до финала осталось всего пару глав...

За подробной информацией, спойлерами и информацией о скорой печати Призрака можно прийти на канал <https://t.me/friendmalfoy>. А ещё и главы обсудить...)

Глава 15 «Старая подруга»

Май, 1999 год, Малфой-мэнор

Большинство учителей в школе являлись людьми проходящими, не привлекающими особого внимания и не играющими большой роли в жизни студентов. Да, бывали хорошие, плохие, вызывающие восхищение или отвращение, но всё это превращалось в концентрированную серость. Поэтому зачастую они проходили для учеников самобытно, словно бладжер для ловца. Существовали, но значения не имели.

Другое, когда преподаватель становился наставником в жизни, иногда возносясь над родителями и семьёй. Он не был обязан растить ученика, воспитывать, помогать или поддерживать, это чужой человек, но он всегда рядом. Он злился, когда ученик его не слушал, отчитывал каждый раз, когда совершали ошибки. Но постоянно возвращался с зельем от головной боли и забывал о пропусках отработок.

Это уже не профессор, а наставник. Тот, к которому ученик шёл в любом возрасте и говорил на всевозможные темы. Без неловкого молчания и стыда в глазах. Абсолютное доверие, общение вроде и на равных, но с не отпускающим ощущением заботы. *Человек за гранью добра и зла.*

Снейп значил для Драко многое. Не потому, что был деканом, другом семьи или преподавателем, а потому, что стал для него наставником на жизненном пути. И ни один удар книгой, безобидное заклятие или воспитательная речь не ударили по Драко так же сильно, как смерть Северуса Снейпа.

Неуловимый для Визенгамота, Ордена Феникса, Пожирателей смерти. Переживший великого Дамблдора, снующий на свободе после всех тёмных проклятий. Ему удавалось выходить чистым из тяжёлых ситуаций, сохранять лицо и имя в любых условиях, быть на верной стороне даже в самые сложные времена. Ни одной оплошности, всегда чётко выверенный план и идеально просчитанные шаги. Казалось, этого человека невозможно застать врасплох, обвинить в нарушении, запереть в темнице или убить. Он словно был выше всего, что могло его уничтожить.

Но и он умудрился погибнуть. Тот, кто скрывал правду от одного из самых тёмных волшебников годами; тот, кто умудрился обойти каждую ловушку, подстраиваемую для обвинения в предательстве, и пережить большинство близких людей, скончался от случайно брошенного проклятия. Одно слово, неверно направленная палочка, и человека больше нет. Слишком простая смерть для гениального мага, преданного друга и практически отца.

— Господин желает ещё огневиски? — осторожно спросила Рене, подходя к Драко с бутылкой.

— Да, — кивнул он, опуская руку.

Она аккуратно наполнила бокал, поставила алкоголь и села на ковёр рядом с Драко, смотря на горящий камин.

— Иногда Рене думает, что высшая боль — это потерять господина, —

выдохнула она. — Но когда уходят такие хорошие люди, как мистер Снейп...

Она опустила глаза и поджала уши.

— Рене тяжело и очень грустно.

Драко внимательно посмотрел на погрустневшего домовика, а после сделал пару глотков огневиски, прикрывая веки. Алкоголь жёг горло, больно, отвратно, но именно это хотелось чувствовать сейчас. Приятный дискомфорт, напоминавший, что он всё ещё жив.

— Дорогие люди всегда гибнут первыми, — горько усмехнулся он. — Похоронная музыка часто напоминает смех судьбы.

Раздался стук. Клюв совы по стеклу создавал неприятный скрежет, отчего Драко вздрогнул и повернул голову к окну. Рене подскочила с пола и быстрыми шагами подошла, впуская птицу в поместье. Взлетев, та отправилась к потолку, кружа вокруг люстры и медленно опускаясь, пока не оказалась на спинке дивана.

Взглянув на неё, Драко заметил письмо с характерной алой печатью и аккуратно забрал его. Рене грозно подозвала птицу, та вновь взлетела и села прямо на руку домовику.

— Пойдём, я тебя покормлю, — довольно произнесла Рене и поскорее направилась в сторону кухни с воодушевлённой совой.

Кроткая улыбка проступила на лице Драко, прежде чем он сломал печать и вытащил письмо. Знакомый почерк бросил в жар, дрожь прошла по телу от кончиков пальцев и испарилась. Драко прочистил горло и с замиранием сердца начал читать.

«Не верю в случайно брошенные проклятия, по ошибке отравленную еду или испорченные продукты. Непланируемых смертей у Тёмного Лорда не бывает, Драко, запомни это, прежде чем в списке неугодных окажешься сам.

Не знаю, как именно это произойдёт, но сегодня я умру. Он больше мне не верит, видит лишь угрозу, а благие люди уже донесли, что бузинная палочка не поддаётся ему, потому что я жив. Мне остались часы, если не минуты, и я, как бы ни хотел использовать методы Дамблдора, обязан это сделать.

Продолжи то, что не удалось мне, закончи дело, начатое несколько лет назад, и отомсти за Нарциссу и Люциуса. Вся жизнь Тёмного Лорда держится на крестражах, уничтожь два оставшихся, и обычное проклятие убьёт его.

Ты знаешь, как найти Нагайну, но никто, даже сам Тёмный Лорд, не понимает, что последняя часть его души находится в Гарри Поттере. Он должен умереть, чтобы выжили все.

*Посмертно,
Северус Снейп».*

Бокал с огневиски выпал из руки Драко, но внимания он не обратил, всё продолжал смотреть на пожелтевшую страницу. Раз за разом Драко перечитывал послание и не верил в том, что это реальность.

Гарри Поттер. Тот, кто по приданию должен спасти их всех, являлся ключом к этой самой победе.

И Драко не думал ни секунды о необходимости этой жертвы. В разуме практически одинокого, лишённого семьи и наставника Драко зрел план по убийству Гарри Поттера, смерти Нагайны и уничтожения Тёмного Лорда.

Это будет отмщение. Важное. Нужное.

— Господин, что случилось? — изумилась Рене, убирая разлитый алкоголь.

Драко улыбнулся и взглянул на неё.

— Одно из самых важных открытий, — бросая пергамент в огонь, сказал Драко. — Отправь сов Нотту и Забини. Пора выбираться из тьмы.

Декабрь, 1999 год

Чтобы снять все защитные проклятия, Драко потребовалось несколько часов, но когда он наконец переступил порог темницы, улыбка не смогла исчезнуть с его лица.

Тёмный Лорд. Великий. Всемогущий. Оставивший Драко без самых дорогих людей. Он лежал на каменном полу, прикованный цепями к стене, и с усталостью смотрел на Драко. Ни огня злости, ни сил, чтобы биться, не оставалось, он погибал практически на глазах.

— Маггловская медицина необыкновенна, не так ли? — ухмыльнулся Драко. — Одним спасает жизни, других убивает.

— Глупый мальчишка, — сквозь зубы шептал Лорд. — Ты хоть понимаешь, насколько громко будешь кричать, когда я выберусь?

Подойдя ближе к Лорду, он присел, доставая из мантии шприц. Зубами стащив с иглы защиту, Драко нажал на него, пока капли препарата не прыснули прямо в лицо Тёмному Лорду. Тот стиснул зубы и слабо зарычал, пытаясь встать и воспротивиться, но силы оставались лишь на тяжёлые вздохи.

Грубо вонзив инструмент в выступающую вену, Драко медленно ввёл препарат, а после трансфигурировал «оружие» в клочок бумаги. Реддл рвано выдохнул, чувствуя, как слабость разливается по телу и почти лишает рассудка. Некогда Тёмный Лорд сейчас был словно неживая кукла, управление которой доверили заснувшему человеку.

Коснувшись палочкой пергамента, Драко шепнул заклинание, и тот загорелся, тлея на глазах, подобно погибающему Тому Реддлу.

— Совсем скоро ты умрёшь так же, — произнёс Драко, поднимая взгляд на Тёмного Лорда. — С плохой историей в учебнике и отсутствием похоронной процессии.

Поднявшись, Драко отошёл к стене и с улыбкой откинулся на неё спиной, выжидающе смотря на Реддла.

Грейнджер сможет.

***

Сидеть в одном из штабов Ордена Феникса? В главной хижине, где всегда и находился? И всё это при условии, что этот человек в очереди на верную смерть? Гарри Поттер либо был сущим глупцом, либо наивно верил, что сможет переубедить своего убийцу. Так или иначе обе причины уже свели его в могилу, оставалось бросить землю и поставить крест. Памятник он не заслужил.

На улицу уже опустилась ночь, двое дежурных вяло бродили по окрестностям, а хруст снега под ногами можно было услышать за несколько метров. Никто здесь не скрывался, и если человек шёл по уже протоптанной тропинке в мантии-невидимке, то поймать его невозможно. Это было упущение Гарри, Ордена Феникса и Аластора Грюма. Иронично, что за своими обученными солдатами он смотрел куда хуже, чем за не имеющей к нему отношения Гермионой.

— Браун! — недовольный голос Джинни послышался за спиной.

Гермиона замерла и на секунду подняла голову, убеждаясь, что снег не идёт. Сзади раздались шаги, и мимо неё стремительно прошла младшая Уизли. Она замерла в паре метров от самой Гермионы и недовольно скрестила руки на груди, смотря на приближающуюся Браун.

— Сколько раз говорили? Не бродить одним, — возмутилась Джинни. — Жить надоело? Или призрак страшнее воочию?

Лаванда закатила глаза и недовольно фыркнула, потеплее закутываясь в мантию и поправляя розовые меховые уши.

— Сказками о привидениях пугай кого-нибудь другого, — прищурившись, ответила Браун. — А мне нужно проветриться, не могу находиться с близнецами в одной хижине.

— Чем это тебе мои братья не нравятся?

Для пущей злостности Джинни подалась вперёд, возвышаясь над Лавандой на несчастные два сантиметра. Насмешка сама проступила на лице Гермионы, а желание бросить в одну из них проклятие становилось осязательнее.

— Мне не нравятся дурацкие истории про Бон-Бона, — ответила Браун. — Они даже не думают, что я могу ещё скорбеть.

— Поэтому из койки Голдстейна не вылезает, да? — выгнув бровь, поинтересовалась Джинни. — Бедная Лаванда, куда же тебя привела тоска.

Браун сжала зубы и гневно зарычала. Её лицо несвойственно покраснело, а волосы, казалось, начали дымиться от переизбытка оскорблений в черепной

коробке. Гермиона крепче сжала древко и хитро улыбнулась, взгляд её пробежался по рукам девушек в поисках оружия.

Палочек при них не нашлось.

— А это уже не твоё дело, — гаркнула Лаванда. — Беги к своему Поттеру, ищите призраков, а ко мне не лезь.

Джинни сделала шаг к Браун, уже готовая вцепиться ей в волосы, вызывая на лице Гермионы всё больше нескрываемого удовольствия.

— Как же приятно видеть, — произнесла Гермиона, заставив обеих замереть, — две подруги готовы бросить друг в друга Непростительное.

Замолчав, Гермиона улыбнулась, наблюдая за бледнеющими лицами и дрожащими руками. Эта игра становилась приятнее.

— Ты тоже это слышала? — прошептала Лаванда.

Браун схватила Джинни за запястье и с опасением начала оглядываться по сторонам, ища призрака.

— Живо в дом, — сквозь зубы сказала Джинни и подтолкнула Браун к ближайшей хижине.

Ноги их подкашивались, руки дрожали, а на лицах читался неподдельный и греющий душу Гермионы страх.

— Круцио, — произнесла она, направляя палочку на Браун.

Мгновенно та рухнула на холодный снег и зашипела от терзающей боли. Джинни скорее помчалась к ближайшей хижине, но в ту же секунду её поразило Оглушающее, и она упала. Гермиона сняла капюшон и медленно подошла к Лаванде, извивающейся от новой порции Круциатуса.

Присев рядом, Гермиона заглянула в наполненные ужасом глаза Браун. От увиденного та попыталась закричать, но сразу была поражена заклятием. Не в состоянии говорить, она разводила руками, стучала по земле, но тело отзывалось лишь сводящей с ума болью. Гермиона не щадила бывшую соседку, испытывая невероятное удовлетворение от её мучений.

На секунду в разуме мелькнула мысль, что та вполне заслуживала смерти, но Гермиона лишь отрицательно покачала головой. Как бы ей ни хотелось, ни одно действие Лаванды не являлось причиной гибели. Попыток из-за злости — да, но не смерти. Гермиона не знала, где именно лежала та тонкая грань от желания убить до понимания, что человек не заслуживает этого. Но ощущала её, словно тихий голос в глубине сознания пророчил верный ответ.

Может быть, она не настолько бесчеловечна, как казалась Ордену последние несколько месяцев?

Сделав пару шагов назад, Гермиона накинула капюшон и, оглушив Лаванду, направилась в сторону хижины. Защиты не было, людей рядом тоже, словно Гарри совершенно не опасался, что по его душу скоро придут. Это

настораживало, потому что Гарри, может быть, и был храбрым, но не настолько, чтобы отпустить защиту, когда вокруг гибнут люди.

Здесь должно быть что-то...

— И куда пропала эта Браун? — выругался себе под нос Голдстейн.

Он вышел из-за угла дома с подносом в руках и взошёл на крыльцо. Постучав палочкой по стене четыре раза быстро, а после один с промедлением, он замер, с жадностью смотря на горячий ужин. Через пару мгновений дверь открылась, на пороге показался Гарри, снимающий Защитные чары.

— Разве не Лаванда сегодня занимается ужином? — удивился Гарри, пропуская Голдстейна.

Ровно шаг в шаг, наступая на мокрые следы Голдстейна, Гермиона вошла следом за ним, стараясь не дышать и не издавать лишних звуков. Пока они не останутся одни.

— Не знаю, но, судя по лицу Джинни, когда она найдёт Лаванду — той не поздоровится, — хмыкнул Энтони.

Гарри смерил Голдстейна строгим взглядом и гневно поджал губы.

— Потому что гулять одним небезопасно.

— Да-да. Призрак Гермионы нас всех съест, я помню, — усмехнулся Голдстейн и поставил поднос на стол. — Без обид, но я думаю, что ты убит горем.

На этих словах Голдстейн упёрся поясницей в крышку стола и скрестил руки на груди.

— Сначала Гермиона, потом Сириус, дальше Рон, Молли, Грюм. Столько смертей за последние месяцы, что ты согласишься во что угодно, — тяжело выдохнул Голдстейн.

Гарри смотрел несколько секунд прямо, словно перебирая в голове известные лишь ему воспоминания. На пару мгновений Гермионе даже показалось, что она видит сожаление в его глазах.

— Как бы то ни было, следуйте правилам, — снисходительно добавил Гарри и похлопал Голдстейна по плечу.

— А вот сейчас ты говоришь прямо как Гермиона, — усмехнулся Голдстейн и оттолкнулся от стола, двигаясь к двери.

Как только Голдстейн вышел, Гарри подскочил к двери. Стремительно он начал произносить защитные заклинания, раскладывая артефакты и исписанные рунами свечи. Не хватало круга из соли, церковной молитвы на двери и священника со святой водой. Казалось, будто Гарри пытался скрыться не от Гермионы, а от нечисти из фильмов ужасов.

Как только он закончил, тяжело выдохнул и тут же сел обратно за стол,

оставив палочку рядом с собой. Настолько близко, чтобы мог схватить её ровно за секунду. Это становилось проблемой при условии, что времени у Гермионы было очень мало.

Скоро пропажу Джинни и Браун заметят...

Послышался звон посуды.

Медленно уплетая ужин, Гарри начинал расслабляться, Гермиона замечала это по мышцам, спине, положению рук и ног. Он чувствовал себя в безопасности под десятком защитных заклинаний, тонной оберегов и артефактов. Это было настолько иронично, что Гермиона уже предвкушала момент, когда переломит шею сложившейся идиллии.

Мгновение, и её тихий смех наполнил комнату, отчего Гарри схватил палочку и подскочил, осматриваясь по сторонам. Страх и опасение в его глазах приятной негой разливались по охлаждённому сознанию, а несвойственные выпады подбивали к колкостям.

— Как думаешь, галлюцинация я или реальность? — тихо произнесла она.

— Галлюцинация не убьёт четверых, — с горечью ответил Гарри. — Покажешься?

— Так неинтересно, — играючи хмыкнула Гермиона,

— Я хочу поговорить, объяснить, — пытаюсь сохранять спокойствие, просил Гарри. — Я не должен был так с тобой поступать.

Минутное молчание, гнев хлестнул разум, распарывая едва зажившие раны, и в следующую секунду палочка Гарри оказалась в её руке. Сбросив мантию, Гермиона, смотря в глаза некогда друга, сломала её пополам и, швырнув в полупустую тарелку, подожгла. Но он стоял, молча, практически не двигаясь, глядел в её глаза, будто пытался найти там прощение.

— Извини меня, — добавил Гарри.

Она громко, с оттенком издёвки и истерики, рассмеялась. Подойдя к близстоящему дивану, Гермиона опустила на него, перекинула ногу на ногу и со злобной улыбкой посмотрела на Гарри.

— Извинить? Ты не мой учебник потерял, а продал меня, — сквозь зубы произнесла она.

— Я не мог поступить иначе, — взмолился он. — Но хочу искупить вину...

Она встала и преодолела расстояние между ними за несколько секунд и приставила к его горлу палочку, с ненавистью смотря в лицо.

— Когда страшно стало так, что голос начал дрожать? В какой момент ты задумался, что сделал что-то не так? — прищурившись, спросила она.

Гарри опустил взгляд на древко, поджал губы и проглотил ком, подступивший к горлу.

— Я ждала. Даже когда ты бросил меня, во мне оставалась вера, что вы придёте за мной, — с этими словами она резко оттолкнула его.

Он рухнул на пол, попытался тут же встать, но каблук, уперевшийся в горло, не дал даже шелохнуться.

— Но ты, — прошептала Гермиона, — произнёс прекрасную речь во имя моих похорон, Гарри.

— Потому что ты мой друг, — предпринимая последнюю попытку спастись, сказал он.

— Нет, друг мёртв, Поттер, — она покачала головой. — Я твоя погибель.

В эту секунду Гермиона выудила из бездонной сумки то, что заставило его задрожать. Неизвестно, был это страх или злость из-за надругательства над верой.

— Малфой просил передать, — пригнувшись, сказала она. — Твоя смерть для него станет фееричной.

Занеся меч Гриффиндора над Гарри, Гермиона с силой ударила, но попала лишь в пол. Поттер откатился и тут же подскочил на ноги, хватая с одной из полок запасную палочку. Выпрямившись, Гермиона усмехнулась быстро потерявшему благородству и наставила своё древко на Гарри, замечая нотки решительности в жестах.

— Работаешь на этого ублюдка? — строго спросил он, набираясь смелости. — Ломаешь всё, во что мы верили?

— Ты верил, Гарри, — поправила она. — У меня выбора обычно не оставалось. Круцио!

Проклятие пронеслось мимо Поттера.

— Экспеллиармус! — воскликнул он.

Пригнувшись, Гермиона бросила вперед меч, попадая в стену в паре сантиметров от головы Гарри. Тот на мгновение взглянул на лезвие и тут же сложился пополам от пронзающего Круциатуса. Подойдя к нему, Гермиона присела рядом, удерживая болезненное проклятие на его теле.

— Отвлекающий манёвр. Занятие по подготовке Ордена Феникса номер пятнадцать, преподаватель Аластор Грюм. Помнишь? Мы умирали под его гнётом, а ты пил чай с Молли.

Встав, она вытащила меч из стены и опустила к подбородку Гарри, скользя острием вниз по горлу, пока не достигла сердца. Последний раз она взглянула в зелёные глаза, услышала болезненный стон, сорвавшийся с его губ, и, крепко обхватив рукоять, нажала на лезвие, проникая прямо в сердце.

Меч вошёл слишком легко, практически не встречая сопротивления, а после ударил её зелёной волной видения.

Перед глазами показался скованный в башне Тёмный Лорд, извивающийся от ужасной боли, а перед ним стоял Драко. Он с ухмылкой наблюдал за страданиями своего господина и ждал, пока тот наконец-то содрогнётся в муках уничтожения.

— Полагаю, Гермиона Грейнджер уничтожила последний крестраж, не так ли? — улыбнувшись, поинтересовался Драко.

Рвано вдохнув, она отпустила рукоять и отшагнула назад, упираясь в стену позади себя и смотря на труп с мечом Гриффиндора в сердце. Ноги подкосились, и Гермиона медленно опустилась, закрывая голову и осознавая всё, что её окружало и происходило.

Последний крестраж — Гарри Поттер. Вот почему у него были видения, вот почему он выжил после заклятия.

Снейп знал все планы Дамблдора, а его лучшим учеником был Драко Малфой. Вот кто получил всё после смерти Снейпа.

Малфой вручил ей меч — предмет, способный уничтожить крестраж.

Гермиона своими руками завершила то, к чему и стремился Малфой.

Обида подкатила к горлу догадкой, что её использовали, потому что это было удобно. Но желания ощутить кровь Малфоя на палочке не было, словно сознание отказывалось воспринимать столь удручающую правду и видеть в нём врага. Да и сама Гермиона не хотела этого, потому что он стал для неё оплотом любви, понимания и близости.

Но зачем? Почему он так поступил? Что из сказанного и сделанного было ложью, а что правдой? Любил ли он её или это очередной стратегический ход от изворотливого слизеринца?

Мир начинал рассыпаться перед глазами, практически плыть, как после предательства. Но разум вовремя схватил её за горло, напоминая об очень неудобной детали, которая лежала в паре метров от Гермионы.

Гарри воскреснет...

***

И пока Тёмный Лорд убивался в агонии, чувствуя уничтожение последней нити, связывающей его с бессмертием, Драко не мог избавиться от мысли, как рассказать обо всём Грейнджер. Лорд практически на грани смерти, Гарри Поттер мёртв, план подошёл к своему логическому завершению, и теперь вся власть оказалась в руках Драко. Пожиратели уже слушались его, Орден Феникса подчинится Грейнджер.

Война, забравшая столько жизней, наконец-то подходила к концу, и он мог обрести спокойствие. Войти в тот мир, который так усердно создавал, подарить его девушке, о которой мечтал. Но был ли нужен теперь ей этот мир, когда она узнала план, частью которого стала не по собственной воле? А с помощью лжи и

манипуляций.

Драко верил, что да.

Ему хотелось верить, что за эти месяцы ему удалось добиться взаимности, понимания и того уровня чувств и самоотдачи, что она закроет на всё глаза. Примет его, поймёт каждое действие и не станет осуждать. Драко надеялся на это, потому что ничего другого ему не оставалось.

Рваный вздох заставил его поднять взгляд и встретиться с измученным, едва живым телом. Улыбка проступила на губах.

Подойдя к Реддлу, Драко взял его за шею, заставляя чудовище смотреть в глаза и видеть лицо гибели.

— Ты стал обузой для собственной империи, — произнёс Драко. — А от таких избавляются.

С отвращением отбросив Лорда, Драко сделал несколько шагов и направил на него палочку, вспоминая каждую смерть, каждый болезненный вечер, глаза матери, крик отца и их могилы.

— Авада Кедавра, — с улыбкой сказал он, направляя древко.

Зелёная волна поразила Тёмного Лорда, пригвоздив его к каменной стене. Три секунды сопротивления, проклятие, не стоившее внимания, и порождённое когда-то зло оказалось кучкой пепла.

***

Протирая меч Гриффиндора от крови, Гермиона слышала, как за стенами суетится Орден Феникса, как кричат Фред и Джордж, умоляет Джинни, плачет Лаванда, пытается снять защиту Голдстейн. От последнего Гермиона улыбнулась, потому что Гарри сам запер себя в одной комнате с убийцей, и теперь, когда его ещё можно было спасти, помочь некому.

Паранойя никогда не доводила до хороших, а главное, умных поступков...

Резкий вздох за спиной, Гермиона обернулась и встретила с ошарашенным взглядом. Крепче сжав свою палочку, она склонила голову набок и тут же направила древко на него.

— Не буду врать, что неприятно это повторить, — произнесла она. — Авада Кедавра!

Вновь зелёная молния осветила комнату, заставив людей за стеной закричать, а Гарри посмертно рухнуть на землю. Уже без шанса на выживание. Схватив мантию, Гермиона накинула её, а через пару мгновений дверь пала под натиском магии — и в дом забежали остальные члены Ордена, замирая вокруг трупа Избранного.

Они пытались поймать её, но очень сложно найти тёмную Грейнджер в тёмной комнате, особенно когда она пропала сразу же, как орденовцы вошли...

Рождество Драко Малфой встречал в одиночестве, сидя в своей комнате у камина и не спеша попивая огневиски. Из проигрывателя доносилась лёгкая ненавязчивая музыка. А ощущение душевного спокойствия прерывали лишь тихие разговоры Энди и Рене, суетившихся в гостиной во время приготовления праздничного ужина.

Нотт, Забини и Паркинсон должны были прибыть через несколько часов, чтобы справить не только праздник, но и отметить смерть Тёмного Лорда. Идиллия, вечер с близкими, замечательное окончание столетия, года и мрачной жизни во вранье. Лишь один момент отрезал Драко от такого благоприятного будущего, которого безумно хотелось коснуться.

Дверь открылась, и заветное «но» само вошло в комнату, хитро улыбаясь ему.

— Расскажи же мне, Грейнджер, — сладко улыбаясь, попросил Драко.

Она сделала пару коротких шагов к нему, пальцами скользя по поверхности стола.

— Я отомстила всем. По одному, — произнесла она, приближаясь. — Гарри оставила напоследок. Он знал, что я иду...

Немое восхищение от блеска в её глазах, полное поглощение моментом, и его руки сами потянулись вперёд. Она остановилась между его раскинутых ног, ладони Драко едва касались её бёдер сквозь ткань чёрного платья. Они поднимались по талии, рёбрам, играли с её волосами, кудрями, спадающими ниже плеч.

— Иди сюда, — прошептал он, с вожделением смотря в её глаза.

Колено Гермионы опустилось на кресло, в опасной близости от его паха. Её руки скользнули от его крепких плеч выше, пока не оказались на спинке кресла. И она нависла над Драко. Её дыхание щекотало кожу, аромат пионов сводил с ума, а желание остаться с ней здесь на вечность становилось более соблазнительным...

И он не хотел разрушать это правдой, потому что боялся, что она уйдёт. Не для того столько месяцев он выстраивал между ними стену доверия, чтобы в мгновение всё потерять.

— Драко, — прошептала она, спускаясь к его губам и заглядывая в глаза. — У меня только один вопрос...

Сознание мутнело, жар окутывал его тело и разум, увлекая в сладкую и желанную близость.

— Какой? — лихорадочно выдохнул Драко, когда его руки заскользили по её бёдрам.

— Как человек, который всегда на шаг впереди, — тяжело дыша, начала она.

Он усмехнулся, не желая слышать возвращение собственной фразы, и уже хотел остановить её поцелуем, когда палочка упёрлась в его горло, а в глазах цвета карамели осели строгость и настороженность. Пригнувшись, она произнесла практически в его губы:

— Ты был готов к этому?

Голос стал властным, хватка уверенной, и он осознал: глупо было полагать, что Грейнджер не догадается.

И в ту же секунду усмешка расплылась по лицу Драко...

Примечание к части

И вот мы практически у завершения. Ещё немного и...конец. Но, тем не менее, большинство карт вскрыто, что скажете?

Оставляю ссылку на свой канал для обсуждений и информации о финале
<https://t.me/friendmalfoy>

Глава 16 «Два слова»

Май, 1999 год, поместье Лестрейнджей

Пэнси сжала руку в кулак, чувствуя, как стальная ложка впивается в ладонь, оставляя на коже алую полосу. Едва уловимая боль волной прошла по телу, заставляя вздрогнуть от резкого прилива холода. С губ сорвался тихий всхлип, и слёзы покатались по бледным щекам, капая на кухонный стол. Плечи задрожали, она едва не забилась в конвульсиях, стараясь сдержать застрявший в горле хрип.

Ослабив хватку, она услышала, как ложка с грохотом упала на пол, а после ощутила, как колени сами подогнулись. Пэнси медленно опустила и откинула голову на кухонную тумбу, смотря на почерневшую люстру. Солёные дорожки щипали кожу, двигаясь по подбородку и шее всё ниже, словно сковывая горло.

Взглянув на предплечье, Пэнси стиснула зубы, стараясь сдержать крик, отчего с губ сорвался болезненный стон отчаяния. Метка терзала душу, напоминая, что выхода больше нет и любая попытка воспротивиться всё равно приведёт в изначальную точку. Надежда угасала, несмотря на все слова Драко, веру Тео и убеждения Блейза. Иногда Пэнси казалось, что лишь она здесь понимает ущербность их положения.

Бежавшие дети Пожирателей смерти, скитавшиеся по магловскому миру, чтобы скрыться от магического, — их план был обречён на провал изначально, и даже Малфой, оставшийся среди ненавистного ему общества, не смог их уберечь от планов Тома Реддла.

Их поймали, наделили метками и заставили признать Тёмного Лорда великим волшебником. Выбор не был велик: либо это, либо смерть. А после всех ухищрений и попыток выжить умереть хотелось в последнюю очередь — они слишком много пережили, чтобы так просто сдаться...

Но Пэнси было необходимо именно это, когда она узнала об очередном плане Драко. Она уже не верила, что тот не закончится их гибелью. Пэнси хотела убедить их остановиться, но они слишком верили. *На свою беду.*

— Пэнс? Ты чего? — обеспокоенный голос Блейза послышался рядом.

Он быстро подошёл к ней и схватил за плечи, поднимая на ноги и внимательно смотря в лицо. Его глаза горели — *нет*, пылали — надеждой на лучшее. Настолько сильно и ярко, что на секунду и она будто поверила в хороший финал.

— Я... — она проглотила ком, подступивший к горлу, и посмотрела на метку.

Блейз стащил с рядом стоящего стула кофту с длинными рукавами и, словно куклу, завернул в неё Пэнси, скрывая с глаз татуировку.

— Это скоро закончится, — пообещал он, беря её лицо в свои ладони. — Он либо сгинет, либо сгниёт.

Она положила руки поверх его запястий, крепко сжимая их пальцами.

— А если не получится? — прошептала она, бегая взглядом по потрескавшейся стене. — Один неверный шаг и на четыре труп больше.

— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, — ответил Блейз, стирая капли слёз с её щёк. — Даже если это обернётся ужасом. Мы попытались.

Она хотела возразить, закричать, что не готова терять никого из них, но хлопок двери заставил их отпрянуть друг от друга, страшась одного из Пожирателей. Пэнси придвинулась к столешнице, прикрывая миску с нежно-голубыми таблетками. А Блейз встал перед ней, делая вид, что выбирает стакан.

— Переигрываете немного, — усмехнулся зашедший Тео и прошёл к Пэнси, забирая из её рук одну из ложек. — Давайте ускоряться, Малфой тянет как может.

— Вот будет разочарование, если магловские таблетки не сработают, да? — прищурившись, спросила Пэнси.

— Эти сработают, — хмыкнул Тео, разминая их в порошок. — Слабость, потеря чувств, ухудшение зрения и моё любимое, — он выбросил ложку в раковину и пересыпал весь порошок в еду и напитки, — вызывает привыкание настолько, что, если резко перестать давать препарат, пациент сдохнет.

Говоря это, Тео улыбался самой изощрённой улыбкой, на которую только способен. Неизвестно, что радовало его больше: возможное падение Лорда или что на плахе сидит родной отец.

— Кушать подано, — довольно произнёс Тео, перекладывая еду в тарелки.

***

Теодор Нотт-старший и Тёмный Лорд восседали в обеденном зале, слушая речь Драко о завоевании одного из штабов Ордена Феникса. Улыбки на их лицах становились всё шире с каждой фразой, а новые перспективы только подогревали довольный смех и подбивали на свежие тосты в честь самих себя.

Была бы воля Драко, он сам бы уже высыпал всю еду им в рот, чтобы препараты, испытанные и принесённые Тео, быстрее подействовали. Но приходилось ждать, пока они медленно уплетали погибель и даже не осознавали, насколько близки к собственному провалу.

Если Тео прав, вот-вот должно подействовать.

— Никогда не мог взять в толк, почему у таких отвратных семей рождаются недурные отпрыски, — говорил старший Нотт, отпивая огневиски. — Даже из малфоевского рода смогло выйти нечто полезное.

— Дело в мотивации, — ухмыльнулся Реддл. — Так ведь, Драко?

— Совершенно верно, мой Лорд, — ответил тот.

Совершенно спокойно, даже холодно для того, кто настолько радовал своего

господина.

— Стало быть, тебе...

Реддл не успел договорить. Ровно в то же мгновение он быстро заморгал и попытался схватиться за палочку, но рука словно уже не принадлежала ему. Старший Нотт подскочил, собираясь помочь Тёмному Лорду, но его колени подкосились — и он с грохотом рухнул на пол. На глазах они, подобно луже, растекались на своих местах, приходя в состояние почти неживых кукол, смотрящих в пустоту.

— Остолбеней, — голоса Тео и Драко смешались в один, а Тёмный Лорд и старший Нотт вовсе лишились сознания.

Пэнси и Блейз вышли из-за колонны и закрыли двери, подходя к обмякшим телам. Четверо возвысились над двумя, забирая власть и право на жизнь...

Декабрь, 1999 год, Малфой-мэнор

Драко медленно поднял руки перед собой, неотрывно смотря в наполненные злостью глаза. Грейнджер была прекрасна даже в гневе, строгость шла ей больше нежности, а расчётливость украшала лучше самого изысканного платья. Такой она была столько, сколько он себя помнил: сильная, волевая, властная и смелая. Лишь с разницей, что сегодня она не подавлена окружающим её миром — и все качества играли перед ним яркими красками.

И даже его видимое предательство, понимание которого могло кружиться в этой умной голове, не стирало её мужества. Она не разрыдалась, как в первый день в поместье, не дрожала, не просила убить её. Грейнджер, пользуясь собственным положением, подобралась к нему настолько близко, насколько могла, и приставила палочку к горлу.

Она больше не была разбита, и боль её не ломала. Сейчас это давало Драко прочное понимание: даже если живым он отсюда не выйдет, то не пожалеет о содеянном. Он вернул любимую женщину из пучины страданий и недугов, в которой она погрязла. Да, способ грязный, подкреплённый личной выгодой, но он это сделал.

Вот что стало важнее. *Она и её дальнейшая жизнь.* Он уже сделал всё, что от него могло требоваться.

Палочка больнее надавила на горло.

— Почему я? — сохраняя сталь в голосе, спросила Грейнджер. — И в этот раз мне нужен честный ответ.

Единственное дорогое, что он мог потерять, — она. Драко не колебался, сегодня настал день, который он планировал много месяцев, — правдивый.

— Потому что я люблю тебя, — спокойно ответил он.

Ни громких речей, ни величественного голоса или подводки в виде спотыканий о слова. Это было просто, понятно и настолько ясно, что не сразу воспринялось с должным трепетом.

Она свела брови к переносице.

— Со второго курса я болен тобой, Грейнджер, — продолжил он, смотря в её глаза. — Я знаю всё от Хогвартса до Ордена, и, когда Снейп умер, передав мне меч и письмо с инструкциями убийства Лорда, я создал план.

Заинтересованность, словно он был диковинным изделием или редким магическим артефактом, играла в ней. Гермиона внимательно следила за каждым его вздохом, внимая словам.

— Выследить вас, забрать тебя, — размеренно говорил он, словно перечислял список покупок. — Знаешь, почему-то я знал, что Поттер выберет себя, — на мгновение он заметил оттенок боли на её лице. — Открыть глаза на то, как с тобой обходились, что делали. К слову, штаб номер пятнадцать ходит под Империсом больше полугода, да и кольцо ты увидела не случайно.

Она стиснула зубы, смотря на него с долей обиды и злости, сдерживаемых изо всех сил.

— Почему сам не убил Гарри? — спросила она без привычной издёвки.

— Я знаю, что такое потребность в отмщении, и хотел дать тебе её, — ответил он. — Потому что она была тебе нужна, Грейнджер. Давно в зеркало смотрелась? Ты светишься.

Палочка вновь надавила на горло, заставляя его молчать. Грейнджер думала, размышляла, и Драко искренне надеялся, что не об уходе. Ощувив, каково быть любимым Гермионой Грейнджер, он не хотел её отпускать, но всё, что мог, — это верить во взаимность.

— И каков финал твоего прекрасного плана? — выгнув бровь, спросила она.

— Убить Тёмного Лорда и надеяться, что ты примешь правду, — кадык неприятно касался конца древка.

Пригнувшись, Грейнджер прищурилась, пытаясь найти издёвку в его глазах. Хотя бы малую долю лжи, но Драко, словно под Сывороткой правды, гласил лишь истину.

— Два слова, и ты не жилец, Малфой, — твёрдо сказала Грейнджер.

— Верно, — улыбнулся он, неотрывно глядя на неё. — Сможешь произнести?

Но в ответ она молчала. Смотрела на него, пытаясь собрать свои эмоции воедино, и таяла. Взгляд смягчался, мышцы расслаблялись, а палочку он уже практически не чувствовал. Грейнджер отступала и в один момент поднялась с его колен, выпрямляясь и отводя глаза в сторону зеркала.

Облизнув губы, она подошла к стеклу и замерла, с горечью осматривая себя. Драко не знал, что крутилось в её голове, но оптимизма там было слишком мало.

Поднявшись с кресла, Драко приблизился к ней со спины и аккуратно положил ладонь на талию, чувствуя, как она вздрогнула, но не отстранилась.

Позволяя ему заходить дальше, Грейнджер не шевелилась, пока он оплетал руки вокруг неё, забирая в объятия. Каждое прикосновение символизировало зелёный свет, толкающий Драко к черте взаимности.

Он аккуратно положил подбородок на девичье плечо, смотря в её глаза сквозь отражение.

— Я запытала и убила шесть человек, — хрипло произнесла она. — Многие из них видели во мне чудовище. Но знаешь, что самое ироничное?

— Удиви, — улыбнулся он, прижимая её к своей груди.

— Именно сейчас, впервые за долгие годы, я чувствую себя счастливой и любимой, — переходя на шёпот, завершила Грейнджер.

Развернувшись, она посмотрела на Драко снизу вверх.

— Два слова, Малфой, — тихо произнесла она, сделав паузу. — Я тоже.

Её ладонь легла на его щёку, а вторая рука опустилась на плечо. Грейнджер приподнялась на носочках и коснулась его губ. Сначала медленно, едва уловимо, а после яростно, жадно, крепко сжимая пальцами его кожу.

Гермиона срывалась на звучные стоны, когда он обхватывал её талию, притягивая к своему телу. *Желая ощутить ближе.*

Не было чувства прекраснее взаимности и не было счастья больше, чем человек, способный не просто принять другого и его демонов, но и без страха поделиться своими. В этот момент Драко понимал всю прелесть и магию настоящего.

Без ужимок, опущенных глаз, потерянных взглядов, страха в следующей фразе. Лишь абсолютное доверие, единый уровень понимания и подхватывающая чувственность, когда продолжаешь слова любимого, вторишь каждой просьбе и осязаяешь неповторимую самоотдачу.

Грейнджер зеркалила его лучшие качества, дополняя своими. Это порождало самое важное и необходимое. Настолько сильно, что кожа горела от каждого касания, мышцы ныли от желания крепче обхватить её в своих руках, а губы зудели от новых поцелуев, ожидая большего.

Выпить полностью, без остатка, словно бутылку дорогого и качественного алкоголя, адреналином помчавшегося по венам.

— Драко, — прошептала она, на мгновение отстраняясь.

Её глаза блестели в свете камина, опьянённый чувством взгляд устало бродил по его коже, а расслабленное лицо выдавало свободу. Грейнджер, которая была готова убить Драко несколько минут назад, сейчас, подобно податливой кукле, отдавалась ему. Любовь, не осквернённая страхом и недоверием, свет вкупе с тьмой, добродетель с оттенком жестокости. Она совмещала в себе несовместимое, становясь диковинным созданием, отвечающим всем его чувствам и потребностям.

— Гермиона, — произнёс он, вновь припадая к её губам.

Её имя на языке ощущалось весной, огнём и слабым алкоголем. Чистое, уничтожающее, но в то же время хрупкое. Девушка, сосредоточенная на контрастах, его Гермиона, которая больше никуда не исчезнет, будет счастлива, любима и почитаема, как того заслуживала.

Он чувствовал, как её горячие пальцы опускались ниже с его лица, скользили по шее, останавливаясь на груди в районе сердца, словно проживая его биение. *Обжигающие, жальщие, но необходимые.* Пробирающиеся под его рубашку, натягивающие ткань до разрыва пуговиц, касающиеся его тела, словно оголённых нервов.

— Белый начинает раздражать, — с придыханием сказала она, раздевая его.

А после близость. Её руки, оплетающие шею, грудь, прижимающаяся к его, волосы, щекающие оголённые участки тела. И губы... Они целовали его, от скул до подбородка, опускаясь и постанывая в кожу с каждым его резким движением. Это было подобно танцу — извращённому, неизвестно кому понятному, но изысканному и чувственному.

Он отпустил талию Гермионы, слыша разочарованный вздох, а после коснулся подола платья, заставляя её поднять руки и освободиться от него.

Смуглая кожа с оттенком бледности, зацелованные губы, решительный взгляд цвета яркого возбуждения.

Она вновь припала к нему, утянула на пушистый чёрный ковёр перед камином и нависла сверху, хищно осматривая его тело. Будто изголодавшийся зверь, Гермиона скользнула по нему, веря, что следующий шаг последний — настолько её движения были уверенны и решительны.

Словно завтра не наступит...

Под пальцами он чувствовал её кожу, бедра, слышал взволнованное дыхание и всё ждал, когда она насытится. Насколько бы Драко ни любил брать верх, он никогда не отберёт у неё возможность осуществить желаемое. А она этого хотела — наконец-то встать над всем, занять трон, который был необходим, и смотреть на любимого человека, лежавшего под ней.

Гермиона желала целовать Драко не меньше, чем чувствовать его губы на себе, редкая грубость была обусловлена собственной потребностью в ней же. Они будто находились по разным сторонам одного зеркала, мечтая не только остаться на своей половине, но и всецело ощутить чужую.

Оседлав его, Гермиона опустила ладонь на широкую грудь и остановилась, будто не зная, что делать дальше.

Лица Драко коснулась лёгкая улыбка, и он приподнялся, положил руку на её спину, удерживая в приятной близости, и медленно поцеловал. Смакую каждую секунду, впитывая решительность, перенимая на себе роль, которую она ему отдавала, желая оказаться в его власти, а не ощутить Драко в своей.

Гермиона сжала его плечи и податливо опустилась на спину, смотря на него

в ответ. Её кожа в свете камина отдавала цветами Гриффиндора, карие глаза окутывали теплом, а мягкие черты лица согревали лучше огня. Мгновение назад она сидела на нём со страстью и решительностью во взгляде, а сейчас поддавалась на сводящие с ума ласки и ощущала себя едва ли не дома.

Девушка контрастов.

— Ненавижу каждый упущенный день, — произнёс Драко, касаясь её шеи губами.

Он скользил носом по гладкой коже, оставляя короткие поцелуи, обдавая её тёплым дыханием и с жадностью вдыхая аромат пионов. Даже после нескольких смертей на руках, ужасов войны и гнёта вырисованной победы она пахла чистотой. От этих мыслей он неосознанно обхватил её шею губами, легко прикусывая. Гермиона выгнулась на полу, кладя ладонь на его затылок и прижимая ближе.

— Пора любить каждый прожитый, — прошептала она.

Его губы спускались ниже, касались ключиц, ложбинки между грудей, плоского живота. На мгновение Драко остановился в районе таза и стянул с неё разделяющую их часть белья. Привстав перед ней на колени, он взглянул в глаза, наполненные желанием, и коснулся её лодыжек, разводя ноги и скользя руками вверх.

Ни капли страха, опасения или нерешительности. Это подталкивало вперёд, убеждая дотронуться до внутренней стороны бедра. Медленные движения, лёгкие поглаживания, всё это награждалось прерывистым дыханием, протяжными стонами и рывками навстречу его руке. Тело желало Драко, пока разум Гермионы плыл, сдаваясь его обществу без рационального остатка.

Драко едва прикоснулся к половым губам, легко скользя между ними, и улыбнулся, осознавая, что **он** — причина её чувственности. Это вновь возвращало к реальности, придавая действительности вкус вечного. Она не исчезнет завтра, не уйдёт от него через неделю, не покинет спустя месяц. Гермиона останется с ним, желая только его. И душой, и телом...

В её случае первое повязано со вторым.

Накрыв Гермиону своим телом, Драко запустил руку в её волосы, массируя и слыша прерывистое дыхание. *Звук, распалаяющий желание.* Его пальцы легко коснулись клитора, медленно обводя по кругу. С каждым неспешным движением её рот открывался в немом крике удовольствия.

Собственное возбуждение начало колоть его самого. Одежда словно усыхала, а потребность войти в её податливое, раскрытое и жаждущее его тело становилась выше на несколько голосов. Разум разрывало от картины перед глазами, он слышал, как собственное дыхание звучало всё громче.

Опустившись к её входу, Драко аккуратно ввёл внутрь один палец, большим продолжая массировать клитор. Это сводило её с ума, заставляя метаться по ковру, сжимать ткань в кулаке и стискивать зубы, желая получить больше. Удовольствие росло над пониманием, тело возвышалось над разумом, и она таяла перед ним, отдавая себя.

Прижав палец к верхней стенке, Драко медленно погладил чувствительную точку, с наслаждением слушая разрывающие стоны. Способность совладать с собственным возбуждением покинула его слишком быстро, и он возвысился над ней. Избавившись от остатков одежды, Драко вновь накрыл её своим телом.

Ощущения непознанные: взаимность в постели, обусловленная не плотским желанием, а ментальной необходимостью.

Когда человек должен принадлежать тебе, а ты ему.

Гермиона скользнула ладонями по его рукам вверх, крепко сжимая предплечья, едва ли не впиваясь в них ногтями. Её рот был приоткрыт, а бёдра приподнимались, желая ощутить его ближе.

— И больше я не отпущу, — сказал он, медленно погружаясь в неё.

Гермиона закусила губу, а он зашипел оттого, насколько крепко она его обхватила, как в ней тепло и неповторимо. Боль от ногтей, царапающих спину, ушла на второй план, остались только её нежный взгляд, обнажённое тело и ноги, оборачивающиеся вокруг его бёдер. Гермиона надавила пятками на его поясницу, при этом стискивая зубами кожу до крови, желая почувствовать больше, яростнее, быстрее.

— Кто кого ещё не отпустит? — хмыкнула она, улыбаясь всего на мгновение, прежде чем он вышел и уже быстрее толкнулся в неё.

Гермиона откинула голову на пушистый ковёр, подставляя Драко свою шею. Не выдержав соблазна, он опустился к ней, посасывая кожу и медленно двигаясь. Они ранили друг друга: она его спину, царапая до крови, он — её тело, прикусывая до лёгких алых крапин. *И оба были счастливы. В боли на грани наслаждения и в желании на грани сумасшествия.*

— Если найдёшь другого, сложно будет объяснить следы на шее, — хмыкнул Драко, целуя её подбородок и припадая к губам.

— Расцарапанная спина тоже не подходит под древние пытки, — улыбнулась она, отвечая на поцелуй.

Требовательный, влажный, ловящий рваные вздохи, наполненный стонами удовольствия. Он подавался бёдрами вперёд, меняя угол проникновения и нарочно задевая лобком клитор. Стимуляция всех зон начинала сводить её слова к минимуму, оставляя лишь звуки — прекрасные, издаваемые созданием во время истинного блаженства.

— Уверена? Ты долго пыталась меня, — крепко сжимая её в своих руках, сказал Драко.

— Поэтому ты такой медленный? — едва связывая слова, спросила она, поддевая его, толкая к собственному удовольствию.

Движения ускорились, доводя её до иступляющих стонов. Гермиона сжалась вокруг него, дрожа всем телом. Удовольствие сводило все её пререкания к минимуму, оставляя только эйфорию.

— Тебя устраивает настолько быстро? — последнее, что спросил он.

Фрикции стали хаотичнее, не давая отойти ей от первого оргазма, подводя ко второму — яркому и ещё более громкому. Она крепче сжала Драко, и в один момент всё его тело окаменело. Дрожь от затылка пробежала по позвоночнику, сосредотачиваясь в точке их соприкосновения, и он излился в неё.

Несколько секунд они прерывисто дышали, смотря друг другу в глаза, и не могли поверить, что это реальность. Мир, казавшийся раньше недостижимой сказкой, открывался перед ними, и в нём они оставались вместе. Желанными, необходимыми, взаимными.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

— Два слова, Грейнджер, — улыбнулся он ей в губы. — Я тоже...

***

Время близилось к полуночи, в гостиной мэнора уже собирались почётные гости, ругающиеся друг с другом через слово. Этим они вызывали негодование и попытки помирить их со стороны Рене и недовольные взгляды Энди, который лишь хмыкал и подначивал каждого присутствующего в своей излюбленной манере.

— Что же там может быть? — протянул Тео, смотря под ёлку.

Под ней в ярко-зелёной упаковке, перемотанной такой же зелёной лентой, лежал недвусмысленной формы предмет. Начало его было большим, напоминающим множество прутьев, а конец тонким, подобно стволу молодого дерева.

— Наверное, котёл, — ухмыльнувшись, толкнула его в плечо Пэнси. — Или новый костюм от мадам Малкин.

— Уже и пошутить нельзя? — закатил глаза Тео.

— Не когда ты в третий раз даришь метлу, — шепнула Пэнси, подходя к столу и беря в руку бутылку вина.

Она долго крутила алкоголь, рассматривая его в поисках года сбора урожая, но увидела лишь собственное отражение. Подошедшая Рене поставила на стол закуски и с улыбкой посмотрела на Пэнси.

— Мисс Пэнси, уже разливать вино?

— Нет-нет, дорогая, — покачала головой Пэнси. — Всё-таки дождёмся наших горячо любимых хозяев.

Рене понимающе кивнула и скорее отправилась на кухню за остальные тарелками, пока Энди, стоя на одном из стульев, расставлял бокалы. Заметив, что он закончил, Пэнси обвела взглядом стол и свела брови к переносице, не замечая привычной сервировки.

— Госпожа предпочитает вино, — пояснил Энди. — А мистер Малфой всё равно не смотрит дальше огневиски.

Пэнси усмехнулась и удовлетворённо кивнула, а Энди продолжил раскладывать приборы к тарелкам и напевать песню, играющую из магнитофона.

— Я их нашёл, — закричал Блейз, входя в гостиную.

Сзади него медленно шли Драко и Гермиона, его рука по-хозяйски опоясывала её талию, а она с улыбкой и блеском в глазах осматривала гостиную. Довольная Пэнси бросила взгляд в сторону Тео, кладущего под ёлку очередной «непримечательный подарок» в форме котла.

— А кто принёс ёлку? — сведя брови к переносице, спросил Драко.

— Явно не вы, — пропел Энди, оставляя последние приборы и спрыгивая со стула. — Госпожа, как вы себя чувствуете, что-то желаете?

Гермиона посмотрела на Энди и присела перед ним, призывая из-под ёлки упакованный подарок. Эльф несколько секунд с долей непонимания глядел на неё, но, когда она протянула ему небольшую коробку, всё-таки взял её в руки и открыл. Глаза Энди в ту же секунду заблестели, и он достал «Дитани» — ту самую книгу, которую однажды похитил из её комнаты, чтобы прочесть.

Положив свою ладонь поверх его, Гермиона улыбнулась.

— Это твой экземпляр, а в комнате кого-то ждёт новый книжный шкаф, — произнесла она, увидев искреннее счастье на лице Энди.

Шагнув к ней, он крепко обнял свою госпожу и тут же испарился скорее рассматривать свой подарок. Шокированная до слёз Рене тут же достала из складки платья платок и с улыбкой посмотрела на Гермиону. Эльфийка уже собиралась высказаться о трепетности, но тут же в её руки опустилась другая коробка.

— Рене подарок? — удивилась она.

На что получила кивок Гермионы. Осторожно, с долей любопытства Рене сняла подарочную бумагу, и её уши едва ли не стали больше на пару сантиметров — настолько она была взбудоражена.

— Чайный набор, — на выдохе произнесла она.

— Теперь свои прекрасные напитки сможешь создавать сама, а не покупать у других, — улыбнувшись, сказала Гермиона.

Рене вновь расплакалась и, вытерев платком лицо, тут же подбежала к ней. Она крепко обняла Гермиону и с благодарностью посмотрела на Драко.

— Вот это я понимаю подарки, — развёл руками Тео. — А не то, что нам Реддл дарил последние пару лет.

— Жизнь и возможность стоять с ним бок о бок, — воодушевлённо произнёс Блейз.

— Официально признано худшим подарком в моей жизни, — пропела Пэнси, а после перевела взгляд на Гермиону. — Нас пригласят к ужину? Вы сегодня не очень-то гостеприимны.

Вероятно, Пэнси ждала, что Гермиона замешкается, как это было всегда. Но в ответ та лишь вскинула подбородок и скорее прошла к столу, утягивая за собой Драко и приглашая остальных.

Когда все расселись по местам, Драко встал из-за стола, внимательно осматривая присутствующих. На лицах его друзей отражались неоспоримая свобода души, полная принадлежность самим себе и истинная победа над угнетателем.

Это то, чего он добивался. И теперь они смогли это обрести...

— Нас притесняли, — он коснулся взглядом Гермионы, сидящей по другую сторону от него, — отлавливали, — он посмотрел на друзей, — уничтожали наши семьи, близких, лишали всего.

Короткая пауза ровно на двадцать секунд, чтобы заранее прожить одолевающие эмоции гордости и наконец-то закончившегося ужаса.

— Этот мир и его люди пытались сломать нас, но мы оказались сильнее, — подняв бокал, он продолжил. — И теперь он наш. С этой минуты лишь мы решаем, какой будет наша жизнь. Добро пожаловать в настоящее, где мы обрели свободу!

Комната наполнилась звоном бокалов, тихой музыкой, дружеской беседой. А тёплые, благодарные взгляды тех, кто завтра без единой эмоции пройдёт по Министерству, забирая его себе, грели душу.

Они победили. Не добро, не зло, а люди, борющиеся за себя.

Эпилог

Министерство магии, Великобритания, 25 декабря 2000 год

Размеренная музыка, ароматы свежесобранных пионов и пергамента, тихое бормотание Энди, вид на ночной, усыпанный снегом Лондон. Подняв голову, Гермиона ощутила, как на губах проступает улыбка от картины сквозь панорамное окно. Множество домов, огней, снежинки, опускающиеся на землю, и всё это раскрывалось перед ней пониманием правильности происходящего.

В очередной раз она согласилась с Драко, возвысившим здание Министерства настолько высоко, что мир можно было удержать на ладони. И вновь похвалила себя за догадку скрыть это от всего магловского мира. Таким образом у неё получалось вечерами сидеть, любоваться прелестным видом и оставаться незамеченной, будучи в своём огромном, но в то же время уютном и родном кабинете.

— Драко сообщил, когда придёт? — спросила она, переводя взгляд на Энди.

Тот раскладывал почту и в мгновение, когда Гермиона на него посмотрела, спрятал одно из писем за спину. Ровно на секунду его лицо озарило беспокойство, а после вновь легла маска серьёзности.

— Он отказался отвечать на мои вопросы после замечания о неумении планировать график, — пожал плечами Энди и хитро улыбнулся. — Но Рене передала, что будет к восьми.

Гермиона усмехнулась. В первые дни, когда Энди появился в поместье, она посчитала, что он и Драко никогда не смогут находиться вместе, но оказалось наоборот. Жили бок о бок они превосходно, особенно когда сходились во взглядах или молчали. Да, оставались колючие моменты взаимных претензий, но они настолько сливались с рутинной, что становились роднее.

Подперев рукой подбородок, Гермиона прищурилась, смотря на Энди, всё ещё держащего за спиной письмо и делающего вид, что ничего не происходит. Вероятно, надеялся, что она отвернётся.

— Давай его мне, — она протянула ладонь вперёд, прищуриваясь.

— Там ошибки уже на конверте, госпожа, вы такое не любите, — махнул рукой Энди. — Я передам мистеру Малфою, эта страна такая же его, пусть поработает.

— Энди, — она смерила его строгим взглядом.

Домовик мялся ещё пару мгновений, приводя один за одним аргументы, почему ей не стоит читать послание, но в итоге всё-таки сдался, отдавая ей конверт. Печать Азкабана мгновенно бросилась в глаза, и в эту секунду Гермиона поймала себя на мысли, что вестей оттуда несколько месяцев не поступало. Сведя брови к переносице, она вскрыла пергамент и достала оттуда извещение о смертях заключённых.

Там были имена Пожирателей, отказавшихся подчиняться режиму Драко,

части Ордена, не верящего, что Избранный умер от рук Уизли и вся история с гибелью Гермионы и её призраком — выдумка треклятого семейства. Но взгляд остановился на другом — человеке, который оказался не в нужное время, не в нужном месте и далеко ни один раз. О её смерти Гермиона даже немного жалела...

Джинни Уизли повесилась в камере Азкабана на ткани от своей формы двадцать пятого декабря двухтысячного года. Ровно в годовщину смерти Гарри Поттера.

Взглянув на Энди, Гермиона заметила рядом кружку успокаивающего чая и лишь тихо засмеялась, осознавая, почему так долго не было вестей.

— Кто ещё? — спросила она, склонив голову набок.

Энди сначала отвернулся, словно не желая рассказывать ей о происходящем, но после опустил уши и всё-таки признался:

— Она была последней из выживших Уизли, они все покончили с собой за несколько месяцев, — произнёс он.

Гермиона поджала губы, но всё же понимающе кивнула, вновь возвращая взгляд к панорамному окну с видом на рождественский Лондон.

В голову лезли неутешительные мысли о прошлом и покалывающее сознание ощущение настоящего. За прошедший год поменялось слишком многое, и теперь, оборачиваясь, ей казалось, будто пару лет назад была другая жизнь. Там её пытали, предавали, бросали и отвергали, а теперь она сидела в кресле министра магии и руководила страной вместе с Драко Малфоем. С некогда Пожирателем смерти...

Иногда ей виделось, что всё это сон, будто жизнь не могла принять такой крутой поворот. Но каждый день, отдавая приказы, создавая планы по выводу магической Британии на новый уровень влияния и улучшая жизнь граждан, она убеждалась, что кругом реальность, и это не всегда приносило Гермионе радость.

Да, как она и хотела, из-под её руки шла благодетель, наладилось социальное равенство, отменено рабство и почти выведена торговля домовиками. Но это не всегда виделось достижениями, зачастую замаливанием грехов за количество трупов, которые пришлось переступить, манипуляции, убийства. Старая Гермиона, которая боялась остаться ни с чем и одна, давно бы извелась, но та, что сейчас рассматривала Лондон, приняла для себя, что так нужно.

Да, ей было жаль тех Уизли, которые выжили, будучи обвинёнными в убийствах и покушении на неё саму. Она ненавидела выдуманную легенду, благодаря которой её приняли как министра магии, она осталась для мира сильной, волевой женщиной, а не мстителем, отводящим душу в смерти.

Но пережитое помогло ей понять: существовал вынужденный ущерб для общего блага и светлого будущего. Иногда приходилось делать выбор, который для обычного человека будет злом, но для неё обернётся единственным верным вариантом. Потому что это мир, в нём не было белого и чёрного, лишь серость,

которую принимали, только реализм, зависящий от личных интересов и судьбы.

Иногда она думала: смогла бы поступить сейчас с кем-то дорогим так же, как когда-то поступили с ней? Продать взамен на собственную жизнь? Удручающе, но многих — да, исключения были, но это, как и у Драко, очень короткий список. Когда-то она думала, что значила для Гарри именно это, но, видимо, нет.

Может быть, он и не виноват в том, что обменял свою жизнь на её, но он был виноват в том, что оказался ужасным другом. Потому что своих близких она ни за что бы не отдала.

Раздался стук в дверь, Энди мгновенно подошёл к ней, открывая и приветственно кивая. Драко шагнул внутрь, а Энди двинулся в коридор, оставляя их наедине.

— Блейз и Пэнси задерживаются, — сказал Драко, прогулочным шагом двигаясь по кабинету. — Ей захотелось вдохнуть аромат магловского кофе.

— У беременных странные предпочтения, — рассмеялась Гермиона, вставая из-за стола и подходя к Драко.

Крепко обняв его, она оставила на щеке поцелуй и утянула за руку к панорамному окну, замирая перед ним.

— Иногда мне так не хочется отсюда уходить, — мечтательно произнесла Гермиона.

В эту секунду ладони Драко легли на её талию, и он прижал Гермиону крепче, оставляя поцелуй на оголённом плече. И в эти моменты мысли о правильном и неправильном, хорошем и плохом, ужасном и справедливом её покидали.

— Мы не рассматриваем твой переезд в Министерство, — улыбнулся он. — Разве что оно может переехать домой...

Гермиона громко рассмеялась и откинула голову на его плечо, смотря на мир, принадлежащий им. Тот, который издевался над ними, ломал их, истязал, сейчас оказался в их руках, и теперь он склонился, а они вступили на вершину. Ценой были душа, оставшийся свет и привычка делить всё на чёрное и белое, — её заплатить они смогли.

Примечание к части

Эта работа началась для меня в июне 2023 года с фразы "Она убила их всех". С тех пор история обросла множеством фактов, сюжетных поворотов, персонажей, но при этом сохранила свой замысел. <i>Историю человека, которого сломал человек.</i>

Герои "Призрака Гермионы", в некотором большинстве, это те, кто просто хотел жить. Избавиться от собственных демонов, отомстить за семью, найти место, где будет в безопасности. Разве это так много? Нет, но и такую малость мир им не дал.

Поэтому, устав быть казнёнными, они стали палачами. По разным причинам, в различные времена и при несовпадающих обстоятельствах, но стали. Может быть это была их ошибка, возможно, нет, здесь не нам судить, да и поделить мир на чёрное белое в сплошной серости невозможно. Увы.

Наверное, эта история, которая просто случилась, показав нам одну из ветвей развития. Да, не всегда светлую и добрую, а зачастую обречённую и болезненную, но вполне возможную. Надеюсь, что вам было также чувственно читать, как мне писать эту работу.

Что остаётся? Спросить ваше мнение.

А также хочу сообщить, что в моём тг-канале скоро откроется предзаказ на печатную версию "Призрака Гермионы", с иллюстрацией некоторых сцен. Если вам нравится мысль, увидеть эту историю на полке, то вам сюда <https://t.me/friendmalfoy> . Информация будет размещена в ближайшее время.

Сноски:

^[1] цитата из сериала Дневники Вампира